

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
РАНХиГС

Серия: *политология и социология*

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

№2 2017

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(председатель Редакционного совета);
Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук
Республики Беларусь;
В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор;
С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;
Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;
М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

Е. В. Перерва, канд. истор. наук

Редакторы перевода:

Е. В. Гуляева, канд. филол. наук, доцент;

Ю. В. Семикина, канд. филол. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;
Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;
О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;
Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;
И. А. Злочевский, канд. эконом. наук, доцент;
В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;
А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;
А. Л. Кузванова, д-р социол. наук, доцент;
А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;
Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;
И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;
А. А. Огарков, канд. эконом. наук, доцент;
Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;
О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;
Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;
Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент;
А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь);
С. С. Ермакова, секретарь

Адрес редакции: Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского института управления –
филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGIAY

Л. Гашиперик

ЯЗЫК И ВЛАСТЬ: ПАРАДИГМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ
ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XX В. 5

L. Gashpieri

LANGUAGE AND POWER. PARADIGMS
OF INTERACTION IN CZECHOSLOVAKIA
IN THE SECOND HALF OF THE 20TH
CENTURY..... 5

Т. Н. Митрохина

ДУАЛИЗМ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛИТИКЕ
КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ..... 12

T. N. Mitrokhina

DUALISM OF TENDENCIES IN THE
POLITICS AS A REGULARITY OF
POLITICAL DYNAMIC..... 12

В. А. Тер-Акопян

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНСТРУКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИ-
КО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИФИКИ ВЛАСТНОЙ
МИССИИ ГОСУДАРСТВА..... 17

V. A. Ter-Akopian

THEORETICAL-METHODOLOGICAL CON-
STRUCT OF RESEARCH OF POLITICAL
AND LEGAL SPECIFICS OF AUTHORITY
MISSION OF A STATE..... 17

В. А. Колесников

ИДЕОЛОГИЯ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ФОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 22

V. A. Kolesnikov

IDEOLOGY AND ITS POLITICAL FORM IN
MODERN RUSSIA..... 22

К. Г. оглы Аллахвердиев

ТЕКУЩИЕ ТРЕНДЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
АКТИВНОСТИ В КАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ..... 26

K. G. Ogly Allahverdiev

CURRENT TRENDS OF GEOPOLITICAL
ACTIVITY IN THE CAUCASIAN
REGION..... 26

Ч. И. Мамедов

РОЛЬ И МЕСТО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕ-
СТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ..... 29

Ch. I. Mamedov

ROLE AND PLACE OF CIVIL SOCIETY
IN THE SYSTEM OF STATE
MANAGEMENT IN THE REPUBLIC
OF AZERBAIJAN..... 29

И. Л. Морозов

СЕТЕВАЯ ЦЕНзуРА VERSUS СЕТЕВАЯ
СВОБОДА – В ПОИСКАХ БАЛАНСА
ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖД-
АНСКОГО ОБЩЕСТВА..... 32

I. L. Morozov

NETWORK CENSORSHIP VERSUS
FREEDOM – IN SEARCH OF BALANCE OF
INTERESTS OF THE STATE
AND CIVIL SOCIETY..... 32

С. В. Китаев

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬ-
НОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА..... 37

S. V. Kitaev

THE PROBLEM OF POLITICAL STABILITY
AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN STATE..... 37

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Т. Ф. Маслова

АНАЛИЗ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛИДЕРА: МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ И
ОЦЕНКИ..... 41

T. F. Maslova

ANALYSIS OF A POLITICAL LEADER'S
DISCOURSE: METHODS OF
CONDUCTION AND ASSESSMENT..... 41

П. Н. Кобец
ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ГОСУДАР-
СТВЕННОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ВАЖНЕЙ-
ШЕГО ЭЛЕМЕНТА НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА..... 44

И. М. Вакула, А. А. Контарев
О СОЦИАЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ
СОВРЕМЕННОГО МИГРАЦИОННОГО
КРИЗИСА..... 49

Ш. Н. Ягизаров
ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ..... 53

И. В. Глушко
ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ КАК МЕН-
ТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВА В РОССИИ..... 56

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

И. М. Лаврухина
ГОСУДАРСТВО КАК ТРАНСЦЕНДЕНТ-
НОЕ ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА..... 60

И. Ф. Водяникова
ЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА..... 64

Е. В. Перерва
К ВОПРОСУ ОБ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕ-
СКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНДИВИДОВ,
ЗАХОРОНЕННЫХ В ПОГРЕБЕНИЯХ С
ДВУМЯ МЕЧАМИ, РАННЕСАРМАТСКОГО
ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАННЫХ
МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ..... 68

**СЛОВО –
МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ**

М. М. Фарухов
ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННО-
СТЕЙ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ..... 77

Е. В. Зудова
МУНИЦИПАЛЬНАЯ МИЛИЦИЯ КАК
ФОРМА ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПО-
РЯДКА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЯХ..... 79

О. В. Черницына
ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ –
ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 83

P. N. Kobets
THE PROBLEMS OF CREATION
A STATE SYSTEM OF ECONOMIC SECUR-
ITY MONITORING IN THE RUSSIAN
FEDERATION AS AN IMPORTANT ELE-
MENT OF NATIONAL SECURITY
OF THE STATE..... 44

I. M. Vakula, A. A. Kontarev
ABOUT SOCIAL CONTENT
AND POLITICAL FORM
OF MODERN MIGRATION
CRISIS..... 49

S. N. Yagizarov
GENESIS OF THE PRESIDENCY INSTITU-
TION IN AZERBAIJAN..... 53

I. V. Glushko
TRUST AND DISTRUST AS MENTAL
UNITS IN THE CONTEXT OF TRANSFOR-
MATION OF POWER AND SOCIETY IN
RUSSIA..... 56

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

I. M. Lavrukhina
STATE AS TRANSCENDENT FOUNDATION
OF THE SOCIO-POLITICAL
WORLD..... 60

I. F. Vodyanikova
LANGUAGE OF POLITICAL DISCOURSE... 64

E. V. Pererva
TO THE QUESTION OF PALEOPATHOLOG-
ICAL PECULIARITIES OF INDIVIDUALS
BURIED IN BURNS WITH
TWO SWORDS, THE EARLY SARMAT
TIME FROM KURGANIC BURIAL
GROUNDS OF THE LOWER
VOLGZHYA..... 68

**THE WORD FROM
YOUNG SCIENTISTS**

M. M. Farukhov
TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF
VALUES AND THREATS TO NATIONAL
SECURITY..... 77

E. V. Zudova
MUNICIPAL MILITIA ASA FORM
OF ENFORCEMENT OF PUBLIC ORDER IN
MUNICIPAL
INSTITUTIONS..... 79

O. V. Chernitsyna
THE PARLIAMENTARY OPPOSITION –
THE PHENOMENON OF THE POLITICAL
PRACTICE OF MODERN RUSSIA..... 83

<i>А. С. Васюков</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АППАРАТА РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ.....	86	<i>A. S. Vasyukov</i> THE FEATURES OF FORMATION AND LEGAL SUPPORT OF THE ACTIVITY OF THE REGIONAL PARLIAMENT OF THE VOLGOGRAD REGIONAL DUMA.....	86
<i>Е. Р. Стаценко, И. Г. Томарева</i> ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ.....	90	<i>E. R. Statsenko, I. G. Tomareva</i> MANAGERIAL DECISION-MAKING.....	90
<i>Ю. Б. Прибытков, Н. А. Юшина</i> ОСОБЕННОЕ В СИСТЕМАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ.....	94	<i>Y. B. Pribytkov, N. A. Yushina</i> SPECIAL IN THE LOCAL SELF- GOVERNMENT SYSTEMS OF RUSSIA AND CHINA.....	94
<i>И. А. Ишакова</i> КОНФЛИКТ В ОРГАНИЗАЦИИ И СПОСОБЫ ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ.....	97	<i>A. I. Ishakova</i> ORGANIZATIONAL CONFLICTS AND THE WAYS OF ITS RESOLVING.....	97

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGIA Y

УДК 32.019.51:81'272(437)»19»
ББК 66.3(4Чея),15

ЯЗЫК И ВЛАСТЬ: ПАРАДИГМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Любомир Гашиперик

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь языка и власти, показываются механизмы воздействия власти на народные массы посредством введения новых терминов. Выявляются социально-культурные противоречия в политических системах, обусловленные пустотой официальных деклараций, и приводятся примеры из политической практики Чехословакии о бесперспективности ложных языковых смыслов. Особое внимание уделено социалистической политической лексике, которая противодействует развитию уникальности этнической культуры. Критический анализ политического языка социалистической Чехословакии логично переходит в критическое осмысление языковых проблем современных социумов.

Ключевые слова: власть, язык, политика, культура, репрессии, Чехословакия, идеология.

LANGUAGE AND POWER. PARADIGMS OF INTERACTION IN CZECHOSLOVAKIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Lubomir Gashpieri

Abstract. The article is about the correlation link between language and power. The author shows the policy impact on the masses by introducing new terms. Social and cultural contradictions are revealed in political systems. These contradictions are conditioned by the emptiness of official declarations. The author gives examples of political practice in Czechoslovakia about futility of false linguistic meanings. The author pays attention to socialistic political lexis that counteract unique ethnic culture. Critical analysis of the political language of socialistic Czechoslovakia logically turns into a critical comprehension of the language problems of modern societies.

Key words: power, language, politics, culture, repression, Czechoslovakia, ideology.

Форма взаимоотношения языка и власти во многом характеризует текущее состояние политических режимов, их культуру и идеологию и, тем самым, базовые ценности и интересы. «Какова культура, такова идеология и наоборот» [1, с. 257], невзирая на то, рассматриваем ли мы демократические или недемократические режимы. Разница заключается в том, что авторитарные режимы с тенденцией к тоталитаризму в большей степени инклинируют к единственной, ими утверждаемой, безальтернативной правде и чем, собственно, через навязанные правила, запреты и приказы, т. е. разными ступенями цензуры блокируется какая-либо попытка естественного диалога. Не больше гласности, а – одногласности,

как части организованного согласия и выгодной для подобных режимов дистрибуции власти при создании видимости легитимности и легальности путем принятия соответствующих правовых норм.

Свободный диалог подразумевает свободный обмен информацией, возможность задавать вопросы и требовать ответы на них. Как писал М. М. Бахтин, «человек по своей сути является существом диалогическим и именно это свойство решающим образом определяет схватку и споры между силами диалога и монолога» [1, с. 257] как в прошлом, так и в настоящем. Ортодоксальные монолингвисты настаивают на своем собственном, нередко искусственном, языке; иногда с безот-

четной, но чаще с намеренной переизбыточностью употребления слов, как и их злоупотреблением, что П. Фиделиус образно называет «семантической инфляцией» [3, с. 8]. С углублением процесса познания и возможностями, которые предоставляют развитые информационные технологии, в особенности их прогресс во второй половине XX в., когда они приобрели исключительно изощренные формы, этот феномен представляет для человечества определенные риски. Семантическая инфляция деформирует общественное пространство, а в крайних проявлениях, каковыми являются авторитарные режимы, в значительной степени его опустошает.

Идеологизация языка в его различных модификациях повлияла на идеологизацию общественной жизни, включая политическую коммуникацию в треугольнике политическая власть – гражданин – масс-медиа, в котором усиливается политическая пропаганда, являющаяся важнейшим фактором в военных конфликтах, именуемых в настоящее время гибридными войнами. Таким образом, непосредственный человеческий опыт по сравнению с прошлым все в большей степени подменяется полководьем слов, понятий и образов, поставляемых в эре так называемого «коммуникационного изобилия» масс-медиа. Умение осуществлять селекцию существенной информации и ориентироваться во все более густой семантической туманности превращается, пусть и в усложняющуюся, но в то же время важнейшую дисциплину, которая позволяет сохранить взгляд на перспективу, душевное здоровье и поддержание контакта с реальной, а не виртуальной действительностью. Здесь будет недостаточен только анализ, которым в прошлом, как и в настоящем пользовались или скорее злоупотребляли все стороны различных конфликтов со своим дихотомическим видением мира. Здесь, на нашей стороне – мы, справедливые, а на противоположной – они, наши оппоненты или неприятели, угрожающие нашим ценностям и интересам. Монологист не ожидает вопросов, поскольку ему и без диалога и познания известны «правильные» ответы в его собственном newspeak-новоязе.

Вопреки официально провозглашаемой монологистами открытости, результатом монологичности стала стерильная однообразность взглядов, которая априори отвергает критическое мышление. Подобную ситуацию можно проиллюстрировать на примере высказывания Сталина: «...ни одна наука не может развиваться и процветать без борьбы взглядов, без свободы критики» [16, с. 23], которое никак не соответ-

ствует с созданной им ортодоксальной концепцией ленинизма в работе «Вопросы ленинизма» и разработанного, по сути обязательного, понимания истории партии в «Истории ВКП(б)». Результатом такого подхода явилась бюрократизация и догматизация общественных наук с их хрестоматийной цитатоманией, позволявшей прикрываться высказываниями классиков как щитом перед возможными обвинениями в уклонизме от официальной идеологии, которая в силу собственной ортодоксальности исключала любую ересь. Исключение критического и открытого диалога в значительной мере спутала интеллектуалов по рукам и ногам и усилила конформизм в отношении к официальной пропаганде, что, в конце концов, обескровило творческое мышление и в значительной степени деформировало язык. Внутри самой догматизированной системы с ее жесткими рамками, ограничивающими творческую деятельность, практика неразличимо сливалась с теорией. Такая догматическая тождественность теории и практики идеологизировала теорию и расширяла пропасть между ней и реальными процессами.

Обширная и радикальная трансформация политической, экономической и культурной сфер принесла с собой новые явления, новую действительность и процессы, которые было необходимо поименовать, что породило новые понятия и слова. Появляются радикальные взгляды на создание нового, классового языка трудящихся, который должен заменить собой старый, буржуазный. Но применение классового принципа неожиданно и довольно справедливо отверг Сталин, заявив, что «...язык, как средство общения людей, одинаково служит всем классам общества и в этом смысле проявляет к классам определенное равнодушие <...> язык, его структуру нельзя считать продуктом отдельной эпохи. Структура языка, его грамматическая структура и базовый словарный запас являются продуктом целого ряда эпох» [16, с. 12–20]. В языке и речи сконцентрированы интеллектуальное наследие, традиция и исторический опыт, память данного этноса, это гербовый знак его культуры. Именно в силу этого обстоятельства язык и речь гораздо шире его отдельного пользователя.

В этой связи П. Фиделиус указал на одно очень важное свойство человеческой речи, каким является трансцендентное измерение, которое препятствует любым попыткам утвердить тотальные ложь и пропаганду посредством намеренной манипуляции языком [4, с. 25]. Он убедительно продемонстрировал это на примере подобной попытки коммунистического режима в

Чехословакии, закончившейся, по его мнению, полным фиаско. Но, как показала и показывает практика развития после 1989 г., это не совсем так. Некоторые методы манипулирования людьми посредством языка вполне успешно пережили и такое радикальное изменение общественного устройства, которое произошло в результате политических событий 1989 года.

Революционный энтузиазм, охвативший страну после переворота коммунистов в феврале 1948 г., базирующийся на убедительной и ненадолго действенной интерпретации победы «трудящихся масс» и пролетариата как революционного «гегемона» под руководством коммунистической партии, очень быстро иссяк¹. При этом коммунисты опирались на действительный энтузиазм послевоенной генерации, испытавшей экономический кризис начала 30-х гг. и последующую войну в первой половине 40-х годов XX в., которой удалось восстановить народное хозяйство, разрушенное войной, вопреки многим препятствиям и тяжелейшей социальной ситуации. Спонтанный трудовой энтузиазм продолжался практически до начала 50-х гг. Первые открытые проявления несогласия, в первую очередь со стороны рабочих, связаны с денежной реформой 1953 г., после которой хотя и была отменена карточная система, но это лишило население банковских сбережений. Произошло это во время заключительной и самой тяжелой фазы политических репрессий и больших процессов 1949–1954 гг., когда политическая власть оказалась противопоставлена недовольству ее главной социальной опоры – классу трудящихся. Чуть позднее, в 1956 г., с критикой социалистических реалий и ограниченных возможностей свободы творчества выступили писатели. Критично были настроены и журналисты, потребовавшие объективного пересмотра политических процессов и отвергавших догматизм. Словацкий журналист М. Хиско усомнился в усилиях политического руководства по пересмотру политических про-

цессов и реабилитации его жертв, назвав их ложными и с этой позиции охарактеризовал период с 1956 по 1962 г. как время «...оправдания законности преступлений, совершенных над невинными» [5, с. 55]. К этому же периоду он относил и негативную политическую направленность коммунистической партии, которая вместо действительной борьбы с настоящей и главной опасностью – догматизмом – сконцентрировала свое внимание на борьбе с ревизионизмом как решающей опасностью, хотя для проведения такой политической линии, сопровождаемой жестким вмешательством власти, не было решительно никаких оснований [5, с. 55]. Эксцессы левацкого радикализма 50-х гг. проявились и в попытках, порой совершенно абсурдных, советизации словацкой и чешской культур. «Революционное» нетерпение вкупе со стремлением совершенно неорганично универсализировать советские образцы привели к попыткам имплантировать несущественные, ритуальные по своему характеру черты в национальную знаковую, которая отличается непосредственной и более интимной связью с национальным чувством широких масс конкретного национального общества. Политолог Ф. Шамалик справедливо заметил, что речь идет не об универсализации, а об унификации форм, не способных к модернизации и развитию мышления и чувствования [14, с. 91]. Результатом такой унификации стала дезориентация и отход от решения реальных национальных проблем, а на тех, кто думал иначе, навешивался ярлык «буржуазных националистов». Этот ярлык использовался не только в 50-х гг., им активно пользовались и в 60-е гг. XX в., когда многих членов КПС (Коммунистическая партия Словакии) обвиняли в националистическом уклонизме, поскольку, кроме всего прочего, они якобы саботировали сближение словацкого и чешского языков. Что не соответствовало интересам «единых чехословацких народных масс» – в коммунистической терминологии это понятие представляло собой мутацию термина «единый чехословацкий народ».

Если на секунду отвлечься от продолжавшихся репрессий, уже не таких жестких и интенсивных, и стремления контролировать и направлять общественное развитие, то политическая власть переходила к самообороне. Уровень жизни повышался, а вместе с ним росли и запросы жителей страны. Общественное и личное потребление приобрели для режима стратегическое значение. Ситуацию осложнял провал экономической реформы К. Розсыпала и невыполнение 3-й пятилетки в начале 60-х гг., кстати, не отра-

¹ Для объяснения победы коммунистов в «бескровной революции» февраля 1948 г. был применен принцип, названный П. Фиделиусом «ядерной редукцией», который позволяет отредуцировать (свести) целое к ядру без того, чтобы изменялось качество явления, вещи. В качестве иллюстрации ему послужило центральное понятие «народ», ядром которого являются «трудящиеся», ядром трудящихся, в свою очередь, является «рабочий класс», а его ядром – партия, которая, опять же в свою очередь, также имеет «здоровое ядро». Ядром же «здорового ядра» является высшее партийное руководство во главе с Генеральным секретарем, которое и принимает решения.

жившиеся на уровне жизни людей. Политическое руководство было вынуждено в 1965 г. дать старт экономической реформе О. Шика, заключавшей в себе и элементы рыночного механизма. Параллельно с ней начала работу по реформе политической системы экспертная группа под руководством З. Млинаржа. В этой ситуации политическое руководство часто отставало от динамичного общественного процесса, который нередко ставил его в тупик. Власти во главе с Новотным (Антонин Новотный, 1-й секретарь ЦК КПЧ в 1953–1968 гг.) не сумели адекватно реагировать на общественные изменения. Пересмотр некоторых фундаментальных постулатов официальной идеологии партии (или, как тогда говорилось, их переоценка) вел к некоторым изменениям с весьма неопределенным содержанием, что предопределило возникновение самых различных точек зрения на пути дальнейшего развития общества. З. Млинарж в общих чертах сформулировал цель реформ как попытку рационализации существующего положения дел. Словацкий писатель В. Минач на заседании ЦК КПЧ 1967 г. призвал к более глубокому и критичному познанию того, что делается в стране и в мире. Характерны его слова, характеризующие тогдашнее время, в котором «...одна эпоха социалистического общества заканчивается, а другая по-настоящему не началась. Это критичное время, время кризиса не только идей, но и идеалов» [12, с. 61].

Ослабление цензуры в 60-х гг., с последующим полным отказом от нее в 1968 г., углубили кризис официальной идеологии, а тем самым и кризис конъюнктурного языка аппаратчиков, журналистов, публицистов и ученых-обществоведов. Что, естественно, не коснулось тех, кто призывал к изменениям, реформам в соответствии с популярной тогда теорией конвергенции, подразумевавшей единство рынка, плана и плюралистической демократии. Они верили в социализм, но не в его доктринёрской форме, дискредитированной предыдущим развитием и утрачивающей свою социальную витальность. Им виделся социализм с акцентом на его гуманистическое измерение (социализм с человеческим лицом), эффективность, профессионализм и демократию. Составной частью реформистских усилий стало оживление общественной атмосферы. Это отразилось в том, что в 60-е гг. развитие словацкой и чешской культур без труда влилось в европейский контекст. Общество начинает все более активно включаться в политическую жизнь. Люди требовали открытого диалога с представителями политической власти, не при-

выкшим к оппонированию и критике, звучавшей со всех сторон. Эти требования звучали в СМИ, на собраниях, митингах и на встречах партийных функционеров с общественностью при посещении заводов, учебных заведений и государственных учреждений. Представители власти обнаружили, что привычные фразы-формулы не действуют. Им пришлось отвечать не на заранее подготовленные вопросы, а реагировать на спонтанные проявления людей. В такой ситуации кто-то легко приспособился к новым реалиям, кто-то лишь формально поддерживал «процесс оздоровления», пытаясь выиграть время в борьбе за политическое выживание, иные просто отмалчивались, чтобы потом, когда процесс «нормализации» возродит старые порядки, вернуться на свои прежние позиции.

В это время в значительной степени изменяется не только содержание, но и язык СМИ, перешедших с позиции отражения политических и властных интересов партии к добросовестному отражению взглядов и мнений общественности на социально-политические проблемы, многие из которых были до того времени табуированы. Культура как целое играет важную роль в процессе утверждения реформных изменений. Тем самым подтверждаются слова А. Грамши о том, что там, где политика не исполняет свою функцию, ее заменяет культура.

Оккупация Чехословакии и реставрация старой модели государственного социализма представителями «нормализационного» политического руководства вернули все или почти все в старую колею. Политические чистки и возобновление цензуры, борьба с «правым оппортунизмом и ревизионизмом» в соответствии с положениями программного документа процесса «нормализации», принятого в декабре 1970 г., – «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII с. КПЧ» – означали возврат, прежде всего, политики «борьбы против реакции» и отказ от политики реформирования государственного социализма.

В эти годы, особенно в начальный период, достигла кульминации вторая масштабная волна репрессий и политических преследований после 50-х гг. В некоторой степени подобное предвидел А. Грамши, когда обращал внимание на факт, что партии с монополией на власть, как единственно правящие, утрачивают чисто политическую функцию и начинают исполнять «технические, пропагандистские, полицейские функции насилия и коллективного контроля» [7, с. 78].

Неотделимым элементом политического курса «нормализации» для коммунистической партии было и возвращение к идеологизированному языку, частично ослабленному реформаторскими попытками. Это отразилось в том, что люди в общественном пространстве хотя и пользовались «нормализационным» языком, в личной жизни разговаривали собственной, присущей им речью. Но, несмотря на кажущееся обновление порядка и продекларированное единство партии и общества, которое уже не будет нарушено, как в 1968 г., что-то невосвратно изменилось. Здесь проявился исторический опыт 50-х и 60-х гг., пережитый каждым, вопреки официальной пропаганде, по-своему. Более или менее придерживаясь формальных ритуалов официальной пропаганды, люди в общественных контактах использовали присущий режиму язык, но за этим фасадом скрывалась разнородность взглядов. Партия сосредоточилась на поддержании стабильности и сохранении собственных властных позиций без конкретизации будущего развития.

Уже невозможно было следовать самоуверенному девизу «Кто не с нами, тот против нас», но можно было следовать девизу анонимного автора того времени «Кто не выступает против нас, тот с нами». Пришло время развития специфической модели социалистического потребительского общества. Это проявилось в гипертрофии ритуальных функций «нормализационной» пропаганды, утрате динамичности идеологического языка, повторяющего истертые фразы и выражения без учета глубоких общественных изменений у нас и в мире.

Именно поэтому было тяжело обнаружить в таком языке хоть какой-то смысл, не говоря о мысли. Повторение пустых фраз, по мнению некоторых авторов, было мотивировано стремлением к тому, чтобы они звучали как можно более значимо², как истина в последней инстанции, тем самым на поверхность выходила перформативная сторона языка, т. е. форма приобрела доминирующее положение над содержанием [6, с. 52]. Это довольно спорное утверждение, прежде всего, с точки зрения якобы сознательного использования перформативного свойства языка, которое, несомненно, имело свое место, но не в качестве проработанной коммуникационной страте-

гии. Такая ситуация породила систему, на которую влияло множество факторов. Прежде всего, речь идет об инерционности, утере отваги и энергии в поисках новых, альтернативных решений. Утрачивалось политическое воображение, способность предвидения, что было проблемой не только компартии Чехословакии. Политическая власть, главным образом в интересах политической стабильности, начиная с середины 50-х гг. сосредоточилась на проблеме качественного повышения жизненного уровня, частью которого были относительно щедрые социальные меры, что было особенно характерно для периода «нормализации». Тем более, что политическую прослойку «нормализаторов» неустанно пугал 1968 год.

Собственную политическую легитимность партия базировала на ликвидации реформенных изменений, посредством повторного введения цензуры, которая по сравнению с 60-ми гг. ужесточилась. В рамках этого ужесточения было уволено более 1200 журналистов, закрыты многие периодические издания («Культурная жизнь», «Репортер», «Ведомости» и т. д.). Всего под запрет попало 156 изданий. Свой интерес к печатному слову и его распространению политическая власть проявляла через слежку за авторами самиздата внутри страны, посредством контроля за ввозом идеологически вредных книг и изданий из-за границы, их контрабанда была так же опасна как контрабанда оружия или наркотиков. Австрийский историк культуры В. Краус, сравнивая тогдашнюю ситуацию в Чехословакии с австрийской, отмечал, что разница заключается в том, что слово словацкого или чешского писателя, публикация его книги, за которыми частенько выстраивались очереди, становились событием, тогда как в Австрии они представляли собой обычный товар и ничего исключительного не происходило [8, с. 181].

Но и вопреки давлению цензуры удавалось официально издавать качественную литературу, как художественную, так научную. Поэтому никого не удивляли очереди перед книжными магазинами при поступлении новинок. Что касается самиздата, то он охватывал довольно узкий круг людей, по преимуществу в больших городах, хотя спрос значительно превышал предложение. Кстати, стремление политического режима государственного социализма контролировать и осуществлять цензуру языка, волей-неволей повышало его значимость для носителей.

В ситуации, когда горизонт коммунизма, который должен был быть построен в 80-х гг. XX в., неустанно отдалялся, был провозглашен

² Бахтин М. М. различает два типа речи – монологически-авторитарную, когда заученный текст повторяется на память как элемент определенного ритуала. И убеждающая, аргументирующая речь, живая, не замкнутая в себе, диалогическая по характеру, динамичная и творческая. In: МІСНАІЛ, М. Вахтін: Роман ако диалог: Praha: Odeon. r. 1980. s.479.

тезис о «развитом социализме» как переходном этапе к бесклассовому обществу, но поскольку он продолжался гораздо дольше, чем предполагали идеологи, то была принята идеологическая концепция «реального социализма». Критерием практики становилось «реальное существование» определенных явлений, или, как бы сказал М. Фуко, «явления кажущиеся и явления существующие». Любые теоретические концепции, познания и гипотезы, противоречащие «реально существующему социализму» объявлялись утопическими, антисоциалистическими и контрреволюционными [11, с. 53]. Столь догматичная тождественность теории и практики выглядела весьма неубедительно и воспринималось скорее как проявление беспомощности в поиске путей в будущее и отрицания возможности допущения ошибок при проведении реформ и изменений, подобно тому, как это было в 60-х гг. XX в.

В период «нормализации» люди стали жестко отделять личную жизнь от общественной. Раздвоенности жизни соответствовало и раздвоение языка, один – в обществе, другой – для частной жизни. Наученные прошлым люди просто приспособили к политической обстановке «нормализации» выбор собственных индивидуальных или групповых стратегий, демонстрируя внешнюю солидарность с режимом с помощью соответствующего «официального идеологического языка» на собраниях, праздничных демонстрациях и т. п. Все это являлось проявлением политического конформизма, а не «идеологической зрелости» или, наоборот, «морального падения». Скорее здесь мы имеем дело со статичной адаптацией к существующим условиям [9, с. 131]. В частной жизни большинство исповедовало иные взгляды, высказываемые иным языком. Постепенно разнородность взглядов в некоторой мере начала просачиваться и в общественное пространство через активность экологических, гражданских и культурных движений. Невзирая на тогдашние идеологические намерения политической власти и репрессивное давление, общество до известной степени развивалось автономно.

С усилением ритуальной функции «нормализационной» пропаганды и чрезмерным употреблением пустых фраз и обрядных формул, «нормализационный» язык все больше отрывался от реальной действительности. При его полной бессодержательности уже было не важно, как и о чем говорится, но кто, где и в какой связи говорит.

Языковое значение конкретного заявления воспринимается на фоне языка, но его актуаль-

ное значение по М. М. Бахтину воспринимается «...на фоне иных высказываний на ту же самую тему, на фоне языковых контрапунктов, мнений, точек зрения и суждений» [2, с. 60]. Так возникает парадокс того, что чем более абстрактна авторитетная речь, тем менее она связана с реальностью и тем больше посторонних интересов и потребностей она способна абсорбировать. Особенно четко это проявилось в заключительной фазе существования государственного социализма.

Развал советского блока, падение коммунистических диктатур и постепенный переход к неолиберальной модели капитализма привнесли с собой идеологический дискурс, опирающийся, понятно, на обоснованную критику недостатков и преступлений бывших режимов и ожидания, связанные с построением «светлого завтра» по модели либеральной демократии, золотой век которой истек в 70-е годы XX столетия. Одним из центральных понятий этого дискурса становится проблематичная категория «тоталитаризма», который при своих идеологической перегруженности и чрезмерном употреблении в СМИ, политиками и учеными-обществоведами был в значительной степени с профанирован и опорочен после 1989 г.³

Лишь в условиях современного массового общества, в котором отчетливо просматривается нарушение внутренних социальных связей и доминирует чрезмерный индивидуализм с преобладающим количеством тех членов общества, которые живут изолированно, политическая власть располагает потенциалом прогрессивных технологий, позволяющих проникнуть в самые интимные сферы жизни человека, тем самым приблизиться к тоталитарной модели. Той модели, которую так убедительно описали авторы двух самых знаменитых антиутопий – Д. Оруэлл, «1984 год» и О. Хаксли, «Прекрасный новый

³ Побочным продуктом злоупотребления понятием «тоталитаризм» стало такое толкование современной истории, когда историки превращались в судей или идеологических работников, нередко оперирующих с целенаправленными интерпретациями, которые не отражали реальное состояние госсocialизма и вместе с тем вытесняли из профессиональных или научных дебатов о новейшей истории неудобные для них и некоторых политических течений темы и вопросы. Подобную ситуацию можно в большей или меньшей степени наблюдать и в иных обществоведческих дисциплинах. В сфере историографии ситуация постепенно изменяется благодаря исследованиям историков так называемой ревизионистской школы в Германии, занимающихся социально-экономической историей, а также новым работам по изучению повседневности минувшего режима.

мир». Сила и коварство тоталитаризма, его опасность для свободы согласно Р. Прайснеру заключаются в том, что его настоящее лицо открывается лишь тогда, когда все силы, способные его уничтожить, сами были уничтожены. Тоталитаризм «...никогда не встречает своего неприятеля лицом к лицу лишь потому, что не имеет собственного лица» [13, с. 254–255].

Рассматривая гипотетическую модель тоталитаризма с его абсолютным проникновением во все сферы жизни общества и индивида, с тотальным контролем над ними, видимо, правомерно вести речь об общей теоретической модели, а исходя из исторической практики, можно говорить о некоторых конкретных тенденциях, которые ведут к такой модели. Исходя из этого, можно согласиться с Г. Ф. Сартори, считавшим, что тоталитаризм в качестве объектной категории можно рассматривать в качестве предиката категории «властность» [15, с. 204].

Одно из табуированных в прошлом понятий было слово «элита», ранее использовавшееся в негативном значении, сегодня употребляется в позитивном смысле, причем сами по себе «элиты» лишены как позитивной, так и негативной коннотации. Скромно возвращается понятие «реформа», ранее замененная понятием «перестройка» или «совершенствованием управления». Скрытая притягательность понятия «буржуазия» при его чрезмерном использовании и злоупотреблении в прошлом режиме, чаще всего как нечто негативное и опасное (от буржуазных пережитков, буржуазного национализма до буржуазной культуры) было утрачено и лишь позднее это понятие было «реабилитировано». Подобное происходило и с понятием «империализм», исторически связанным с именем Наполеона, а не ленинским «империализмом, как последней стадии капитализма». Вполне легитимное понятие «капитализм» одно время, особенно часто в СМИ, подменялось или даже отождествлялось с понятием «рыночная экономика».

Значение и смысл многих слов были эмоционально перегружены прошлыми идеологическими спорами или их злоупотреблением. Их восприятие и истолкование, а также частое использование влияли на изменения общественного устройства. Это хорошо видно на примере термина «фашизм», возникшем в Италии в период между двумя войнами, подобно термину «тоталитаризм». Чрезмерное употребление термина «фашизм» привело к тому, что он перекрыл собой и термин «национальный социализм». В период Второй мировой войны «фашизм», употребляемый во всех возможных значениях,

настолько был скомпрометирован, что совершенно справедливо воспринимался и осуждался всеми. Это позволило его использовать в политической борьбе, в которой этот термин превратился в действенный инструмент для обозначения любого правого радикализма, чем расширились рамки его формулировки и девальвировали первоначальное содержание понятия [10, с. 250–256]. Это в значительной степени затрудняет изучение как прошлого фашизма, так и его современных форм. Именно поэтому для достижения определенной степени аналитической чистоты феномена «фашизм» так важно понимание его генеза и развития, для его идентификации в пестром спектре современного правого радикализма.

Смена значения слов всегда представляет собой «...по сути переоценку, перемещение слов из одного ценностного контекста в другой» [1, с. 24]. Ревизия значения слов и понятий в настоящее время связана с поиском новых слов и понятий, способных поименовать явления и процессы, которые протекают сегодня и будут протекать в будущем. Сегодня мы переживаем время, которое А. Грамши называл «междувластие» (*interregnum*). Старые условия изменяются, уходят в прошлое, а новые еще находятся только в зачаточной фазе развития.

Наименование нашего времени как периода «постправды» или «постфактума», споры о толковании этих понятий и злоупотребление ими показывают, что и сегодня мы наталкиваемся на невидимые границы скрытой силы языка.

Библиографический список

1. Bachtin, Michail M.: *Marxizmus, freudizmus a filozofia*. Bratislava, Pravda, r. 1986.
2. Bachtin, Michail M.: *Roman ako dialog*. Praha: Odeon: r. 1980.
3. Fidelius, Peter: *Jazyk a moc*. Brno: 4. svazek knižní rady stávkového výboru PF UJEP, r. 1989.
4. Fidelius, Peter: *Řeč komunistické moci*. Praha: Triáda, r. 2016.
5. II. Zjazd slovenských novinárov v roku 1963. *Výpis s protokolu*. Bratislava: r. 1968.
6. Kolař, Pavel, Pullman, Michal: *Co byla normalizace? Studie o pozdním socialismu*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, r. 2016.
7. Kolektív autorov: *Systémové zmeny: Kolin nad Rýnom*: INDEX. Spoločnosť pro československou literatúru v zahraničí., r. 1972.
8. Kraus, Wolfgang: *Kultura a moc*: Olomouc: Votobia, r. 1993.

9. Krejčí, Oskar: Politická psychologie: Praha: Ekopress: r. 2004.

10. Lipták, Ľubomír: Storočie dlhšie ako sto rokov: Bratislava: Kaligram: r. 1999.

11. Mlynař, Zdeněk: Krize v sovietských systémech od Stalina ke Gorbačovovi (Příspěvek k teoretické analýze): Praha: Prospektrum, r. 1991.

12. Pastor, Zoltán, Štefánsky, Michal (ed.): Pokus o reformu v roku 1968. Banská Bystrica: Trian, r. 1999.

13. Preisner, Rio: Kritika totalitarismu: Londýn: Edice Rozmluvy: r. 1984.

14. Šamalik, František: O podstatě a záležitostech politiky. Praha: PROSPEKTRUM, r. 1992.

15. Sartori, Giovanni: Teória demokracie: Bratislava: Archa: r. 1999.

16. Stalin, Josif V.: Marxizmus a otázky jazykovedy. In: Za marxistickú jazykovedu. Zborník prejavov v diskusii o sovietskej jazykovede. Bratislava, Slovenská akadémia vied a umení, r. 1959.

Перевод: Ю. Васин

УДК 141.112:321.01

ББК 66.033.11

ДУАЛИЗМ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛИТИКЕ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Т. Н. Митрохина

Аннотация. В рамках статьи автором проведен анализ одного из механизмов политической динамики – дуализма тенденций, проявляющегося как на уровне сознания отдельного человека, группы людей, так и на уровне общественного сознания в целом. Укорененный в общественном сознании, дуализм тенденций регулирует баланс сил в процессе принятия политических решений, которые всегда являются выбором альтернативы. Игнорирование дуализма тенденций в управленческой практике может неблагоприятно сказаться на процессах социально-политической динамики.

Ключевые слова: политическая динамика, дуализм тенденций, механизм политической динамики.

DUALISM OF TENDENCIES IN THE POLITICS AS A REGULARITY OF POLITICAL DYNAMICS

T. N. Mitrokhina

Abstract. In the article the author has analyzed one of the mechanisms of political dynamics which is called “dualism of tendencies”. It appears at the level of consciousness of an individual, a group of people, and at the level of social conscience as a whole. Based in social conscience dualism of tendencies regulates the balance of powers in the process of making political decisions which are always a choice of alternative. Ignoring dualism of tendencies in management may report unfavorably on the processes of social-political dynamics.

Key words: political dynamics, dualism of tendencies, mechanism of political dynamics.

Интерес исследователей к проблемам концептуализации политической динамики является не только традиционно устойчивым, но и постоянно возрастающим. Политической наукой накоплено множество моделей, механизмов, теорий и закономерностей политических изменений, что создало предпосылки для написания истории теорий социально-политических изменений и их критического анализа [1]. Широкою известность получили механизмы колебательной, маятниковой и циклической динамики, волны демократизации и демократические транзиты, столкновение и сосуществование цивилизаций, теории ха-

оса и порядка, модернизации и зависимости, производства и воспроизводства общественной жизни [15, с. 32]. Автор каждой теории отвечает на ряд вопросов – формулирует свое отношение к детерминизму в политике и социально-политическим закономерностям, дает представление о природе, источниках и механизмах динамических явлений, их эндогенном или экзогенном происхождении [11].

Для России, не единожды пережившей революционные преобразования, вполне закономерным и наиболее актуальным является интерес к механизмам и факторам воспроизводства рево-

люционной и эволюционной политической динамики [4].

Принимая и революционную, и эволюционную формы политической динамики как объективную реальность, нельзя не признавать большую органичность, гуманность и привлекательность эволюционной формы, опирающейся на потенциал саморазвития общества. Однако нередко, отдавая в теории предпочтение эволюционным формам политической динамики, на практике субъекты политики предпочитают согласованию интересов граждан в процессе принятия политического решения методы давления и подавления общества, что порой нарушает естественный ход развития, дестабилизирует систему, приводит к революционной ситуации или близкой к ней.

Революционные изменения в политике становятся результатом формирования неразрешимой ситуации, возникающей либо вследствие отсутствия опосредующих институтов, либо вследствие невозможности осуществления неформальных практик, поощряющих диалог противодействующих сторон, либо вследствие несовместимости формальных и неформальных правил и ограничений [8, с. 10]. Революционная динамика приводит к коренным изменениям системы, не способной поддерживать свое равновесное и эффективное функционирование. Революция предполагает коллективный, насильственный и осознанный захват власти какой-либо общественной группой [12, с. 382], использующей силу в целях изменения культурного комплекса норм и правил, радикально перекаривающей их под себя [3, с. 278].

Наиболее ярким примером теорий революционной динамики является марксизм. В рамках марксистской теории источник социально-политической динамики коренится в конфликте производительных сил и производственных отношений. Теория вспышек или прерывистого равновесия является другим примером революционной динамики. Длительные периоды застоя сменяются кратковременными, быстрыми изменениями, которые носят характер вспышек, озарений, потрясений. В эту же группу теорий вписывается и депривационная теория, теория растущих или обманутых ожиданий.

Эволюционная форма, напротив, предполагает медленный и постепенный процесс приспособления власти к требованиям со стороны общества или поступающим извне импульсам. Различают однонаправленную/линейную и разнонаправленную/многолинейную эволюционную динамику [1, с. 10]. Для теорий эволюционной

динамики характерен поиск универсальных принципов и механизмов, которые бы одновременно способствовали постепенной и непрерывной модернизации общества, внедрению инноваций, благополучию граждан и сбережению человеческого ресурса. Примером является теория непрерывных социальных изменений Т. Парсонса, основу которой составляют механизмы и процессы соответствия политических решений ожиданиям граждан [9, с. 45]. Политическая система должна стремиться к равновесию за счет способности нейтрализовать экзогенные и эндогенные вызовы, которые могут привести к изменениям структуры системы и вывести ее из равновесия [10, с. 465]. Та же идея содержится в работах Р. Инглетарта – чтобы удерживать власть длительное время, политическая система в процессе управления должна опираться на соответствующую культурную подсистему, стремясь соответствовать устоявшимся культурным нормам [3, с. 278]. Эволюционные процессы способствуют росту сложности и дифференциации, адаптивности и разнообразию, рациональности и свободе, урбанизации и бюрократизации систем. В эволюционных теориях политической динамики доминируют идеи непрерывного, постепенного изменения, основанного на процессах адаптации и естественного отбора [11, с. 118].

С точки зрения автора данной статьи, основу практически любого вида политической динамики составляет такой феномен, как *дуализм тенденций в политике*, которому не слишком часто уделяется внимание в научных исследованиях. В этой связи в рамках данной статьи предмет анализа составляет дуализм тенденций как механизм политической динамики, воспроизводящийся и проявляющий себя в различных политических контекстах и условиях, приводящий в движение политическую систему и определяющий характер и направленность политической динамики.

Исходными методологическими принципами, с позиции которых автором предпринят анализ, являются: во-первых, признание причинно-следственных связей как основы функционирования политики, при этом не исключается всего лишь вероятностный характер таких связей; во-вторых, не отрицая существенного влияния внешних факторов на развитие политической системы, считаем, что основными причинами социально-политической динамики все же являются внутренние, имманентно и генетически присущие самой системе; в-третьих, существует внутренняя логика развития, обусловленная вы-

зовами, мотивами, стимулами, генерируемыми внутри самого общества.

Термин дуализм означает сосуществование двух различных противоположных и взаимодействующих начал, тенденций, состояний, образов мыслей, мировоззрений, волеустремлений, гносеологических принципов, двух полярностей, свойственных мышлению и поведению человека как в процессе генерации представлений об окружающей действительности, так и в процессе выбора наиболее оптимального поведения или решения.

Как следствие дуализм тенденций в значительной мере коренится в самой природе политического. Политическая противоположность является самой интенсивной, самой крайней, в качестве основания имеет разделение общества на группы. По мнению К. Шмитта, «для понятия политического конститутивны противоположность и антагонизм <...> Отсылка к конкретной противоположности содержит в себе существо политических отношений» [19, с. 28]. Всякому политическому поведению имманентно присуще разделение на своих и других. Понятие «политическое» означает любую противоположность, если она разделяет общество на друзей и врагов. Политическое извлекает силу из различных сфер человеческой жизни – религиозной, моральной, экономической противоположностей. Дихотомия «друг»-«враг», «мы»-«они», «свой»-«чужие» рассматривается в качестве главного конструирующего признака как внутригосударственных, так и внешнеполитических отношений. «Другие», «не мы» должны быть публично заявлены и оформлены совокупностью людей, отрефлексированы общественным сознанием и выражены общественным мнением. В этой связи в политике все значимые противостояния являются проявлением такой закономерности, как дуализм тенденций [19, с. 32].

Тезис «политика – это действие, а действие – это всегда выбор», принадлежащий французскому социологу М. Дюверже, подтверждает мысль о том, что политические решения практически всегда предстают в дуалистической форме. Политике внутренне свойственен выбор между двумя типами решений и двумя противоречивыми устремлениями [2, с. 276].

В то же время человек по природе своей есть существо политическое, а значит, *дуализм тенденций в политике является следствием раздвоенности как индивидуального, так и общественного сознания.* Общество в своей обыденной жизни и каждодневных практиках, представляющих тесное переплетение различных пове-

денческих традиций, стереотипов, форм общения, интересов, вращается в политику и определяет ее содержание. Как следствие, общественное мнение кристаллизуется по любому вопросу вокруг двух полюсов: западники и славянофилы, консерваторы и либералы, светский рационализм и религиозный фанатизм, фашизм и коммунизм, милитаризм и пацифизм.

Признавая правомерность и возможность существования неких промежуточных состояний, исходим из того, что они, как правило, тяготея то к одним, то к другим, вынуждены разрываться на части, выступая в связке то с консерваторами, то с либералами, то с правыми, то с левыми [2, с. 276]. В каждый определенный период развития общество чуть больше склоняется к тому или иному типу сознания и политических процессов, которые затем сменяются на противоположные, а далее – снова осуществляется переход к предыдущему состоянию. Процедура выборов, являясь центральным институтом смены власти в современной политике, построена на определении гражданами наиболее предпочтительной для себя альтернативы. Смена ценностей и предпочтений в общественном сознании должна приводить и к смене идеологических ориентаций и к смене правящей элиты и политических партий, которые отражают и защищают интересы граждан в структурах власти.

Дуализм тенденций в общественном сознании объясним в рамках социологических подходов возрастными характеристиками граждан. Так, например, в приверженности консервативным или инновационным взглядам принципиальное значение имеет изменение ценностей и предпочтений, обусловленных формированием и взрослением человека. Для молодого поколения более характерен радикальный взгляд на решение проблем. Более возрастная категория граждан тяготеет к консервативным методам решения вопросов. В процессе становления личности меняется все: мотивация к тому или иному виду активности, религиозные ценности, ценности семьи, политические предпочтения и мировоззрение. Если для старшего поколения актуальными вопросами являются вопросы материального благополучия и безопасности, то молодое поколение акцентирует внимание на проблемах качества жизни, прежде всего, за счет нововведений. Нередко радикальный склад ума противопоставляется консервативному на основе того, что часть общества тяготеет к сохранению общепризнанных идей, традиций и привычек, вторая же половина испытывает потребность в изменениях, преобразованиях, новшествах. Практиче-

ски в любом обществе одновременно одной частью граждан формируется запрос на перемены и инновации, в другой – остается стремление сохранить привычные жизненные стандарты и формы [5, с.169].

Дуализм тенденций на уровне сознания отдельного индивида объясним в рамках психологических теорий влияния на периодичность изменений в политике типов сознания, связанных с различием в функциях левого и правого полушарий человеческого мозга [6]. Левополушарные процессы ответственны за аналитическую, а правополушарные за синтетическую деятельность. На этом основании выделяют левополушарные и правополушарные поведенческие стратегии в политике. Первые выстраиваются путем анализа, на основе разума, они отличаются точностью, конструктивностью, объективностью, рациональностью и догматичностью в осмыслении действительности. Вторые стратегии выстраиваются на основе синтеза, субъективных чувств, архаических процессов, не всегда контролируемых разумом [13, с.42]. Даже на уровне отдельного человеческого сознания лево и правополушарные процессы конкурируют между собой.

В обществе также оба типа сознания сосуществуют одновременно, но с преобладанием какого-либо из них в определенный момент времени. Открытость общества для внешних взаимодействий, преобладание добровольно-договорных оснований общества характерны для доминирования аналитического, а значит левого начала. Напротив, замкнутость, сепаратизм, авторитарный стиль управления типичны для правого или синтетического начала [7, с.384].

Для развития общества наиболее благоприятен режим попеременной смены левых и правых типов сознания и поведенческих стратегий. Левый и правый механизмы пронизывают все социально-политическое развитие, попеременно меняя друг друга, обеспечивают и политическую динамику в целом. Ни один тип процессов не может доминировать слишком долго, так как возможности каждого из них ограничены. Так как в обществе присутствуют люди и с тем, и с другим типом мышления, ни один из них не должен абсолютно доминировать длительное время. Механизм дуализма тенденций благоприятен и для социально-психологического климата общества, обеспечивая преимущество то одного типа сознания, то другого, поочередную смену аналитических и синтетических процессов. Постоянные изменения в конечном счете способствуют сохранению стабильности в обществе и

оберегают его от революционных потрясений. Общество ведет себя ровно так же как человек, который для сохранения равновесия инстинктивно склоняется влево, в том случае, если лодка дает крен вправо, и наоборот [11, с.169]. Социально-политический маятник, двигаясь из стороны в сторону, попеременно, то влево, то вправо, имеет основание, которое не дает ему вырваться из обозначенной траектории.

Дуализм тенденций в политической практике реализуется в виде конкуренции двух партий, идеологий, правящей и оппозиционной элит, дает о себе знать в виде смены конфликта консенсусом, а консенсуса конфликтом, в форме революционных и эволюционных механизмов реализации потребностей общества, смены авторитарных тенденций демократическими и наоборот. Дуализм тенденций составляет основу маятниковых колебаний баланса сил. Согласно концепции А. Шлезингера, дуализм тенденций пронизывает политическую жизнь США, обуславливая противостояние ценностей консерватизма и либерализма, которые приходят на смену друг другу [18]. Дуализм тенденций общественного сознания позволяет господствующей элите с опорой то на консервативно, то на либерально ориентированную часть населения осуществлять воздействие на общественное сознание. *Придя к власти на волне перемен, правящая элита для сохранения своего положения начинает культивировать консервативные настроения в общественном сознании. Прогрессивные стратегии сменяются консервативными* [16, с. 6], что стимулирует в другой части общества стремление к переменам. Двухпартийность нередко рассматривается как наиболее предпочтительный формат политической организации. Исходя из того, что политические партии призваны отражать интересы граждан, они должны динамично реагировать на изменение общественных настроений и интересов, сменяя друг друга в структурах власти.

Дуализм тенденций обеспечивает функционирование политики в двухфазовом режиме, отвечая на запросы, исходящие то от одной части общества, то от другой, создает возможность регулярной смены лидеров и изменения содержания публичной политики с учетом настроений и потребностей граждан. Механизм дуализма тенденций обеспечивает стабильность за счет постепенного и каждодневного характера изменений [17, с. 39].

Наиболее эффективен механизм дуализма тенденций в среде открытого диалога власти и гражданского общества. В этом случае социаль-

но-политическая динамика обеспечивается внутренней логикой развития. Постоянные, непрерывные, малозаметные и многочисленные изменения приводят к стабильности функционирования обществ на длинных дистанциях [14, с. 394]. Стабильность обеспечивается за счет мониторинга уровня социально-политической напряженности или недовольства граждан путем переговорного процесса и согласования интересов. Важным фактором содержания политики с учетом дуализма тенденций является использование механизмов взаимных консультаций и переговоров в процессе определения содержания политики и принятия политического решения.

Очевидно, дуализм тенденций в политической практике проявляется очень разнообразно, составляет основу волновой, маятниковой, циклической и любой другой динамики, находит объяснение с точки зрения природы политического, а также в рамках социологических и психологических подходов к анализу социума. Дуализм тенденций, укорененный на уровне индивидуального и группового сознания человека, вырастает в политику и, пронизывая ее в каждой точке, способствует политической динамике. Незнание этой закономерности, нарушение внутренней логики и диалектики развития, а более того, сознательное игнорирование и блокирование механизма дуализма тенденций не может благоприятно сказаться на социально-политической динамике в целом. Проблемы общества, не решаемые в каждодневном и постоянном режиме в интересах общества, накапливаясь, могут привести и приводят к негативным последствиям – недовольству общества, стагнации, кризисам, переворотам и даже революциям.

Библиографический список

1. Будон, Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Р. Будон / Под ред. М. Ф. Черныш. М.: Аспект Пресс, 1998. 284 с.
2. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. М.: Академический Проект, 2000. 558 с.
3. Инглегарт, Р. Модернизация и пост-модернизация / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
4. Карипов, Б. Н. Модели политических изменений в России (вторая половина XIX – начало XX века) / Б. Н. Карипов / Под ред. Л.Н. Панковой. М.: Изд-во Московского университета, 2010. 288 с.
5. Кувалдин, В. Б. Структурный кризис и поляризация в мире капитала / В. Б. Кувалдин //

Российская политическая наука: в 5 т. / Под ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 3: 1960–1985-е годы. 560 с.

6. Маслов С. Ю. Теория дедуктивных систем и ее применение / С. Ю. Маслов. М.: Изд-во «Радио и связь», 1986. 135 с.

7. Митрохина, Т. Н. Теория политического производства против концепции социологического натурализма в политической науке // История политических учений / Под ред. А. И. Демидова. М.: Норма: Инфра М, 2013. 432 с.

8. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. 1997. № 3.

9. Парсонс, Т. Система современных обществ / Под ред. М. С. Ковалевой / Т. Парсонс. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

10. Парсонс, Т. Функциональная теория изменений / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.

11. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001. С. 169–296 с.

12. Политическое изменение как фактор общественного развития // Категории политической науки. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002. 656 с.

13. Ротенберг, В. С. Две стороны одного мозга и творчество / В. С. Ротенберг // Интуиция, логика, творчество / Под ред. М. И. Панова. М.: Наука, 1987. С. 36–53.

14. Салмин А. Природа и роль базовых ориентаций (на примере Франции) // Российская политическая наука: в 5 т. / Под общ. ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 3: 1960–1985 годы. 560 с.

15. Семенов, И. С. Политические изменения в современном мире: новые контуры исследовательского поля // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной (серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы»). – М.: Аспект Пресс, 2016. 672 с.

16. Спиридонова, Е. П. Идеология и структурирование властных отношений в современной России / Е. П. Спиридонова // Вестник Поволжского института управления. 2010. № 1.

17. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

18. Шлезингер, А. М. Циклы американской истории / А. М. Шлезингер. М.: Изд-во «Прогресс», 1992. 646 с.

19. Шмитт, К. Понятие политического // Политология: Хрестоматия / Сост. М. А. Васильев, М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 1999. 843 с.

УДК 321.01:342.5

ББК 66.01+67.021

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИФИКИ ВЛАСТНОЙ МИССИИ ГОСУДАРСТВА

В. А. Тер-Акопьян

Аннотация. В статье проведен анализ проблем политико-правовой специфики управления в контексте властной миссии государства. Дана теоретико-методологическая характеристика властной миссии, разработано авторское определение понятия «властная миссия государства»; дан анализ и сравнение имеющихся концептуальных моделей государственного устройства, рассмотрены современные формы систем организации власти в контексте властной миссии государства. Утверждается, что первостепенной задачей для России выступает процесс формирования эффективной, комплексной и сбалансированной по структуре государственной властной миссии, без которой невозможно продвижение к стабильности и эффективному развитию.

Ключевые слова: власть, государство, миссия, концептуальная модель, методология, управление, философия, политика.

THEORETICAL-METHODOLOGICAL CONSTRUCT OF RESEARCH OF POLITICAL AND LEGAL SPECIFICS OF AUTHORITATIVE MISSION OF A STATE

V. A. Ter-Akopian

Abstract. In the article there has been an analysis of the problems of political and legal specifics of management in the context of authoritative mission of the state. The theoretical-methodological characteristics of authoritative mission has been given. The author has defined the term “authoritative mission of the state”; has analyzed and compared conceptual frameworks of power structures, has examined modern forms of systems of authority bodies in the context of authoritative mission of the state. It is believed that the primary task for Russia is the process of formation an effective, complex and structurally-balanced authoritative mission of the state which cannot be avoided while moving to stability and effective development.

Key words: power, state, mission, conceptual framework, methodology, management, philosophy, politics.

Власть изучается уже не одно тысячелетие, но всегда актуальна в качестве предмета исследования и в настоящее время не менее актуальна, чем во времена Конфуция или Платона. Более того, общее усложнение социальных связей с переходом человечества на каждую новую ступень в развитии цивилизации все более актуализирует проблему познания власти с позиций самых разных наук об обществе. Центральное место в философии политики как составной части социальной философии занимает учение о власти. Это обусловлено самой реальностью: воздействие на власть – фокус всех политических отношений в обществе. «Законы социальной динамики. поддаются изучению только в понятиях власти, выступающей в различных формах» [5, с. 11].

Нельзя не согласиться и с Т. Парсонсом в том, что власть «занимает в анализе политических систем место, во многих отношениях сходное с тем, которое занимают деньги в экономических системах» [1, с. 365]. Когда речь заходит о реформировании России, общественная мысль,

прежде всего, обращается к категориям и институтам государственности. Один из ключевых способов преодоления общественного кризиса видится в переосмыслении сущности, функций, форм и методов государственной власти. Учение о власти признается одним из наиболее сложных и спорных разделов политической и правовой науки «на всем протяжении их существования» [3]. Великий русский теоретик анархизма М.А.Бакунин, понимая и оценивая место власти в социальной системе, считал необходимым «совершенно уничтожить в принципе и фактически все, что называется политической властью, потому что пока будет существовать политическая власть, будут всегда господствующие и подчиненные, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые» [2, с. 22].

Для начала необходимо отметить, что четкого определения понятия «властная миссия» («властная миссия государства») в научной литературе не существует. Рассмотрим содержание и объем понятия «миссия» в разных областях науки. Термин «миссия» имеет латинское проис-

хождение и означает «задание», «определенное поручение» и берет основу из менеджмента, управления. Миссия – это формулирование широких намерений организации, осуществляемых целей, ценностей и функций; содержит основные решения, цели или направления в организации, включая основополагающее намерение или философию организации; основополагающая и направляющая цель организации; грамотно выстроенная причина ее существования, предназначение.

Миссия государственных органов власти в первую очередь дает им право на существование и использование государственных ресурсов. Миссия по своей сути не может находиться в прямой зависимости от текущего состояния организации, а также зависеть от используемых в данный момент форм и методов в ее работе, так как в общем миссия выражает перспективную направленность в будущее, и указывает на то, куда должны направляться основные ресурсы, какими принципами необходимо руководствоваться в этом процессе. Миссия государственного управления в контексте властной миссии государства детерминирована содержанием социально-классовых отношений, содержанием политических систем и политических режимов, а также содержанием демократических преобразований, которые диктуют лидерам демократического государства стратегии и тактики управленческой деятельности.

Современные процессы государственного управления воздействуют на содержание властной миссии России, которая включает в себе политическую, административную, идеологическую, социологическую, мировоззренческую составляющие. Властную миссию необходимо рассматривать, анализируя ее разные аспекты. По мнению Г. П. Щедровицкого, изучая вопросы, связанные с властной миссией государства, необходимо учитывать, что «...исторический субъект, который мог бы взять на себя миссию развития мыследеятельности и риски, связанные с развитием, которые уже отчетливо продемонстрировал нам XX век» [7]. В. А. Найшуль, описывая проявления властной миссии в управленческой деятельности, подчеркивал, что «быть Третим Римом ... – означает наследовать и духовность, и цивилизацию первых двух. Быть Третим Римом – значит являться центром современной цивилизации» [4]. Из вышесказанного можно вывести несколько определений властной

миссии государства (в том числе российского): государство как наемная армия; государство как система обязательного страхования граждан своей страны от всевозможных бед; государство как гарант всяческой безопасности; государство как сервисная служба; государство как патрон; государство как мыслительная супермашина; государство с его населением просто как образец (лидер, светоч, компас, надежда и т.д.) для других государств; государство как самоценный властный универсум. Под влиянием множества экономических, социально-политических, идеологических и иных факторов модель организации государственной власти может эволюционировать естественным путем, быть изменена насильственно либо быть реформирована частично. Исходя из этого, подвержены эволюции и взгляды о существовавших в прошлом и существующих ныне государственно-правовых моделях. Справедливым является утверждение Л. Гумпловича о том, что «учение о различии государств или о государственном правлении является столь же шатким и неуставленным, как и определение понятия государства» [3]. Чтобы убедиться в этом, достаточно сказать, что за всю историю развития государства и права были высказаны десятки и даже сотни различных мыслей и суждений по вопросу о моделях организации государственной власти, их достоинствах и недостатках. Предлагались самые различные подходы и варианты решения данной проблемы. Редким примером единодушия во взглядах ученых современности является утверждение о существовании двух моделей управления: монархии и республики. Существующие в рамках каждой из них разновидности, или, как утверждают некоторые авторы, системы управления, вызывают споры. Отсутствует единодушие не только в количественном исчислении видов монархий и республик, но и во взглядах относительно критериев их выделения и различения. Это в свою очередь приводит к непониманию самой сути модели организации государственной власти, присущей каждой из моделей управления. Полагаем, что вызвано это разными теоретико-познавательными позициями. Некоторые ученые, различая развитые и неразвитые в правовом отношении государства, выделяют модели управления реальные и номинальные. Исходя из этого, по мнению сторонников вышеописанного подхода, функционирующие республики не бывают

«без некоторых элементов монархической модели управления»: «теократическими», «монархическими», а функционирующие монархии – «монархии с элементами республики».

Но есть и другая позиция ученых, которые считают республиками либо монархиями, либо политическими системами с утвержденной конституцией, которая может быть даже фиктивной, или есть иной основной закон, в котором государство характеризуется, соответственно, республикой либо монархией. Данную позицию поддерживают и конституционалисты в целом, и ученые-теоретики в частности. Таким образом, мы наблюдаем два совершенно противоположных подхода при анализе моделей (форм) управления.

В первом подходе рассматриваются только развитые государственно-правовые системы, в которых процесс разграничения гражданского общества и государства уже закончился, в которых есть все необходимые элементы для эффективного функционирования, и они являются современными правовыми государствами. Последователи этого подхода выделяют несколько базовых критериев (моделей разделения властей, которые определяют статус главы государства, главы исполнительной власти, процесс формирования правительства, ответственность правительства) на основании которых впоследствии делают вывод о модели управления конкретного государства.

При таком подходе можно выделить немало критериев и ограниченное количество форм правления. Для современных стран с развитой правовой системой характерны парламентарные монархии, президентские, а также парламентарные республики и смешанные. Некоторые ученые, исходя из данного подхода, считают, что, так как парламентарные монархии в своем содержании по существу схожи с парламентарными республиками, то эти модели управления государством можно объединить одним понятием: «парламентарные государства» или же «государства с парламентарной формой управления».

Таким образом, учеными исследуются модели организации управления исключительно с развитой правовой системой государства. При этом авторитарные государства считаются пережитками и выпадают из контекста их анализа.

В рамках второго подхода исследуются не только реальные, но и номинальные формы правления, и не только развитые, но и неразвитые в правовом плане авторитарные государства. Государства, являющиеся номинальными республиками, но лишённые основных признаков республики: коллегиальности одного или нескольких высших государственных органов, выборности, легитимности, краткосрочности легислатур и замещения высших должностей исполнительной власти. Важно отметить, что такое многообразие «монархий» и «республик» отличается большим разнообразием. Поэтому целесообразно выделить и рассмотреть не только общие признаки, с помощью которых можно объединить схожие государства в идентичные формы управления, а учесть и проанализировать специфику разных культур (с развитыми и неразвитыми правовыми системами). Примечательно, что разнообразие культур, с неразвитой правовой системой, позволяет выделить множество новых разновидностей монархий и республик. Главная сложность данного подхода – не допустить, чтобы количество разновидностей форм правления стало одинаковым с количеством неразвитых в правовом отношении государств, в силу особой культурной идентичности и их своеобразия, в противном случае теряется смысл такой классификации. Что касается непосредственно сущности и содержания формы правления, то в настоящее время ученые выделяют два основных подхода к анализу данной проблематики: узкий и широкий.

Ученые – приверженцы узкого подхода считают, что форма правления, прежде всего, связана с правовым положением главы государства; сторонники широкого подхода включают в это понятие отношения между высшими органами государства, а также с элементами политической системы общества. Недостатком узкой трактовки является отсутствие регулирования положения других органов государства, в частности парламента, по вопросу о процедуре формирования правительства, роли конституционной юстиции. Невозможно сделать вывод о форме правления государства по правовому положению исключительно главы государства – монарха или президента.

Весомым упущением широкой трактовки формы правления является приписывание ей несвойственных форме черт. Всю политическую

среду и даже отношения центральных органов государства вряд ли можно вместить только в понятие формы. Важно отметить, что, если мы определяем форму правления как способ управления государством, нецелесообразно ограничиваться исследованием организации только трех названных органов власти. Немаловажным элементом в вопросе организации государственной власти выступают органы конституционного контроля. Именно органы конституционного контроля могут объявить закон парламента неконституционным, и ограничить парламентское управление обществом (понимая управление в широком смысле слова) по данному конкретному случаю.

В. Е. Чиркин в своих трудах справедливо отмечает, что в управлении государством, особенно в нынешнее время, важно учитывать не только прямые, директивные связи, но также и обратные связи органов государства с обществом [6]. В современных условиях при любой модели государственного устройства органы власти не могут эффективно управлять, не учитывая общественное мнение, о котором чиновники узнают посредством обратной связи. Если принимать во внимание все эти особенности и факторы, то определить форму правления становится весьма сложно и она будет иметь общий, абстрактный характер. Но при этом мы можем свести к общему знаменателю разнообразие всех форм правления, которые существуют почти в 200 государствах современного мира, с учетом и тех стран, где не создан ни парламент, ни правительство и нет президента.

Исходя из этого, мы можем определить, что форма (модель) правления – это целостная система органов власти, функций и методов управления государством, которая включает как прямые, так и обратные связи органов государства с обществом. Сложность определения модели государственного правления заключается в том, что сделать окончательный вывод об организации государственной власти конкретного государства, используя только правовые нормы, не всегда представляется возможным. Таким образом, мы считаем, что необходимо делать вывод о модели организации государственной власти посредством анализа не положений конституций или иных нормативно-правовых актов, а характеризуя объем полномочий высших органов государственной власти (президента или монарха,

парламента, правительства), а также систему отношений между ними. Традиционная классификация государственно-правовых моделей основывается на числовой характеристике стоящих у власти правящих лиц. В соответствии с такой классификацией в монархии высшая государственная власть принадлежит одному лицу, а в республике она осуществляется коллегиально выборным органом власти. Данная классификация соответствует сущности и монархий, и республик, но только реальных.

В контексте данного анализа форм правления рассмотрим идеи ученых, которые считают, что в категорию монархий необходимо отнести не только государства, в которых монарх единолично осуществляет управление страной и отделен от других властных структур, но и формальные монархии, в которых у монарха нет единоличной власти. К последним мы относим в большинстве своем демократические государства, которые в действительности функционируют как республики. Рассматривая современную республиканскую форму власти, можно отметить, что некоторые государства с такой моделью правления ограничивают гражданскую политическую активность, в значительной степени ущемляются политические права и свободы граждан этой страны. Таким образом, в современном мире и республики, и монархии в равной степени могут быть и реальными, и номинальными.

Проведя анализ классических форм и моделей правления государствами можно сделать вывод, что в мире не встречаются государства, которые можно однозначно отнести к той или иной форме правления. Когда мы характеризуем государство как определенную форму правления, мы подразумеваем только соответствие основам или большинству признаков общепринятого содержания модели. Поскольку именно модель государственного устройства влияет на содержание властной миссии и стратегии государства, то можно сделать вывод, что раз формы правления современных государств индивидуальны, то и властная миссия имеет уникальное содержание, ориентированное на национальные приоритеты, и требует системного формирования.

Помимо классической классификации форм правления с определенной структурой власти и принципами ее функционирования, суще-

ствуют современные модифицированные инновационные технологии, которые оказывают существенное воздействие на модель управления, дополняя ее новыми элементами в соответствии с современными требованиями мировой политической конъюнктуры. В связи с тенденцией перетекания инновационных технологий из частного сектора в государственный, властная миссия государства остается неизменной по своей сути, но возникает необходимость адаптации к новым технологиям и средствам государственного управления, так как внедрение инноваций имеет не только положительный эффект, но и риски. Одной из таких известных современных инновационных технологий государственного управления является «New Public Management». Впервые такие подходы получили первичное научное обоснование и закрепление в публикациях В. Нисконена, П. Окойна и С. Худа. Впоследствии появилось фундаментальное научное исследование Д. Осборна и Т. Геблера «Реорганизация управления: как дух предпринимательства преобразует государственный сектор» [8]. Усилили энергию антибюрократического настроения Э. Фромм, М. Джилас, Ж.-П. Сартр. Центральные идеи необходимых государственных преобразований заключаются в следующем:

а) отказ от веберовской модели рациональной бюрократии как «устаревшей и несоответствующей потребностям современного развития инновационного общества» [9];

б) бюрократическая система должна ориентироваться на гуманистическую и более социально эффективную модель управления.

Публичное управление и корпоративный менеджмент близки по своей сути и функциональной предназначенности. Оба нацелены на целесообразность, эффективность и гибкое реагирование на изменение конъюнктуры. Но они не синонимы и по целому ряду позиций (целям, условиям, ресурсам, формам правового регулирования, критериям эффективности, социальной ответственности) существенно различаются. В

условиях глобализации мировая политическая конъюнктура быстро меняется, современные государства вынуждены незамедлительно подстраиваться под эти изменения, совершенствовать модели и технологии управления с целью не отставать от развитых стран. Но в этой гонке инноваций и конкуренции должны сохраняться цели и принципы самого управления, которые составляют основу властной миссии государства. Безусловно, содержание властной миссии любой страны не может быть неизменной, ее главная цель – это обеспечение безопасности и достойной жизни населения, и все ее трансформации должны так или иначе быть направлены на достижение этой миссии.

Библиографический список

1. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М.: Прогресс. 1972. 392 с.
2. Бакунин, М. А. Избранные сочинения. СПб-М., 1920, т. III.
3. Гумплович, Л. Общее учение о государстве. М., 1996.
4. Найшуль, В. Либерализм и экономические реформы // МЭ и МО. 1992. № 8.
5. Рассел, Б. Власть. Социальный анализ // Антология мировой политической мысли. В 5-ти томах. М.: Мысль, 1997, т. II.
6. Чиркин, В.Е. Переходное постсоциалистическое государство: содержание и форма // Государство и право. 1997. № 1.
7. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики, 1995. 800 с.
8. Osborne, D., Gaebler, T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. N.Y.: A Plume Book. 1992.
9. Hood, C. A. Public Management for All Seasons? // Public Administration. 1991. № 69 (1).

УДК 316.75:323.23(470)
ББК 66.052(2Рос)

ИДЕОЛОГИЯ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. А. Колесников

Аннотация. В статье исследуется идеологии и политической идеологии как условие строительства современного российского государства. С учетом фактора партийного плюрализма аргументируется необходимость исследования феномена государственной идеологии как особенной формы политической идеологии, расширения социальной базы сторонников утверждения общенациональной идеологии, культивации гражданского патриотизма и политической культуры в российском обществе. Выявляется связь государственной идеологии и преобразовательных процессов с целью укрепления единства современной России.

Ключевые слова: идеология, политическая идеология, партийная идеология, государственная идеология, патриотические силы, государственная идеология, политическая культура.

IDEOLOGY AND ITS POLITICAL FORM IN MODERN RUSSIA

V. A. Kolesnikov

Abstract. The correlation between ideology and its thoroughness as the condition of building a modern Russian state is discussed in the article. Taking into consideration the factor of political pluralism it is necessary to research the phenomenon of state ideology as a special form of political ideology, expanding the social base of supporters of national ideology confirmation, cultivation of civil patriotism and political culture in the Russian society. The connection of state ideology and transforming processes with the aim of enhancing the unity in modern Russia is elicited.

Key words: ideology, political ideology, party ideology, state ideology, patriotic powers, political culture.

Идеология – идейно-систематизированная форма отражения интересов социальных групп и общностей, которые могут противостоять или консолидироваться в сферах политических, экономических, социальных и культурных отношений, духовной жизни (например, религиозная христианская идеология и ее конфессиональных форм). В фокусе идеологии интересы социальных субъектов удовлетворяемы посредством практической деятельности. Заметим, деятельностный подход к сущности социального интереса признается синтезирующим по отношению к познавательному подходу. Так, Дж. Локк характеризует интерес как «побудитель к познанию истины» [6, с. 455-457], а К. Гельвеций определяет интерес как ценностное основание и мотив человеческих действий, способный вести не только к истине, но и в «лабиринты заблуждений» [2, с. 31]. Деятельностный подход получил идеалистическое обоснование Г. Гегелем в концепции трансцендентного саморазвития Абсолютной идеи [1, с. 321]. Развив в воззрениях К. Маркса и Ф. Энгельса при критике младогегелянства в «Немецкой идеологии» и последующих трудах на основе материалистического понимания истории, теории прибавочной стоимости, методологии диалектического материализма с экстраполяцией на сферу классовых отношений.

Идеология определяется как *система идей и знаний*, посредством которых осознаются цели и задачи общества, условия и субъектные формы развития, оцениваются отношения людей к действительности. Идеологический синтез явила марксистско-ленинская идеология в стране первой социалистической революции (на основе фундаментализации основных источников и трех частей марксизма), с объяснительными функциями, политической атрибутивностью, целевыми ориентирами на переустройство мира и создание нового общества с торжеством принципа «от каждого по способностям каждому по потребностям».

Идея «конечной цели» коммунистического движения аргументирована К. Марксом в «Критике Готской программы» (1875 г.): «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет поработавшее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, *лишь тогда* можно будет совершенно преодолеть узкий

горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [7, с. 1–8]. Эта идея позднее была подвергнута критике Э. Бернштейном и другими ревизионистами, призывавшими к отказу от конечной цели («движение все – конечная цель ничто»). Однако получила новое обоснование в работах В. И. Ленина и др. вождей «победившего пролетариата». Стала стратегическим идеологическим ориентиром советского типа государственного строительства и международного коммунистического движения вплоть до развала мировой системы социализма и краха СССР.

В политической идеологии – видовой форме идеологии поясняются внешнеполитические и внутривнутриполитические проблемы, цели и перспективы развития общества, властный механизм и устройство государственной власти («самое существенное в политике – устройство государственной власти»), роль политических субъектов, политические права и формы участия народа в управлении делами государства. Посредством воздействия политической идеологии на общественное сознание обеспечивается осознание отношений населением «господства и подчинения», особенностей политического режима и политического курса развития (в Советском Союзе главным идеологическим носителем и ядром политической системы с конституционно закрепленной ведущей ролью выступала КПСС). В условиях демократии проекция политической идеологии на общественное сознание результативна также посредством посланий политических лидеров, публикаций в СМИ программных документов конкурирующих политических партий, правящего и оппозиционного типов.

Конкретной формой политической идеологии в современных условиях выступает партийная идеология, сущность которой в том, какие интересы социальных групп, общностей или народа страны отражает и защищает политическая партия. Партийная идеология – определитель практических форм реализации политических идей (консервативных и либеральных, социалистических, религиозных и пр.), синтезированных в партийных концепциях. Интерес представляют идеологические модели «демократического социализма» и «социального капитализма» ряда европейских партий (Швеции, Австрии и др. стран). Напомним что, правящая сегодня в ФРГ партия ХДС/ХСС формируется адекватно целям своей идеологии не по статусу, но социальным интересам: учитывает интересы крупной буржуазии – 3 % состава, крестьянства – 23 %,

рабочих – 16 %, интеллигенции с представителями малого и среднего бизнеса – 56 %. Социальную основу партии, составляет средний класс. Интересна оценка оппозиционной – социал-демократической партии Германии (СДПГ), данная К. Р. Кортэ – политическим аналитиком из университета Дуйсбурга-Эссена: «Будучи партией программы, она (СДПГ) объединяет своих членов скорее на основе силы Программного содержания, нежели обещанием прихода к власти» [5, с. 86–88].

В современной России для развития общества и обеспечения политической стабильности значимы Программы и цели парламентских партий: правящей «Единой России» (ЕР) и системно-оппозиционных – «Коммунистической партии Российской Федерации» (КПРФ), «Либерально-демократической партии России» (ЛДПР), партии «Справедливая Россия» (СР). В партийной идеологии существенна партийно-политическая концепция партии – составляющая ее идеологическое ядро, должное прояснять следующее: Что представляют собой социальная сущность и социальная база, идеологические ценности партии? Какова социальная роль партии в обществе (правящая, авангардная, оппозиционная, системная и пр.)? Каков способ ее формирования, принципы внутренней организации, источники финансирования партии? Каково многообразие связей и основные формы работы партии с гражданами? Каковы основные цели и задачи партии в политической, экономической, социальной сферах, культурной и духовной жизни общества на данный конкретно-исторический период?

Значимы стратегические партийные ориентиры. Например, партия «СР» «считает социальной справедливостью и благополучие граждан главной целью своей деятельности». «Наш выбор – социалистическая перспектива. Новый социализм» [13, с. 2–3]. Политические ориентиры «ЕР» подтверждены Д. А. Медведевым 27 марта 2013 г., на открытии проекта «Гражданская платформа». Председатель Правительства РФ отметил, что уровень политической культуры в стране низкий и партии, которую он возглавил, «в этом направлении предстоит большая работа». Идеология «ЕР» – это «идеология разумного, опирающегося на российские традиции, здорового социального консерватизма» [8]. Предикат *социального консерватизма* нацеливает партию на деятельность по упрочнению государственного традиционного и социального начал в России. Партийная идеологии направлена на народные слои, коррелятивна патриотическому движению и интересам государствообразующего

этнота с его культурной и социальной миссией к единению многонационального российского народа.

Конкретные идеологические ориентиры для правящей партии закреплены в научных статьях В. В. Путина: «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» – «Известия», 16.01.2012; «Россия: национальный вопрос» – «Независимая газета», 23.01.2012; «Нам нужна новая экономика» – «Ведомости», 30.01.2012; «Демократия и качество государства» – «Коммерсантъ», 06.02.2012; «Строительство справедливости. Социальная политика для России» – «Комсомольская правда», 13.02.2012; «О национальной безопасности и армии» – «Российская газета», 20.02.2012; «Россия и меняющийся мир» – «Московские новости», 27.02.2012. Содержательный вектор наукоемких тем и фокусируемые задачи проясняют программные позиции «ЕР», значимые для развития государства на долгосрочную перспективу – строительство сильной России. В корреляции с политическим курсом стратегические ориентиры конкретизируются также в посланиях Президента РФ В. В. Путина к Федеральному Собранию РФ и российскому народу. Особо актуальны послания 2014, 2015, 2016 гг. в связи с кардинальными изменениями, происходящими во внутренней политике и устройстве государства (знаменательное событие: вхождение в состав Российской Федерации Крыма, акцентирование задач и практических форм патриотического единения граждан России и др.), во внешней политике существенны ориентиры на ЕВРАЗЭС, позиционирование Российской Федерации в БРИКС и ШОС, комплекс мер в ответах на санкционную политику Запада, по Сирийскому выбору и российско-турецким отношениям и др.

Фактор и влияние политической идеологии в рамках партийной многовариантности – объективная реальность в условиях демократии. Однако она может ориентировать не только на поиск форм политического консенсуса на основе политической конкуренции парламентских партий, но задавать отличия а также конфликтность «левого», «центристского», и «правового» спектров политических сил в борьбе за власть в конкретном государстве с проекцией напряженности во внепарламентскую сферу. В «плюропартийном» обществе последнее может вести к дисфункциональности и политической нестабильности на основе противостояния идеологических ориентаций. Напомним и то, что Президентские выборы 2012 г., а ранее выборы в Государственную Думу РФ активизировали протестную «уличную

активность». И как интерпретируют ситуацию некоторые аналитики, например, Г. Павловский, Л. Радзиховский – «обозначилось существование “двух России”» [11]. Отметим к этому и то, что оценка деятельности радикальной оппозиции, ставящей под сомнение результаты выборов (особо в Государственную Думу РФ) и «честность подсчета голосов» на президентских выборах, со стороны власти была в этих условиях достаточно взвешенной.

Следует учесть, что в протестах нашли свое отражение и следствия экономического кризиса 2008–2009 гг., из которого страна вышла с определенными трудностями. В действительности протеста в большей степени выявились, таким образом, не потенции либерального возврата в «лихие 90-е годы» и не «левацкие призывы» к радикальным изменениям политической системы, но недовольство российских граждан решением вопросов социальной защищенности и пенсионной обеспеченности, уровнем криминализации в обществе и уровнем коррумпированности чиновничества – в эшелонах государственной бюрократии. Подтвердилось неприятие массовым населением бюрократизированного типа государственного управления и неэффективного менеджмента с фактами коррупции, сбоев административной реформы, неудовлетворенность состоянием обороноспособности государства, ситуацией в ЖКХ, правовой и социальной защищенностью граждан в России в начале второго десятилетия XXI в.

Сегодня назрел поворот к новому качеству отношений в системе «власть – общество» и реален запрос патриотических сил России к переходу от «идеологического плюрализма» и запрета на государственную идеологию [4, с. 7] к конституционной поправке и закреплению в Основном Законе страны государственной (общенациональной) идеологии. В качестве особенной – консолидированной формы политической идеологии с содержанием ценностей, нацеленных на целостность и единство, успешность и устойчивость развития российского государства. Согласимся с позицией Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования и основных разработчиков макета новой Конституции России, что *высшие ценности России формируют общую, объединяющую народ России государственную идеологию*. Эта идеология поддерживается и обеспечивается государством через воспитание, образование, науку, культуру, традиции, средства массовой инфор-

мации, защищается от внутренних и внешних посягательств [9, с. 110].

Сердцевину государственной идеологии являет национальная идея, которую нельзя искусственно конструировать, придумать и навязать российскому народу. В лапидарной формуле идея должна отражать «истину и путь» русского народа как цивилизационной идентичности, с формирующейся российской нацией на основе ценностей большинства народа. Оригинальная формулировка национальной идеи была предложена в шеститомнике «Национальная идея России» подвижниками государственного интереса: «Россия должна быть, и должна быть всегда!» [10, с. 5]. На систематизированной идеологической основе предлагается упрочить и новый тип российского патриотизма – гражданский патриотизм, наполняемый активной позицией участия и ответственности за развитие страны, коррелирующий с гражданской политической культурой, нацеленной на ценности возрождающегося национального бытия [3, с. 85–86]. Путь России к новой системной определенности развития государства связан с цивилизационной идентичностью русского народа, которая объективируется только посредством русской культурной доминанты. В. В. Путин отмечает: «это тот культурный код, который пытались и пытаются взломать... Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [12].

В заключение отметим, что наряду с императивом государственной идеологии (как особой формы политической идеологии), востребованы комплексные исследования не только ее содержательной стороны и соотношения с партийными идеологиями, в особенности оппозиционных парламентских партий в РФ, но и выявление особенностей и условий ее формирования, качество субъектного потенциала.

Существенно и то, чтобы государственная идеология России как государственного целого не опредметилась в «превращенные формы» закрепления интересов корпоративной государственной бюрократии в симбиозе с крупным финансовым капиталом с игнорированием общегосударственных интересов и не стала «нивелиром» объективных интересов развития общества – действительных общественных интересов развития и процветания многонационального народа России как основного субъекта преобразова-

ний и источника власти в Российской Федерации согласно ст. 3 действующей Конституции РФ!

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М., 1977.
2. Гельвеций, К. Об уме. – М., Соцэкгиз, 1938.
3. Колесников, В. А. Гражданский патриотизм и гражданская политическая культура в современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I.
4. Конституция Российской Федерации. Принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М.: «Проспект». 1996. 48 с.
5. Корте Карл-Рудольф Партии в поисках смысла // UNTERNATIONALE POLITIK. 2006. № 3. URL: www.moskau.diplo.de (дата обращения 12.01.2017).
6. Локк, Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1965.
7. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е Изд. т. 19.
8. Медведев, Д. А. Уровень политической культуры особенно низок в Интернете. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1065764&cid=5> (дата обращения: 09.04.2016).
9. Научный макет новой Конституции России. М.: Научный эксперт, 2011. 456 с.
10. Национальная идея России: постановка задачи // Вестник Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М., 2012. Вып. 5.
11. Президентские выборы обозначили существование «двух России» URL: http://www.infox.ru/authority/state/2012/03/05/Prezidentskiye_vyu.phtml (дата обращения: 09.04.2016).
12. Путин, В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
13. Справедливая Россия. Политическая платформа партии // ООО Ростовский Дом Печати «Принт-Сервис» 2007. – 26 с.

УДК 327.2(479)
ББК 66.4(244),03

ТЕКУЩИЕ ТРЕНДЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Кенан Гусейн оглы Аллахвердиев

Аннотация. В статье рассматривается динамика наиболее важных факторов, оказывающих, по мнению автора, мощное влияние на тренды развития Кавказского региона. Отмечается, что динамика указанных процессов может оказать не только разноплановое воздействие на затяжные конфликты на Кавказе, но и привести к серьезному изменению геополитического баланса сил и военно-политической конфигурации в регионе.

Ключевые слова: Кавказский регион, геополитические тренды, стратегические факторы, баланс сил.

CURRENT TRENDS OF GEOPOLITICAL ACTIVITY IN THE CAUCASIAN REGION

Kenan Guseyn Ogly Allahverdiev

Abstract. The dynamics of the most important factors which, the author believes, influence development trends in the Caucasian region are discussed in the article. It is noted that the dynamics of the mentioned processes may not only influence long-running conflicts but may also bring to serious changes in geopolitical balance of powers and politico-military configuration in the region.

Key words: Caucasian region, geopolitical trends, strategic factors, the balance of powers.

В научной литературе накоплен большой пласт исследований по конфликтам в Кавказском регионе: объективных и ангажированных, теоретических и прикладных, и т.д. Однако, к сожалению, в своем подавляющем большинстве конфликты в них, как правило, рассматриваются в категориях антиномий: либо в плоскости этнополитического редукционизма, оставляя за скобками их геополитический контекст; либо подчеркивается их производность от интересов «великих мира сего», включенность в глобальные геополитические процессы.

В научной и публицистической литературе в последнем подходе можно выделить три ключевых парадигмы.

Парадигма пассивной вовлеченности, согласно которой Кавказский регион не обладает собственной геополитической активностью и является лишь одной из зон глобального противостояния талассократических и теллурократических сил. По мнению аналитика «The Financial Times» Изабелл Горст, Кавказ – это место, где открывается очередная глава «Большой игры» [12].

Примерно на тех же позициях находится российский геополитик А. Дугин: «Любое рассмотрение кавказского региона в геополитической системе координат предполагает конечное сведение всей многосложной картины реальной расстановки сил к глобальному геополитическому дуализму, к столкновению всегда и во всем

противоположных геополитических интересов России и США (шире стран Северо-Атлантического Союза)» [5].

По-своему, через призму иерархичности геополитических субъектов, исследователи из *Института Центральной Азии и Кавказа Университета Джона Хопкинса (США)* Фредерик Старр и Сванте Корнелл предлагают «концептуализацию Кавказа в рамках Большого Черноморского региона», обосновывая это таким образом: «Рассмотрение всего Кавказа через призму Большого Черноморского региона имеет смысл как политически, так и экономически... В этом контексте Кавказ является осязаемым географическим образованием в формировании важного компонента в восточной части Черного моря, и, следовательно, доступа ЕС к Центральной Азии и Ирану» [14, с. 73].

Януш Бугайски, старший научный сотрудник Европейской программы Центра, полагает, что ситуация в регионе определяется тремя факторами: во-первых, проблемой территориальной целостности государств (к примеру, Армения продолжает оккупировать часть территории Азербайджана, а Россия де-факто контролирует часть территории Грузии), во-вторых, проблемой соблюдения международных норм (с одной стороны, международное право зачастую вступает в противоречие с местными традициями, а с другой – борьба за контроль за энергетическими и транспортными потоками приводит к конфлик-

там) и в-третьих – проблемой независимости Азербайджана, Армении и Грузии, которые под давлением более мощных игроков периодически бывают лишены возможности действовать самостоятельно [9].

Крайней, по сути, шовинистической формой парадигмы пассивной вовлеченности, можно считать мнение, что «Южный Кавказ никогда в истории не играл самостоятельной геополитической роли. Поэтому выбор для него всегда состоял лишь в том, под чьей внешней властью находиться. Под покровительством северной державы (то есть России) закавказские страны неизменно были защищены от любых угроз лучше, чем, находясь в зависимости от других соседей» [8].

Однако существует и парадигма активной вовлеченности. Кавказ обладает собственной геополитической активностью и вместе с регионом Каспийского моря является самостоятельным субъектом мировой геополитики. Данная позиция всесторонне обосновывается в работе К.С. Гаджиева «Геополитика Кавказа» [4].

По мнению ряда аналитиков: А. Кохена, П. Эскобара и других, Кавказско-Каспийский регион, с учетом его ресурсного и трубопроводного фактора, представляет собой центральный сегмент на новых картах «Большой Игры» [10, 11]. Со слов другого американского исследователя Бей Фенга: «Новой карте придумали и новое название: «Ступица и спицы». Роль ступицы на ней выполняет Каспийское море, от которого в разные стороны расходятся спицы – многочисленные трубопроводы, представляющие собой потенциальные маршруты для экспорта огромных нефтяных и газовых запасов, лежащих под землей» [3]. В этом смысле стоит признать, что геополитическое и геостратегическое значение коммуникационного потенциала Кавказа выходит за пределы Центральной Азии и Прикаспийского региона и должно рассматриваться в масштабах всей Евразии.

Имеется также и парадигма автономности. Среди специалистов-кавказоведов имеют широкое хождение представления о геополитической самозначимости и автономности Кавказского региона в рамках «Новой Большой Игры»:

- Кавказ – это сложная система взаимоотношений между государствами – Азербайджаном, Грузией, Арменией, Турцией, Россией и Ираном. Поэтому условно данный регион можно назвать «Большой неделимый Кавказ» (БНК);

- Кавказ – это субъект-носитель особой исторической миссии, и поэтому, как считает азербайджанский исследователь Э. Нуриев, «история сейчас дает шанс странам Кавказа стать как мостом между Севером и Югом, так и важным транспортным и коммуникационным звеном между Востоком и Западом» [13];

• Кавказ – это геострата, где происходит синхронизация или конфронтация геополитических проектов [6] и др.

В этой связи возникает еще один аспект проблемы – возможность появления нового регионального центра силы. По конъюнктурным соображениям грузинские, азербайджанские и армянские политологи видят в этой роли соответственно свои страны, единодушно исключая при этом Иран и Турцию.

У азербайджанской политической и интеллектуальной элиты есть достаточно аргументов, что у экономически богатой и политически стабильной республики имеется все больше оснований на лидерство в регионе: Азербайджан – это «непотопляемый корабль», региональная держава, с которой следует считаться, независимо от желания других стран.

Азербайджан показал себя самостоятельным игроком в «кавказском пасьянсе», продемонстрировав тем самым:

- что тезис о том, что Азербайджан по умолчанию не является самодостаточным и не может самостоятельно обеспечить свои интересы национальной безопасности, безнадежно устарел;

- азербайджанское руководство и общественность не питают иллюзий относительно намерений «игроков» «Новой Большой Игры» – заверениях о «стратегическом партнерстве» (США, Россия), клятвам о «братской дружбе» (Турция, Иран), и прочих изысках политико-дипломатической словесности;

- страна активно использует «нефтегазовую и трубопроводную» дипломатию для достижения целей своего национального развития, и не только самостоятельно выбирает себе партнеров, но и успешно блокирует попытки «сговора» участников «Игры» за счет его интересов.

Все это позволяет прийти к выводу о формировании нового вектора в развитии геополитической ситуации в регионе – «азербайджанского», отчего **геополитическая игра в регионе Южного Кавказа становится все более интригующей**. Насколько он окажется устойчивым, и в какую сторону он раскачает «маятник» в балансе сил на Кавказе, как повлияет на процесс урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, пока трудно сказать. Однако уже очевидно, что его становление вынуждает «старых игро-

ков» серьезно пересмотреть свои планы, значительно сужает диапазон использования фактора Нагорно-Карабахского конфликта в качестве инструмента давления.

На этом фоне значительно изменилась и тональность в трактовке информации об урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта и о его взаимосвязи с мировой политикой. «Удивительно, но судьба Европы будет решаться не в Париже, Берлине, Лондоне или Брюсселе, а на Южном Кавказе. По этой крошечной территории проходят несколько стратегических нефти- и газопроводов. Это единственные пути доступа в Европу энергоресурсов, которые не находятся под контролем России. А между тем, кто контролирует поставки энергоносителей в Европу, тот ею и управляет» [7].

Даже столь краткое освещение вышеизложенного отчетливо свидетельствует о перманентно текущей борьбе за новый передел мира в глобальном геополитическом пространстве. Немалое число аналитиков предполагает, что основа этой борьбы лежит в противостоянии Европе. Другая часть считает, что Вашингтон пытается задобрить Россию, дав согласие на частичное восстановление ее прежнего влияния на постсоветском пространстве (Украина, Кыргызстан, ряд интеграционных проектов: коллективные миротворческие силы, Таможенный Союз) с целью создания антикитайского тандема, решения иранской проблемы, и т.д. Сколько в таких рассуждениях прагматизма и сколько иллюзий – покажет время. Однако огромная опасность в целом для постсоветского пространства, состоит в том, что при неблагоприятном пасьянсе такого рода глобальных геополитических влияний, одновременно могут «проснуться» все на время «затухшие» конфликтные точки.

Библиографический список

1. Андаласав, М. Кавказ в эпоху глобальных геополитических трансформаций. URL: <http://www.geopolitics.ru/common/publics/114.htm> (дата обращения 02.02.2017).

2. Арье, Гут. Геополитические реалии Южного Кавказа URL: <http://www.1news.az/>

<analytics/20090316114544963.html> (дата обращения 02.03.2017).

3. Бэй, Фэнг. Большая энергетическая игра. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/229815.html> (дата обращения 20.02.2017).

4. Гаджиев, К. С. Геополитика Кавказа. М., Международные отношения, 2003. 464 с.

5. Дугин, А. Кавказский вызов. URL: <http://www.arctogaia.com/public/vtor11.htm> (дата обращения 02.03.2017).

6. Маисая, В. Кавказская геострата – синхронизация или конфронтация геополитических проектов: соприкосновение теорий Аттали и Хантингтона? URL: http://cge.evrasia.org/geopolitics_10.shtml (дата обращения 07.02.2017).

7. Миркадыров, Р. Алиев и Саркисян о чем-то договорились. URL: <http://www.inosmi.ru/caucasus/20090508/248967.html> (дата обращения 12.03.2017).

8. Похищение Кавказа. URL: <http://russia-news.ru/newspaper/20/15923> (дата обращения 02.02.2017).

9. Южный Кавказ: пути развития. URL: <http://www1.voanews.com/russian/news/Analysis-and-perspectives/Caucasus-development-2010-02-23-85151567.html> (дата обращения 15.01.2017).

10. Cohen A. The New "Great Game": Oil Politics in the Caucasus and Central Asia. URL: <http://www.heritage.org/research/russiaandeurasia/bg1065.cfm> (дата обращения 10.12.2016).

11. Escobar P. Oil Pipelines Are The 'New Great Game'. URL: http://www.huffingtonpost.com/2009/03/24/oil-pipelines-are-the-new_n_178715.html (дата обращения 06.02.2017).

12. Gorst Isabel. Foreign investment: Caucasus is scene of new chapter in the Great Game // "The Financial Times", 2007, October 31.

13. Nuriyev E. The Ongoing Geopolitical Game in the Caucasus and the Caspian Basin: Towards War or Peace? URL: <http://cns.miis.edu/cres/nuriyev.htm> (дата обращения 10.12.2016).

14. Svante E. Cornell, S. Frederick Starr. The Caucasus: A Challenge for Europe. Washington, D.C. Silk Road Paper. June, 2006.

УДК 341.231(479.24)

ББК 67.400.51(2Азе)

РОЛЬ И МЕСТО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Чингиз Исак Мамедов

Аннотация. В статье рассказывается о борьбе за государственную независимость Азербайджана в конце XX века и процессах возникновения общественных движений и организаций, являющихся необходимым условием строительства демократического и правового гражданского общества и считающихся его первичными атрибутами. Рассмотрены место и роль гражданского общества в государственном управлении.

Ключевые слова: восстановление государственной независимости, государственное управление, демократическое и правовое государство, гражданское общество, общественные движения и организации.

ROLE AND PLACE OF CIVIL SOCIETY IN THE SYSTEM OF STATE MANAGEMENT IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Chingiz Isak Mamedov

Abstract. In the article it is told about the fight for the state independence in Azerbaijan at the end of the XX century and the processes of social movements and organizations emersion which are necessary for building a democratic and constitutional state and which are considered its primary attributes. The role and the place of a civil state in the state management are examined.

Key words: recovery of state independence, state management, democratic and constitutional state, civil society, social movements and organization.

После распада СССР в 1991 году Азербайджан вступил на путь строительства независимого государства. Наша страна, открыв новую страницу в своей истории, решительно отказалась от коммунистической идеологии и политико-экономической системы и начала предпринимать шаги, нацеленные на реализацию идеи строительства демократического, правового и светского государства, базирующегося на национальных и общенациональных ценностях. Азербайджанский народ, провозгласивший в качестве одной из основных своих целей утверждение гражданского общества, гарантирующего верховенство закона и благополучие всех членов общества, их свободную деятельность, в принятой в 1995 году Конституции в законодательном порядке закрепил указанные принципы.

Общественные объединения, представляющие различные категории и слои граждан в общественно-политических и социально-экономических процессах, благодаря развитию сознательности и самосознания людей, являются одним из основных факторов, характеризующих гражданское общество, которое выступает в качестве более высокого уровня развития государства и сообщества людей. В перечне постепенных приобретений общественными объединени-

ями все новых функций для решения проблем общества приоритетное место занимают функции осуществления политики и контроля.

Путь строительства гражданского общества, базирующегося на демократических ценностях, проходит через утверждение демократических институтов, построенных на свободной общественной и политической деятельности людей, в том числе многопартийной системы и сети общественных объединений. Процесс формирования демократической системы сопровождался интенсивным образованием многочисленных политических партий и общественных организаций. Азербайджан, решающий задачи строительства правового государства путем использования демократических ценностей, опирается на прогрессивный мировой опыт и создает все условия для свободы мысли и свободной политической деятельности.

В этих условиях президентом Азербайджанской Республики был избран Гейдар Алиев – лидер очень опытный, решительный, принципиальный, при необходимости очень жесткий, признанный и уважаемый в мире за свою политическую позицию. Именно поэтому народ единогласно (98,8% от всех участвовавших на голосовании граждан)

избрал его президентом Азербайджанской Республики [6, с. 264].

С середины 90-х гг. XX в. начался новый этап в развитии независимой Азербайджанской Республики. Это стало возможным благодаря утвержденной в стране общественно-политической стабильности ценой огромных усилий устойчивой после напряженных для Азербайджана времен в 1991–1993 гг. Азербайджан, открыв новую страницу в своей истории принятием Конституции Азербайджанской Республики, начал осуществлять шаги по строительству светского, правового и демократического гражданского общества. Принятие Конституции независимой Азербайджанской Республики 12 ноября 1995 года стало важным этапом в достижении этой цели [1, с. 127].

Принятием Конституции независимой Азербайджанской Республики в стране была создана правовая база для формирования светского, правового и демократического гражданского общества, базирующегося на свободной рыночной экономике. После принятия Конституции в Азербайджанской Республике процесс демократизации еще более ускорился.

В феврале 1998 г. Общенациональный Лидер – Президент Гейдар Алиев издал Указ «О мерах по обеспечению прав и свобод человека и гражданина». 18 июня 1998 г. была утверждена «Государственная Программа в области защиты прав человека». В октябре того же года был принят новый закон «О гражданстве», были также приняты законы «О въезде и о выезде», «О свободе собраний» и другие законы. В декабре 2001 г. был принят Конституционный Закон Азербайджанской Республики «Об уполномоченном по правам человека (Омбудсмене) Азербайджанской Республики». В 2002 г. в республике был создан институт Омбудсмана.

Как известно, путь строительства гражданского общества, базирующегося на демократических ценностях, проходит через утверждение демократических институтов, обеспечивающих свободную общественную и политическую деятельность людей, в том числе многопартийной системы и сети общественных объединений. В период независимости в нашей республике шел процесс формирования и развития многочисленных политических партий, общественных организаций и объединений. Они были созданы и действуют на основе Конституции Азербайджанской Республики, законов «О политических партиях», «Об общественных объединениях», «О профессиональных союзах» и других законов.

Одним из важных направлений формирования правового, демократического гражданского общества является обеспечение свободы слова и вероисповедания. Именно исходя из этого в Конституции Азербайджанской Республики предусмотрены широкие гарантии свободы мысли, слова и информации.

В Азербайджане начали формироваться отвечающие мировым стандартам свободные, плюралистические средства массовой информации. В 2001 г. в Азербайджане действовало около 650 различных средств массовой информации – газет, журналов, информационных агентств, теле-радио компаний. Подавляющее большинство указанных СМИ были учреждены различными общественными и политическими организациями, частными структурами и физическими лицами. Издавалось более 300 газет и 72 журнала на 8 языках [5, с. 282].

В целях обеспечения одного из основных условий гражданского общества – свободы вероисповедания был принят Закон о «Свободе вероисповедания». В этот период в Азербайджане действовали более 500 зарегистрированных религиозных образований, представляющих различные религии. Одновременно, без государственной регистрации действует около 1500 религиозных образований [5, с. 283].

В Азербайджане в период борьбы за государственную независимость начался процесс возникновения общественных движений и организаций, являющихся необходимым условием строительства демократического и правового гражданского общества и считающихся его первичными атрибутами. В конце 1980-х гг. вызванное недовольство в Советском Союзе старым тоталитарным режимом было плодом перестройки, гласности и демократизации, что создало объективные условия для возникновения в общественной жизни ряда социальных групп, партий и общественных организаций.

28 декабря 1987 г. по инициативе общественности было учреждено республиканское общество «Вэтэн» по связям с соотечественниками за рубежом. В этот трудный период для республики в целях изучения национальных истоков начали возникать различные неформальные общества и организации. В начале 1988 г. группа преподавателей и студентов БГУ создали нелегальное общество «Араз». Примерно в то же время в Баку начали действовать еще несколько нелегальных обществ. Среди них можно отметить организации студентов БГУ «Юрд», «Варлыг» и межинститутское общество «Ченлибел».

В ходе дальнейшего развития событий в условиях обострения ситуации в стране возникли новые общественно-политические организации, национальное самосознание азербайджанского народа стремительно развивалось.

На фоне пассивности правящей Коммунистической партии неформальные организации завладели политической инициативой и укрепляли единство патриотических сил народа. 17 ноября 1988 г. в дни наивысшего развития митингового движения возникли направляющие стихийное народное движение группы, организации и общества: «Клуб Ученых города Баку», «Бакинский Центр Искусств», «Независимые», «Гала», «Озан», «Народный Фронт Азербайджана» (НФА). Среди них особым весом пользовался объединяющий ряд групп Народный Фронт Азербайджана.

События «Кровавого января» 1990 года дали новый импульс формированию общественно-политических организаций и обществ. Народ, наученный горьким опытом «Кровавого января», еще более ускорил самоорганизацию. В 1990–1991 гг. возникли десятки новых организаций и обществ. В 1990 г. были созданы такие организации, как «20 Января», «Общество народных борцов за Независимый Азербайджан», «Народное Объединение Азербайджана», «Объединение Баку и деревень», организация «Габала», «Объединение Всемирный Азербайджанский тюркский кружок», «Гражданское объединение», «Справедливость», «Союз борьбы за Единый Азербайджан», «Совет Старейшин Азербайджана» и др. [8, с. 46–47].

В 1991 г. были сформированы такие организации и общества, как объединение «Юрд», Объединение «Демократических Сил Азербайджана», «Бакинское отделение Гражданской Ассамблеи Азербайджана», общество «Айдынлыг», Общество Женщин Азербайджана и др. [8, с. 47].

Начиная с 1988 г. наряду с происходящими в республике демократическими процессами и экономическими трудностями, Азербайджану также пришлось решить проблему беженцев. В начале 90-х гг. XX в. в Азербайджане насчитывалось 287 тыс. беженцев, в том числе 230 тыс. азербайджанцев, вынужденных покинуть Армению, 52 тысячи месхетинских турков, бежавших из Узбекистана, 5 тыс. беженцев из Российской Федерации [7, с. 303].

20 февраля 1990 года Кабинет Министров республики утвердил Положение «О Государственном Комитете Азербайджанской Республики по работе с лицами, покинувшими постоянные места прожи-

вания», а 29 сентября 1992 года Милли Меджлис Азербайджанской Республики принял Закон «О статусе беженцев и вынужденных переселенцев».

В настоящее время в Азербайджане действует более 30 представительств международных гуманитарных организаций. Наибольшим авторитетом среди них пользуются Верховный Комиссариат ООН по делам беженцев, Международное Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, Международная Организация Исламского Спасения, Ассоциация «Врачи без границ», Международная организация «Забота» и др. [2, с. 12].

После оккупации 20 % территории Азербайджана в 1992–1993 гг. ситуация в республике обострилась, внутри страны образовалась 700-тысячная армия вынужденных переселенцев. Социально-бытовые проблемы беженцев и вынужденных переселенцев всегда находились в центре внимания государства. Достаточно указать, что в связи с этой проблемой президентом Г. Алиевым было подписано 23 указа и распоряжений, Милли Меджлисом принято 13 законов, Кабинетом Министров утверждено 152 постановлений и распоряжений. На исполнение указанных документов из Государственного Нефтяного Фонда было выделено 74 миллиона долларов. В результате исполнения данных указов 1722 семей беженцев и 5019 семей вынужденных переселенцев были обеспечены жильем [4, с. 5].

В конце XX века в Азербайджанской Республике кроме международных гуманитарных организаций, также действовало более 1400 зарегистрированных неправительственных организаций, выступавших во многих случаях в качестве надежных партнеров государственных органов и международных организаций.

В 1989–1991 гг. возник целый ряд общественных организаций и движений, занимавшихся благотворительной деятельностью. Так, в 1989 г. возникли «Комитет Народной Помощи Карабаху», «Общество Беженцев Азербайджана», «Общество Инвалидов Азербайджана», общество матерей «Умид», в 1990 году – общества «Гардашлыг», «Алинджа», «Организация Гейрат Азербайджана», «Союз Борьбы за Единый Азербайджан», в 1991 г. – «Благотворительное общество имени Худу Мамедова», «Спасение Карабаха» и другие организации [3, с. 72–74].

Названные организации и общества сыграли важную роль в мобилизации сил масс против армянских агрессоров, осуществивших агрессию против территории Азербайджана и стремящихся отторгнуть от Азербайджана нашу исконную землю – Карабах, в возрожде-

нии национальной памяти. За годы независимости в нашей республике достигнут значительный прогресс в развитии важного атрибута демократического общества – неправительственных организаций и усилении их роли в общественно-политической жизни.

Библиографический список

1. Азербайджанская Республика 1991–2001. Баку, 2001. (на азерб. языке).
 2. Беженцы и переселенцы // Ганун. 1997. № 2. (на азерб. языке).
 3. Велиев, И., Гусейнов, Ч. Политические партии и общественные организации Азербайджана. Баку, 1993. (на азерб. языке).

4. Газета «Азербайджан». 2003. 4 января (на азерб. языке).
 5. Мамедов, И., Мамедов, Ч. История Азербайджана (XX век – начало XXI века). Баку, 2010. (на азерб. языке).
 6. Мамедов, И., Мамедов, Ч. Политическая история. XX век. Общемировые общественно-политические процессы. Баку, 2003. (на азерб. языке).
 7. Мамедов, Ч. Политическая история Азербайджана (XIX–XX вв.). Баку, 2006. (на азерб. языке).
 8. Национальные отчеты о состоянии НПО в Азербайджанской Республике. Баку, 2010. (на азерб. языке).

УДК 323.2
 ББК 66.3(2Рос)6

СЕТЕВАЯ ЦЕНЗУРА VERSUS СЕТЕВАЯ СВОБОДА – В ПОИСКАХ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

И. Л. Морозов

Аннотация. В статье рассматривается вопрос ужесточения информационной политики государства в отношении глобальной информационной сети Интернет. Анализируются принятые Федеральные законы в сфере цензуры электронных коммуникаций, рассматривается аргументация как государственных деятелей, так и правозащитников. Не ставя под сомнение необходимость противодействия деятельности экстремистских организаций, автор выражает обеспокоенность потенциальной угрозой приближения эпохи «информационного тоталитаризма».

Ключевые слова: экстремизм, свобода, цензура, интернет, государство, власть.

NETWORK CENSORSHIP VERSUS FREEDOM – IN SEARCH OF BALANCE OF INTERESTS OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY

I. L. Morozov

Abstract. The article discusses the issue of tightening of state information policy in the global information network Internet. The author analyzed Federal laws in the field of censorship of electronic communications. The article discusses considers argumentation as public figures and human rights defenders. Without questioning the need to counter the activities of extremist organizations, the author expresses concern about the potential threat of the approaching era of "information totalitarianism".

Key words: extremism, freedom, censorship, Internet, state, power.

Бесконтрольное устойчивое информационное воздействие на население страны со стороны зарубежных культур и их информационных резидентов внутри атакуемого государства, как показывают примеры «цветных революций» и «арабской весны», способно вызвать непредсказуемые негативные последствия – от краткосрочного политического кризиса до полного разрушения фундаментальных основ национального самосознания. Подобные разрушительные воз-

действия могут произойти и неумышленно для проводящих их источников, в качестве побочного эффекта каких-либо других решаемых задач.

Ведущую роль интернета как коммуникативной и организационной «площадки» генерации сил несистемной политической оппозиции показали массовые акции протеста 26 марта 2017 года в России. Некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» во главе с А. А. Навальным сумела скоординировано вывести на

улицы крупнейших городов России десятки тысяч граждан, не имея ни зарегистрированной политической партии, ни государственного финансирования деятельности, ни официальных СМИ (в процессе создания в тот момент находилась только сеть так называемых «предвыборных штабов» Алексея Навального, представляющая собой объединения волонтеров).

Российские эксперты в сфере национальной безопасности своевременно оценили потенциальное политическое значение интернета. Процесс ограничения информационной свободы в российском сегменте интернета насчитывает более двух десятков лет, фактически начавшись одновременно с появлением реальной возможности рядовых граждан самостоятельного выхода в глобальную информационную сеть. Крушение ряда авторитарных политических режимов в Северной Африке и на Ближнем Востоке в 2009–2012 гг. («Арабская весна», «Фейсбукские революции») интенсифицировали процесс последовательного выстраивания системы превентивной информационно-политической защиты государственного строя России:

- в 2013 г. принимается Федеральный закон № 398-ФЗ от 28 декабря 2013 г. («Закон Лугового»), позволяющий правоохранительным органам осуществлять досудебную блокировку информационных ресурсов в Интернете, содержание которых будет расценено как деструктивное [8];

- в 2016 г. принимаются Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» («Законы Яровой-Озерова»), расширяющие возможности государственных структур по отслеживанию активности в сети Интернет рядовых граждан [9; 10];

- в 2016 г. принимается новая «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», подчеркивающая важнейшую роль современного Интернета в генерировании современных вызовов и угроз стабильности государства и общества;

- в апреле 2016 г. в журнале «Коммерсантъ-Власть» выходит статья Председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина «Пора поставить заслон информационной войне» [1], которая, хотя ей и был придан статус частного мнения, по смысловому содержанию может быть рассмотрена как отражающая взгляды государственно-управленческой страны российского социума.

Из указанной статьи А. И. Бастрыкина можно сформулировать следующие выводы [1, с. 20–23]:

- современная информационная угроза для России имеет внешнегосударственный генезис и реализуется в рамках «гибридной войны», которую страны Запада, прежде всего США, ведут против Российской Федерации;

- преступления экстремистской и террористической направленности, а также движения политического протеста в России взаимосвязаны с ведущейся «гибридной войной», из материалов статьи можно даже сделать вывод, что данные преступления и движения не просто взаимосвязаны, но даже происходят в своем генезисе из агрессивных антироссийских действий Запада;

- в ведущейся против России информационной войне используется в качестве основной технология манипулирования «близкой для определенной социальной группы идеологией посредством ее радикализации», причем речь идет в первую очередь об религиозных и этнических группах;

- Россия должна дать жесткий ответ на развернувшуюся против нее информационную войну и порождаемую этой войной экстремистскую угрозу;

- рекомендуемые ответные меры должны состоять из: создания концепции идеологической политики государства; усиления надзора над негосударственными молодежными организациями; выявления идеологов и руководителей молодежных радикальных организаций; внедрения в России опыта Китая по цензурированию Интернета и ограничению деятельности иностранных СМИ на своей территории; введения «презумпции виновности» в интернете (правоохранительные органы должны иметь право немедленно и в досудебном порядке блокировать любой сайт, который сочтут вредоносным, а его владельцы сами должны сами потом доказывать через суд отсутствие у себя экстремистского или другого незаконного контента); оптимизации сбора и хранения персональных данных пользователей сетью Интернет у провайдера так, чтобы забирать эти данные было максимально удобно ра-

ботникам правоохранительных органов; признание преступлением сбор и загрузку на компьютер пользователя информации антизаконного характера; ввести уголовную ответственность за отрицание итогов всенародного референдума и фальсификацию сведений об исторических фактах и событиях.

Можно предположить, что позиция А. И. Бастрыкина сознательно была изложена максимально жестко и бескомпромиссно, в расчете на критику и некоторые уступки, которые государство может сделать сторонникам развитого гражданского общества и информационной свободы [13, с. 20–22]. Но главное, на наш взгляд, статья А. И. Бастрыкина заключает в себе те же самые противоречия, которые содержатся в аналогичных выступлениях российских государственных деятелей и находятся в основе государственной информационной политики. Ключевое противоречие в том, что все предлагаемые антиэкстремистские меры могут быть эффективны только в отношении так называемого «светского», великодержавного национализма. Против религиозного экстремизма или сепаратизма малых народов Российской Федерации эти меры не работают в должной степени.

Актуальный вопрос, обсуждаемый экспертами в сфере политических коммуникаций: насколько в принципе может быть эффективной стратегия информационной блокады и жесткой цензуры при современном уровне развития информационных систем?

Во второй половине XX в. в полной мере развернулась информационная революция, включающая в себя аспекты осознания новой роли информационных потоков в регулировании политических процессов, появление аппаратных и программных средств обработки информации. Теряла устойчивость мировая система биполярного равновесия, сменившаяся трендами глобализации и вектором на многополярность. Эти процессы создали объективные условия для опасений по поводу потенциального формирования нового типа политического тоталитаризма, обозначенного профессором В. П. Пугачевым как информационно-финансовый [6, с. 5–12]. Сущность нового феномена заключалась в том, что с начала XXI в. даже либерально-демократические государственные режимы стали стремиться ограничить возможность свободного доступа своих граждан к информации социально-политической значимости, особенно той, которая способна стимулировать протестные настроения.

В состоянии бифуркации оказалось не только российское, но и западное, в том числе и

американское гражданское общество, отрицая оптимистическую концепцию Ф. Фукуямы о непрерывном движении к социальной гармонии и демократии [11; 12]. На рубеже XX–XXI вв. на Западе стало появляться все большее число футурологических работ пессимистического характера (П. Бьюкенен, Т. Саррацин и др. [2; 3; 7]). Неудивительно, что информационная свобода в очередной раз оказалась плохо совместимой категорией с самой сущностью государства (власть одних людей над другими, обосновываемая и легитимируемая идеологическими доктринами).

С развитием глобальных кибернетических систем, в частности, сети Интернет, появилась возможность не только свободно получать любую эмпирическую информацию и аналитические обзоры, но и выкладывать в общий доступ собственную информационную продукцию. Кумулятивный эффект подобной деятельности, перешедшей в самодостаточный и не нуждающийся во внешнем бюрократическом регулировании процесс, со временем вполне мог ослабить (если не полностью нейтрализовать) статус официальной информации как наиболее эффективного ресурса власти в руках правящей элиты, усиливая антиэтатистские тенденции.

Политико-интеллектуальные элиты передовых технократических государств осознали данную потенциальную угрозу на достаточно ранних стадиях развития интернета. Как следствие, стало появляться ограничительное законодательство и репрессивные действия по отношению к тем или иным социальным сегментам мирового сетевого сообщества.

На относительно ранних стадиях развития «всемирной паутины» гражданских виртуальных коммуникаций, государственная реакция наблюдалась с определенным запозданием и в основном состояла из ответных действий к тем акторам, которые практиковали информационные диверсии или иные откровенно деструктивные сетевые действия. Речь могла идти о многочисленных интернациональных «хакерских кланах» и близких к ним группах радикального политического протеста. Затем государственная стратегия ограничения самостоятельности сетевых пользователей становилась все более принципиальной и последовательной, с явным тяготением к упреждающим действиям, которые обосновываются некоей благой социальной миссией государственного аппарата по отношению к рядовым гражданам.

Эффектно обоснованное идейными вдохновителями современной глобализации неизбежное вступление человечества в «эпоху международного терроризма» привело к тому, что

гражданское общество психологически легко отдало властям большинства демократических государств право на беспрецедентный уровень контроля в информационно-компьютерной сфере. Генерирующий альтернативное медиaproстранство, неконтролируемый интернет как сфера свободного общения рядовых граждан, значительно затрудняет государственным структурам применение манипулятивных технологий, искажающих общественное сознание. Иными словами, с точки зрения носителей власти интернет становится нежелательным, опасным элементом современного социально-политического и экономического процесса, особенно в условиях глобализации.

Цензура над политической информацией нужна в первую очередь тем из субъектов политического процесса, кто уже получил реальную власть в рамках политической системы и отныне «играет на удержание счета», стремится затруднить возможность успеха своих потенциальных конкурентов. Именно поэтому вопросы о том, какие полномочия государство имеет право задействовать в отношении «сетевого сообщества», а какие нет, властные структуры, ввиду его особой остроты, *de facto* почти всегда предпочитают решать быстро и в одностороннем порядке, иногда прикрываясь лишь видимостью общественной дискуссии.

Схемы обоснования ввода государственных ограничений по отношению к информационной свободе сетевых пользователей могут быть различными в зависимости от особенностей конкретного государства и национальной психологии. К примеру, в Китайской Народной Республике введение технологий, ограничивающих доступ на страницы зарубежной политической оппозиции и некоторых религиозных движений, потенциально влекущих за собой блокировку и других ресурсов, контроль за информационной самостоятельностью пользователей объяснялись требованиями государственной безопасности. В исламских странах ограничения на сетевой трафик обосновывались заботой о моральных нормах, проистекающих из предписаний Корана. В США предпочитали вводить тотальный сетевой контроль как способ превентивной борьбы с террористическими организациями. В Великобритании доминировала мотивировка на противодействие распространению порнографических материалов и т.д. В каждом случае представители государственных структур подбирали такой смысловой код, который максимально сочетался со сложившимися особенностями национальной психологии [4].

При таком подходе уже сама попытка противников тотальной слежки публично поставить действия властей под сомнение, потенциально превращала «вольнодумцев» в группу социальных маргиналов в глазах общественного мнения. Им сложно было вести дискуссию на предмет того, что не следует отождествлять такие понятия, как аппарат государственной цензуры и систему защиты моральных устоев общества. Как правило, государственная забота о морали своих подданных эффективно подходила для обоснования внедрения все более эффективных программных и аппаратных средств слежения за информационными коммуникациями между пользователями.

Сейчас в большинстве технологически развитых стран сложилась ситуация, при которой не некие общепринятые моральные правила, а конкретный цензор решает, какую информацию во всемирной сети «рядовым гражданам» получать допустимо, а какую – недопустимо. Действия подобных цензоров-функционеров в условиях российской коррупции и разрушения социальной этики стали максимально адаптированными на обслуживание политического заказа со стороны властных кругов.

При усиливающейся цензуре стало сложно хотя бы узнать, что существует мнение, отличное от мнения цензора. Тотальная цензура тем и опасна, что вводится она один раз, но навсегда (в рамках конкретного политического режима), причем под самым благовидным предлогом. Отменяется (точнее – заменяется на новую модель) она уже после падения той правящей элиты, которой служила.

Разумеется, неконтролируемая всемирная компьютерная сеть может рассматриваться как потенциальное поле деятельности политических экстремистов, террористических группировок, а неapolитические криминальные группировки используют интернет в мошеннических целях регулярно (обман клиентов при электронных платежах, сбыт незаконной продукции, сделки с нарушением авторских прав, махинации с финансовыми счетами частных лиц и организаций и т.д.). Но собственно кибертерроризм (нанесение реального вреда состоянию материальных объектов, жизни и здоровью людей) как явление по настоящее время наблюдается в рамках самой сети, без серьезных последствий для «реальной сферы», не влечет за собой гибели людей или разрушения материальных объектов в политических целях. Исключением был зафиксированный в Иране факт вирусной атаки со стороны зарубежных спецслужб на программу управления центрифугами по обогащению урана. Не исклю-

чено, через несколько лет ситуация изменится и развитие технологий откроет перед террористами новые, действительно опасные горизонты.

Современные сетевые технологии, взаимовлияние интернета и социума, интернета и политических процессов таковы, что предоставляют больше возможностей не экстремистам, а государственным бюрократическим структурам, спекулирующим на кибертеррористической угрозе. Тема взятия Интернета под государственный контроль весьма удобна и как поле популистской специализации тех государственных и общественных деятелей, которые не видят более эффективных возможностей привлечения к себе внимания. Ведь в отличие от специалистов, занимающихся вопросами экономики, техники, науки, права и т.д., политическое спекулирование на «виртуальной угрозе» в принципе не требует от человека какой-либо профессиональной подготовки или специальных технических знаний, но находит живой отклик в широких социальных кругах. К подобным инициативам, происходящим от непрофессионалов, мало соприкасающихся с эффектом «виртуальной реальности» и не знакомых с основными принципами и закономерностями социальной сетевой активности, надо относиться с осторожностью. Неограниченная сетевая цензура ведет не только к положительному эффекту, например, сокращению потенциального «поля активности» политического экстремизма, но существенно подрывает процессы формирования сегментов гражданского общества, снижает продуктивность научных исследований в некоторых актуальных направлениях современной политологии, философии, социологии и т.д., в которых эмпирическая база во многом строится на сетевом мониторинге.

Анализируя политические процессы современности, выявляя субъекты и категории сетевого информационного обмена, перспективным представляется сосредоточиться на изучении специфики и методов информационно-пропагандистского противоборства между деструктивными политическими акторами и государством. Современный политический аналитик изучает методы воздействия на традиционное информационно-культурное ядро политической системы, которое стремятся разрушить носители радикальных мировоззренческих ценностей. Политический экстремизм атакует в первую очередь информационно-идеологические контуры политического режима, искажая политическое сознание тех или иных социальных страт. В самих экстремистских течениях идеология также является «осевой конструкцией» [5, с. 6-7], дис-

кредитация которой (а не убийство лидеров группировок государственными спецслужбами) приводит к дезорганизации всей структуры движения.

Государственная информационная политика современной России модифицируется, реагируя на вызовы и угрозы как внешнего, так и внутреннего генезиса. Усиление террористической опасности и активизация экстремистских организаций диктуют линию поэтапного и последовательного ужесточения государственной цензуры, максимально возможного взятия под контроль информационных каналов в интернете. Однако на этом пути может возникнуть иная крайность, когда тотальный информационный контроль начнет сдерживать социально-экономическое и духовное развитие. Поиск оптимального баланса между государственным контролем и информационной свободой – задача, которая может быть решена только на совместных экспертных площадках органов власти и гражданского общества. Наиболее оптимальным вариантом регулирования интернета может стать развитие независимых гражданских движений и инициатив, направленных на выявление и препятствие распространению деструктивной информации, на развитие высокого уровня виртуальной культуры и ответственности у пользователей глобальной сети.

Библиографический список

1. Бастрыкин, А. И. Пора поставить действенный заслон информационной войне / А. И. Бастрыкин // Коммерсантъ-Власть. Аналитический еженедельник. 2016. № 15.
2. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. М.: Издательство АСТ, 2003. 444 с.
3. Бьюкенен, П. Дж. Самоубийство сверхдержавы / П. Дж. Бьюкенен. М.: Издательство АСТ, 2016. 640 с.
4. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
5. Матвиенко, Е. А. К вопросу об идеях истоках современного экстремизма / Е. А. Матвиенко // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. 2016. № 3.
6. Пугачев, В. П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию / В. П. Пугачев // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1999. № 4.

7. Саррацин, Т. Германия: самоликвидация / Т. Саррацин. М.: Издательство АСТ, 2016. 560 с.

8. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» URL: <http://base.garant.ru/70552568/> (дата обращения 27.03.2017).

9. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" URL: <http://base.garant.ru/70552568/> (дата обращения 27.03.2017).

10. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" URL: <http://base.garant.ru/70552568/> (дата обращения 27.03.2017).

11. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. М.: Издательство АСТ, 2003. 474 с.

12. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. М.: Издательство АСТ, 2004. 588 с.

13. Черкасов, Г. Апрельские тезисы Александра Бастрыкина / Г. Черкасов // Коммерсантъ-Власть. Аналитический еженедельник. 2016. № 16.

УДК 321.01(470)
ББК 66.3(2Рос),123

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

С. В. Китаев

Аннотация. В статье рассмотрена проблема политической стабильности и устойчивого развития российского государства. Её эффективное решение возможно только при условии существенного повышения качества управления, борьбы с коррупцией, наличии необходимого объема ресурсов, а также сбалансированного развития территорий. Данные факторы будут обеспечивать высокий уровень легитимности курса, проводимого властью, способствовать стабильности и устойчивости социально-политической системы в целом.

Ключевые слова: политическая стабильность, устойчивое развитие России, легитимность власти, регионы.

THE PROBLEM OF POLITICAL STABILITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE

S. V. Kitaev

Abstract. A problem of political stability and sustainable development of the Russian state is discussed in the article. Its effective solution is possible only on the condition of significant increase of management quality, war on corruption, the presence of necessary amount of resources as well as balanced development of territories. These factors will provide a high level of legitimacy of the course conducted by the power, promote stability of social-political system as a whole.

Key words: political stability, sustainable development of the Russian state, legitimacy of the powers, regions.

Проблема обеспечения политической стабильности и устойчивого развития государства в последнее время начинает звучать особенно часто. Во многом это обусловлено тем, что ни общество, ни государство не желают заново пройти через те глобальные потрясения, которые произошли в России за последние 100 лет. Исторический опыт свидетельствует, что решение обозначенной проблемы возможно лишь сквозь

призму высокой легитимности власти. Только при этом условии, при полной поддержке высшего руководства страны большинством граждан, происходящие внутри- и внешнеполитические, экономические, социальные и иные изменения, в том числе, болезненные, будут опираться на общественный консенсус, что и является залогом стабильности и планомерности развития в конкретный исторический период.

Прямой противоположностью стабильности, а также устойчивости социально-политической системы выступает политический кризис, при котором, в первую очередь, происходит делегитимация государственно-властных институтов, декоординация и дезорганизация различных центров власти. Возникают параллельные власти оппозиционные структуры, выступающие в качестве альтернативных источников принятия решений (как было в начале XX в. накануне революционных событий, как было в предшествующий развалу Советского Союза период, и пр.).

Запрос на политическую стабильность начинает возникать в сложные, кризисные для страны периоды. И чем хуже положение дел в стране, чем жестче вызовы перед государством, тем более в общественном сознании становятся востребованы люди с жесткой позицией. В более спокойные, стабильные периоды, такие настроения изменяются.

Вышеуказанный тезис наглядно иллюстрирует проведенный 20–23 января 2017 г. среди 1,6 тыс. совершеннолетних россиян в 48 регионах страны опрос Левада-центра об их отношении к историческим личностям. Опросом установлено, что в тройку самых популярных исторических лидеров попали Иосиф Сталин, Владимир Путин и Леонид Брежнев [3].

Если с «восхищением», «уважением» и «симпатией» к Сталину в марте 2016 г. относились 37%, то в январе 2017 г. это число выросло уже до 46%. Характерно, что, как следует из данных, приведенных Левада-центром, на сегодняшний день одобрение Сталина достигло исторического максимума за 16 лет. С чем это может быть связано в первую очередь? Безусловно, с тем, что в представлениях граждан Сталин ассоциируется с «порядком в стране», а также с «сильной рукой».

Аналогичная ситуация объясняет и одобрение Путина, к которому все больше россиян относятся положительно: с 76 % респондентов в 2006 г. до 83 % в 2017 году. Причем с 2014 г., после присоединения Крыма к России, несмотря на введенные в ответ на это антироссийские санкции и ухудшение социально-экономической ситуации в стране, Путин все больше ассоциируется населением страны в качестве сильного лидера, способного навести порядок.

Если в апреле 2006 г. положительно относились к генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу 39%, то в январе 2017 г. уровень поддержки со стороны граждан страны достиг уже 47 %. С 12 до 9 % за этот период снизилось ко-

личество респондентов, относящихся к советскому лидеру отрицательно. Позитивное отношение к Брежневу связано именно с благополучием и стабильностью, присущими этому периоду. Это свидетельствует о том, что если у людей пропадают надежды на лучшую жизнь, возникает стремление к стабильности.

Среди самых неодобряемых россиянами исторических лидеров выделяются, соответственно, Михаил Горбачев, Борис Ельцин и Никита Хрущев. Негатив россиян к этим лидерам обусловлен тем, что периоды их правления ассоциируются с процессами «развала страны», а также утраты былого величия: Хрущев «подарил» Украине Крым и был несерьезным политиком, Горбачев «развалил СССР», а при Ельцине произошло ослабление позиций страны, из сверхдержавы она превратилась в «сырьевой придаток» Запада.

Таким образом, рассматривая категорию политической стабильности, можно говорить о трех ее уровнях: стабильности политического руководства; стабильности политического режима, а также, пожалуй, о самом важном уровне – уровне политической стабильности общества – при его негативном значении невозможно обеспечение стабильности двух других уровней (политического руководства и политического режима). Причем одинаковую опасность представляют как обеспечение политической стабильности любой ценой, так и полное игнорирование данной категории.

Мировой опыт становления государств демонстрирует, что политическая стабильность обеспечивается наиболее надежно и на длительный период не стремлением власти к застою, а созданием необходимых условий для своевременной, разумно организованной замены элементов политической системы, не отвечающих духу времени, либо планомерной замены системы в целом.

Необходимо иметь в виду, что внутрисистемные изменения, направленные на решение стоящей перед системой актуальной задачи, могут в процессе решения одной проблемы создать другую. А эта, другая проблема, может оказаться как безболезненно решаемой в рамках новой конфигурации системы, так и смертельно опасной для реформируемой системы.

Реформирование – это планомерный процесс, характеризующийся постепенностью изменений как политических институтов, так и их отдельных функций. Самое главное, что это целенаправленный, управляемый процесс, иници-

рованный властью, так как политическая реформа, зачастую проводимая под воздействием обострившихся противоречий, является уступкой оппозиционным силам со стороны власти. Поэтому, с одной стороны, реформа предполагает движение вперед, расширяя объем полномочий, с другой – является вынужденной реакцией охранительного содержания, порой единственно возможным условием для сохранения системы.

Любая политическая система в период реформ крайне уязвима для внутренних и внешних воздействий. Это самый опасный для системы период, поскольку разрушающиеся старые взаимодействия не всегда успевают заменяться новыми. Там же, где такая замена происходит вовремя, новые взаимодействия бывают недостаточно устойчивы, хотя бы потому, что всегда существуют большие и влиятельные социальные группировки, желающие вернуться к «доброй старине». Аналогичным образом всегда существуют радикальные группировки, желающие ускорить процесс «достижения всеобщего счастья». Для первых реформы слишком быстры и радикальны, для вторых слишком медленны и недостаточны.

Изменение одного или нескольких внутрисистемных факторов способно ликвидировать условия, в которых предполагаемый вектор реформирования является верным. В данном случае речь будет идти о преобразовании системы, в результате которого имеющиеся знания и опыт, описывающие принципы его функционирования, перестают действовать. По сути, мы имеем дело уже с другой системой, которая подлежит оценке с иной позиции.

Политическое реформирование – не всегда безболезненный процесс. Реформы зачастую связаны с активной борьбой за власть, с возникновением кризисных ситуаций, они не отгорожены от революции и контрреволюции, могут переходить как в первое, так и во второе. В связи с чем, реформируя систему, нельзя забывать о преемственности проводимого властью курса, что позволяет говорить об устойчивом развитии государства.

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01 апреля 1996 г. № 440, ориентирует на взвешенное решение задач социального и экономического характера, осуществляемое на фоне сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовле-

творения всего комплекса потребностей не только нынешнего, но и будущего поколения россиян. Однако спустя 21 год концептуальные целевые ориентиры, утвержденные руководством страны, продолжают сопровождаться дальнейшим движением государства по пути неустойчивого развития в экономическом, социальном и экологическом аспектах.

Одной из причин, по которой многие благие идеи, невзирая на законодательное закрепление, так и остаются нереализованными, является низкое качество государственного управления. Данный фактор, вкупе с извращением принципов верховенства права, коррупцией, а также неэффективной политикой правительства, безусловно, являются существенным препятствием на пути к устойчивому развитию страны.

Как справедливо отмечает политолог Владимир Гельман «к сожалению, для России, как для большинства постсоветских стран, характерен “захват государства изнутри” – со стороны соискателей ренты изнутри государственного аппарата и лично связанных с ними влиятельных представителей бизнеса. Стремясь к приватизации выгод и к обобществлению издержек в процессе государственного управления, эти игроки преднамеренно и целенаправленно создают и поддерживают социально неэффективные правила игры» [1]. А поскольку государством как раз и управляют для того, чтобы извлекать ренту, именно коррупция и служит основным механизмом для достижения обозначенных целей.

Для обеспечения перехода России к устойчивому развитию на современном этапе необходимо, наконец, превратить продекларированные концептуальные направления устойчивого развития в практические шаги, направленные на выход из кризиса как страны в целом, так и на региональном уровне.

Ярким примером эффективной концентрации на государственном уровне финансовых, организационных и иных ресурсов на наиболее важных направлениях стала идея реализации приоритетных национальных проектов в сфере здравоохранения, образования, жилищной политики и в сфере развития агропромышленного комплекса [2, с. 64–69]. При всех сложностях, возникших при их реализации, неоднозначности экспертных оценок, бесспорным является значительное улучшение ситуации в данных сферах. Можно приводить многочисленные статистические данные, свидетельствующие об успехах, но,

безусловно, главным достижением стало коренное улучшение качества и продолжительности жизни населения страны. Вопреки прогнозируемому в начале 2000-х гг. уменьшению жителей России до 136 млн. чел., на 1 января 2014 г. население России составило почти 144 млн. чел. – то есть, на 8 млн. больше прогнозируемого [4]. В 2013 и 2014 гг. в стране был зафиксирован естественный прирост населения [4], а в 2014 г. глобальном рейтинге здравоохранения Россия была впервые в новейшей истории признана благополучной страной-государством, где средняя продолжительность жизни превышает 70 лет [4].

Есть подобная положительная практика и на региональном уровне. Однако, регионам России характерна крайняя неравномерность развития, большое разнообразие, а также различный совокупный потенциал – чем он емче в конкретном субъекте Российской Федерации, тем больше условий для устойчивого развития региона, и наоборот [5, с. 34–37]. Регионы, наделенные природными богатствами, имеющие развитую промышленность, а также высокий научный и технический уровень, оказывают на устойчивое развитие страны наиболее значимое влияние. Имеющиеся различия в развитии регионов определяют необходимость разработки и принятия соответствующих решений в области ключевых, первоочередных проблем и их стабильного, устойчивого развития. Усложняет ситуацию и тот факт, что курс, направленный на обеспечение политической стабильности и устойчивого развития страны реализуется в условиях серьезнейших внешнеполитических и экономических вызовов, а также на фоне общего снижения уровня жизни и благосостояния населения страны.

Подводя итог, отметим, что обозначенные в ходе наших рассуждений проблемы низкого качества государственного управления, повсеместной коррупции, в том числе на самом высоком уровне, отсутствия необходимого объема ресурсов (особенно, финансовых) как на общенациональном, так и на региональном уровнях, несбалансированное развитие регионов, а также многое и многое другое, отнюдь не способствуют поддержанию высокого уровня легитимности проводимого государством курса. Более того, все

это, при почти полной инертности и неповоротливости властей, активно подхватывается оппозиционной повесткой дня, идет волновое расшатывание ситуации. Уже сегодня у нас на глазах производится очередная попытка реализовать «болотный сценарий». Появляется очередная «сакральная жертва» в лице беглого депутата Вороненкова, в регионах повсеместно открываются штабы Навального, 26 марта 2017 г. проведен всероссийский «марш против коррупции», осуществляется «мирная забастовка» дальних бойщиков, и пр. – данные процессы построены по шаблонным методичкам, не раз использованным в ходе «цветных революций» в различных уголках мира. Одним словом, ситуация крайне опасная, причем, на фоне президентских выборов 2018 г., она требует от властей активных шагов. Какие они будут – покажет время. Но от их своевременности и эффективности и будет зависеть уровень политической стабильности и устойчивого развития российского государства на современном этапе.

Библиографический список

1. Гельман, В. Порочный круг «недостойного правления». Ведомости. Официальный сайт. № 4075 от 17.05.2016 URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/17/641249-krug-pravleniya> (дата обращения 24.03.2017).
2. Китаев, С. В. К определению основ российской социальной политики на современном этапе // Власть. 2015. № 10.
3. Опрос Левада-центра «Правители» URL: <http://www.levada.ru/2017/02/15/15388/> (дата обращения 19.03.2017).
4. Путин, В. В. Послание Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации 2014 года. – Российская газета. Официальный сайт. 04.12.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html> (дата обращения 19.03.2017).
5. Скотаренко, О. В. Проблема устойчивого развития в России и за рубежом // Вестник МГТУ. 2011. Том 14. № 1.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

УДК 32.019.51
ББК 66.6,5

АНАЛИЗ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА: МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Т. Ф. Маслова

Аннотация. В статье раскрываются возможности дискурс-анализа как механизма управления коммуникацией представителей власти в регионе альтернативно оценки ее деятельности в русле одних экономических методов. Дается обоснование программы исследования дискурса политика и анализ результатов, полученных в ходе ее реализации.

Ключевые слова: речевое воздействие, дискурсивный анализ, адресанты/адресаты.

ANALYSIS OF A POLITICAL LEADER'S DISCOURSE: METHODS OF CONDUCTION AND ASSESSMENT

T. F. Maslova

Abstract. The potential of discourse-analysis as a mechanism of communication management of representatives of the authorities in the region alternatively to the assessment of its activity in compliance with the same economic methods is revealed in the article. The foundation of the program of research of a politician's discourse, the analysis of its results received during its implementation is given.

Key words: linguistics manipulation, discourse analysis, addressers/addressees.

Специфика коммуникаций с помощью речевого воздействия посредством естественно циркулирующего в обществе языка отражает различного рода высказывания и их трактовку, эмоциональную переживаемость адресантами в социуме. Одно из определений данного процесса связывается с понятием дискурса, которое нередко используется как социально обусловленная организация системы речи и действия, производящаяся не только и не столько лингвистическими или даже логическими средствами, сколько социальными средствами внутри более широкого социокультурного пространства. С точки зрения дискурсивного анализа, речевые высказывания можно исследовать не только лингвистически, прояснением содержащихся в них значений, но и социально, прояснением норм и правил, артикулирующих задействованные в разных стратегиях дискурсивные элементы [1].

Именно такой подход чаще всего используется в технологии дискурс-анализа. Данная технология представляет собой совокупность методик и техник интерпретации различных текстов, обращений, заявлений, созданных в конкретных общественно-политических и культурно-исторических условиях. На современном этапе актуализируются исследования дискурса региональных политических лидеров, что связано, прежде всего, с потребностью «прозрачности» и конструктивности взаимодействия власти и местного сообщества, преодоления разночтений управленческих стратегий в условиях, когда потоки информации из разных источников часто запутывают ее потребителей, вносят пересуды в социум, формируют негативное общественное мнение. Так, ответственность как за «успешность», так и за «неуспешность» осуществляемых реформ, по мнению респондентов в СКФО, разделяется между Правительством России и ре-

гиональной властью, к которой отношение неоднозначно. На вопрос: «Как Вы относитесь к деятельности региональных органов власти (губернатора или президента вашего региона)?» 35,5 % в Ставропольском крае и 44,1 % в Карачаево-Черкессии ответили «не одобряю»; 42,5 % и 34,8 % затруднились ответить [4, с. 144]. При более пристальном рассмотрении причин такого отношения становится очевидным, что оценки ее деятельности в русле одних экономических методов являются недостаточными. Во многом воздействия на социальные процессы в регионе объясняют особенности коммуникации представителей власти, особенно глав субъектов федерации и населения региона.

Важная роль в формировании установок, объединяющих политические силы, население вокруг идеи стабильности региона, предупреждения и преодоления социальных конфликтов принадлежит первым лицам – президентам республик, статус, компетенции и широта влияния которых предполагает масштабность их коммуникаций в отношении проблем, влияющих на социальное самочувствие территориального сообщества. Пристального внимания требуют вопросы, которые связаны с ожиданиями адекватных действий от лидеров власти по их решению, поэтому адресуются руководителям республик, входящих в состав округа. К таким вопросам можно отнести следующие: «Какое звено руководители считают главными в решении проблем региона и субъекта федерации?», «Какое место они отводят в этом этническому и религиозному факторам?».

Исходя из того, что коммуникативная сторона социальной деятельности субъекта управления является одной из наиболее существенных, целесообразно отметить специфику коммуникации политических лидеров, которая заключается в ее опосредованности (виртуальности), интерпретируемости и эмоциональной переживаемости адресантами. Это объясняется тем, что ее источником является символически значимый лидер (президент), что влияет на уровень восприятия и трактовку общественным мнением политики, проводимой в республике.

Поэтому заслуживает внимания предметный, научно обоснованный анализ дискурса политиков. Это: тексты речей, выступлений, обращений, различные высказывания, в которых содержатся идеологические, политические, религиозные и прочие установки; проявляется их явная или скрытая ангажированность.

В контексте данной статьи предпримем попытку раскрыть некоторый опыт апробации методики анализа дискурса, реализованный нами

в программе дискурс-анализа выступлений руководства республик СКФО как элемента системного менеджмента в ситуации преодоления региональной конфликтности.

Цель исследования – охарактеризовать содержание, динамику оценок, суждений, выраженных в текстах публичных выступлений президента республики относительно идентификации региональных конфликтов в СКФО и их преодоления.

Объект исследования – тексты, содержащие речевые обращения президента (главы) республики Ингушетия СКФО за 2012–2016 годы.

Предмет исследования – содержание, жанровая направленность, лингвистическая, терминологическая база, эмоциональный тон дискурса.

Тип дискурс-анализа – политический.

Стратегия – структурно-лингвистическая в контексте региональной политики.

Анализ текста осуществляется посредством фиксации социальных и текстовых индикаторов. Индикаторами представляются: проблематика, которая затрагивается в статье, выступлении, обращении (единица анализа); отражается интенсивность обращения к тем или иным проблемам, темам. Лингвистическая, терминологическая база, эмоциональный тон анализируются через выделение ключевых слов, словосочетаний, связанных с проблематикой текста, их грамматических и синтаксических свойств.

Остановимся на некоторых результатах дискурс-анализа коммуникаций президента республики Ингушетия Юнус-Бека Евкурова, который по итогам рейтинга информационной открытости глав субъектов Российской Федерации в 2013 г. вошел в тройку лидеров [3]. Анализ сайта президента республики говорит о том, что официальные контакты, осуществляемые им через речевое воздействие, занимают в среднем более половины новостей, передаваемых в течение одного месяца. При этом информация отражает базовую проблематику СКФО и ее ингушский контекст в коммуникациях президента. Это ухудшение социального самочувствия, рост протестной активности, межэтнические и межконфессиональные отношения, распад общества на фрагментарные этнические сообщества, конфликты между сельскими общинами и органами муниципальной власти, конфликты между старожильским населением с переселенцами и др.

Жанровая направленность и контекст текстовой коммуникации характеризуются значительной долей непосредственных воздействий на адресатов:

1. Выступления на встречах с различными категориями населения.
2. Вступления на официальном мероприятии.
3. Обращения.
4. Выступление на совещаниях.
5. Тексты поздравлений.
6. Пресс-конференции.

Широкий охват потребителей информации дифференцируется по социальным и культурным критериям. Например, в январе 2012 г. – это работники органов власти, медицинские работники (04.01); руководители правоохранительных органов (06.01); православные христиане (6.01), студенты, молодежь (12.01); родители, школа (27.01); работники агропромышленного комплекса (15.01); имам, учителя (поздравления) и др.

Проблематика коммуникаций отличается широтой и разной степенью интенсивности обращений к тем или иным вопросам; отражает следующие содержательные рубрики.

1. Духовность, культура: 1.1. Духовные потребности; 1.2. Учреждения культуры; 1.3. Спорт; 1.4. История; 1.5. Духовенство.
2. Экономическое развитие: 2.1. Проблема рынков и торговли; 2.2. Безработица; 2.3. Частное предпринимательство; 2.4. Возможности самофинансирования.
3. Правопорядок: 3.1. Состояние правоохранительной системы.
4. Развитие социально-экономической сферы: 4.1. Социальная сфера; 4.2. Коммунальное хозяйство; 4.3. Строительство, качество строительной продукции; 4.4. Жилье; 4.5. Здравоохранение; 4.6. Строительство новых объектов.
5. Образование и стимулирование его развития.
6. Безопасность.
7. Внимание к заслуженным людям и их поддержка.
8. Работа с молодежью: 8.1. Подготовка кадров.
9. Система управления.
10. Гражданское общество: 10.1. Защита прав граждан, правозащитная деятельность; 10.2. Оценка НКО; 10.3. Отношение к заключенным.
11. Развитие сельского хозяйства: 11.1. Ситуация в аграрном комплексе.
12. Банд формирования.
13. Отношение с федеральным Центром.

14. Национальные вопросы и международные отношения.

Лингвистические характеристики текстов отражают адекватность социокультурному контексту, базовой идеологии власти, связанной с мирным развитием, дружбой с соседями, устранением причин, вызывающих риски конфликтов.

Таким образом, можно констатировать, что проведение анализа дискурса руководителя республики по специальной программе позволит сформировать представление о его позиции, определить ее политическую последовательность, оценить влияние на изменение социальных настроений населения. Очевидно, что сама технология дискурс-анализа – это реакция на востребованность идеологического и культурного сопровождения мер, проводимых официальной властью в регионе; на необходимость понимания экспертным сообществом и населением действий власти. Однако нельзя не принимать во внимание сложности ее реализации. На методологическом уровне дискурс-аналитического подхода обнаруживается трудность, связанная с анализом текста и контекста. Дилеммой в данном аспекте является то, насколько «глубоко» должен развиваться анализ актуального текста, чтобы сформировать адекватную научным нормам интерпретацию [2, с. 8]. В связи с данной трудностью в исследовательских подходах считаем целесообразным рассматривать возможности интеграции методологии контент-анализа, что нашло отражение в нашей программе.

Библиографический список

1. Дискурс. URL: /http://vslovar.ru (дата обращения 25.02.2017).
2. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией // Научные ведомости. Серия. Гуманитарные науки. 2015. № 6(203). Выпуск 25.
3. Самые информационно открытые главы регионов – Собянин, Комаров, Евкуров: медиа-рейтинг. URL: http://www.regnum.ru/news / (дата обращения 15.11.2013).
4. Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе / Авксентьев В.А., Васильченко В.А., Маслова Т.Ф., Лепилкина О.И. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 274 с.

УДК 338.24(470)
ББК 65.050.17(2Рос)

**ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ –
ВАЖНЕЙШЕГО ЭЛЕМЕНТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

П. Н. Кобец

Аннотация. Современная теория экономической безопасности доказала, что все угрозы экономической безопасности сегодня поддаются измерению. А это значит, что можно организовать на любом уровне криминологический мониторинг экономической безопасности (на уровне страны, региона, отрасли экономики, на конкретном предприятии). Реализация этой идеи в органах внутренних дел Российской Федерации позволит многократно повысить эффективность их работы.

Ключевые слова: экономическая безопасность, мониторинг оперативной обстановки, мониторинг экономической безопасности, индикаторы экономической безопасности, система показателей, методы мониторинга.

**THE PROBLEMS OF CREATION A STATE SYSTEM OF ECONOMIC SECURITY
MONITORING IN THE RUSSIAN FEDERATION AS AN IMPORTANT ELEMENT
OF NATIONAL SECURITY OF THE STATE**

P. N. Kobets

Abstract. Modern theory of economic security has proved that nowadays all the threats of economic security can be measured. It means that it is possible to organize criminological monitoring of economic security at any level (at the level of the country, region, economic sector, at an enterprise). The implementation of this idea in internal affairs bodies of the Russian Federation allows to increase the effectiveness of their work.

Key words: economic security, the monitoring of the scene, monitoring of economic security, indicators of economic security, metrics, methods of monitoring.

В органах внутренних дел Российской Федерации, которые являются одним из субъектов по декриминализации различных видов экономической деятельности обеспечение экономической безопасности следует понимать как мониторинг оперативной обстановки в сфере реализации первоочередных государственных интересов и оперативную реакцию на любые сигналы о криминальных угрозах экономической безопасности негосударственных субъектов хозяйствования.

В Российской Федерации уже более десяти лет осуществляется работа по сбору информации о состоянии экономической безопасности страны, отдельных её регионов и отраслей экономики [5, с. 82]. Так, Росстат России готовит в ежемесячном режиме статистическую информацию по 51 показателю для мониторинга факторов, определяющих возникновение угроз экономической безопасности России, и направляет ее в Министерство экономического развития Российской Федерации. С 2003 г. одновременно с подготовкой этой информации Росстатом России подготавливается также статистическая инфор-

мация по 63 показателям для мониторинга угроз национальной безопасности России, которая представляется в Совет Безопасности Российской Федерации. Наряду с этим, для подготовки ежегодного доклада «О состоянии национальной безопасности Российской Федерации и мерах по ее укреплению» в Правительство Российской Федерации Росстат представлял в Совет Безопасности Российской Федерации статистическую информацию по показателям для оценки состояния национальной безопасности в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [2, с. 39].

Ныне этот документ утратил силу, а 31 декабря 2015 г. был издан Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», который утвердил новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации [16]. В новом документе предусмотрено создание системы контроля хода реализации Стратегии (55, п. 110) в форме государственного мониторинга. Более

того, в Стратегии предлагается система укрупненных показателей состояния национальной безопасности (55, п. 115), куда входят: удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах; ожидаемая продолжительность жизни; валовой внутренний продукт на душу населения; децильный коэффициент (соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченного населения и 10 % наименее обеспеченного населения); уровень инфляции; уровень безработицы; доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования; доля расходов в валовом внутреннем продукте на культуру; – доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам.

В то же время до сих пор в Российской Федерации не создана государственная система мониторинга экономической безопасности, хотя теоретически эта проблема уже давно решена. Так, в различных работах последнего десятилетия для оценки экономической безопасности России предлагается более 150 различных экономических и социальных показателей. В работе по созданию государственной системы мониторинга экономической безопасности важнейшим методическим требованием является формирование в конечном итоге такой системы показателей и методов мониторинга, чтобы она была максимально объективирована и деперсонифицирована. Иначе говоря, после запуска такой системы мониторинга она должна максимально элиминировать возможности субъективного воздействия самого разного свойства: ошибок при расчетах показателей и индикаторов, ошибок при интерпретациях, защищенность от воздействия политических интересов каких бы то ни было акторов на осуществление расчетов [4, с. 167].

Реализация такой системы потребует решения двух задач: достижения реальной объективности методик и подготовки специальных регламентов. За основу будущей модели государственной системы мониторинга экономической безопасности можно взять уже предлагаемую в научной литературе модель государственной системы мониторинга коррупционных проявлений.

Следует отметить, что принцип постоянно-го и всеобъемлющего мониторинга социальных и экономических процессов уже давно доказал свою эффективность в сфере обеспечения и национальной, и экономической безопасности многих развитых стран мира. Например, в США в рамках ФБР функционирует крупнейшая в мире служба электронной разведки – Агентство национальной безопасности. Особенность этой службы состоит в том, что вся информация, собираемая с различных контролируемых объектов, становится доступной сотрудникам сразу, как только её загрузят в единую систему. Информация антитеррористического характера имеет приоритет и загружается в течение 24 часов. Другая криминальная информация, относящаяся к тяжким преступлениям, организованной преступности, финансовым мошенничествам и т.п., загружается в базу с некоторым временным лагом. В этих базах данных сегодня можно найти практически всё: записи о финансовых транзакциях и сделках, образцы ДНК и отпечатков пальцев, образцы звуков и видеоклипы, топографические карты и поэтажные планы зданий, агентурные сообщения разведки и данные радиоперехвата, горячие новости СМИ и их архивы, информацию из блогосферы, видеозаписи с улицы и в помещениях и т.п. Накопление и систематизация подобных данных осуществляется уже несколько десятков лет. Каждая из этих баз данных создавалась конкретным субъектом для решения конкретных задач. В настоящее время вся эта система совершенствуется так, чтобы доступ аналитиков к информации осуществлялся в режиме реального времени [1], и чтобы любую разрозненную информацию можно было бы оперативно сопоставлять.

Дело в том, что самой важной и, вместе с тем, сложной является задача – из всех разрозненных данных отобрать такие фрагменты, которые складывались бы в согласованную цельную картину интересующего события. Традиционные способы решения подобных задач требуют огромных трудозатрат и времени (месяцы, а иногда и годы аналитической работы). И даже сейчас, когда появились автоматизированные компьютерные системы, способные сводить воедино разрозненные клочки информации, им по-прежнему крайне сложно обрабатывать сильно различающиеся типы данных. Например, современное программное обеспечение не способно сопоставлять записи цифр в таблицах о суммах продаж и кадры видеонаблюдения в супермаркетах и т.п. [6, с. 121].

Тем не менее, в США уже появился IT-инструментарий, который способен решать такие сложные задачи – просеивать огромные массивы плохо сопоставимых данных. Например, программное обеспечение «Палантир» реально способно быстро, в режиме параллельной обработки прочесывать все доступные ему базы данных и выявлять там связанные друг с другом фрагменты информации. После чего программа складывает все найденное в одно место – в виде, удобном для просмотра аналитиком. Создателем и владельцем этого IT-инструментария является одноименная частная компания [7, с. 30–31].

Сейчас существует две версии такой программы – Правительственная и Финансовая. Ими пользуются Министерство обороны США, ЦРУ, ФБР, аналитические службы американской армии, морской пехоты и военно-воздушных сил, полицейские департаменты Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, а также постоянно растущее число финансовых институтов, выявляющих с помощью этой программы различные виды банковских афер и мошеннических операций [8, с. 160].

Используя возможности программного обеспечения Palantir, правоохранительные органы могут практически моментально компилировать подробнейшие досье на любой объект, увязывая вместе материалы видеонаблюдения за посетителями любых торговых точек с финансовыми транзакциями через кредитные карты, со звонками по сотовому телефону, записями об адресатах и темах писем электронной почты, покупке и использовании авиабилетов, логах тем разыскиваемой человеком информации в Интернете и многое другое [14, с. 4–9]. Эта программа предусматривает и контроль заведомо запрещенных действий, типа несанкционированной законом тотальной слежки за людьми т.п. Программа всегда создает аудиторский след, в котором фиксируется, кто именно видел определенные фрагменты информации, и что именно с этими фрагментами делалось.

Кроме того, у программы Palantir имеется строгая система допусков, гарантирующая, что всякий сотрудник получает доступ к данным только на уровне своих полномочий. Сегодня у компании Palantir есть конкуренты, которые также предлагают подобные IT-продукты: Raytheon, Lockheed Martin, Northrop Grumman и IBM, и т.п. [9, с. 25].

В самом общем виде для мониторинга экономической безопасности в сфере противодействия криминализации различных видов эконо-

мической деятельности нужен такой инструментарий, который позволял бы в автоматическом режиме сканировать большие объемы информационных ресурсов, отбирать из них отдельные фрагменты, заданные аналитиком, и создавать из них цельную картину события или объекта [10, с. 41–42]. Речь идет о так называемых инициативных аналитических исследованиях, суть которых сводится к организации непрерывной обработки потоков фоновой информации о происходящих событиях, перемещениях лиц и грузов, денежных переводах, коммерческих сделках и т.п. с целью выявления в них возможного криминального содержания и предпосылок совершения преступлений.

Задача инициативной аналитики – это получение и формирование потоков уже реактивной оперативно-розыскной информации по основным направлениям борьбы с преступностью. В данном случае осуществляется генерирование такого информационного продукта, который позволяет оперативно принимать адекватные меры по предотвращению преступлений и пресечению преступной деятельности непосредственно из складывающейся ситуации или на основе выявления тенденций развития того или иного социального или экономического явления.

Фактически речь идет о постоянном наблюдении и оценке различных угрожающих факторах. Напомним, угрожающий фактор – это внешне совершенно нормальное действие, объект, событие, но развивающееся таким образом, что в итоге оно превращается в реальную угрозу или даже криминальное явление. Такое автоматизированное (без участия человека) наблюдение десятков лет назад было невозможно. Однако в последнее время не только обсуждаются, но и реализуются различные проекты глобального автоматизированного контроля различных коммуникаций.

Новые источники получения оперативной информации открылись и с распространением электронных платежных средств, электронных проездных документов, содержащих персональные данные и идентификационные признаки. Для обслуживания владельцев сотен миллионов разнообразных пластиковых карт сейчас происходит накопление огромных массивов данных, доступ к которым позволяет получить представления об интересах, здоровье, настроении и даже о намерениях (в том числе, преступных) того или иного человека.

Сегодня на вооружении ОВД уже имеются современные программно-технические комплек-

сы, которые в полной мере позволяют реализовать идеи и алгоритмы инициативной оперативно-розыскной аналитики [15]. В них происходит круглосуточное пополнение баз данных фоновой информацией. Они в настоящее время применяются не только в ОВД на транспорте, но и в большинстве территориальных подразделений МВД России. В таких программно-технических комплексах формируются и автоматически пополняются базы данных лиц, находящихся в розыске («Розыск»), представляющих оперативный интерес («Сторож»), проходящих через криминальные учеты на участке обслуживания («Криминал»), а также об утраченных и похищенных документах («Документ»), и при необходимости другие ресурсы оперативно-розыскной информации.

Одновременно в автоматическом режиме постоянно обновляются базы данных фоновой информации о лицах, которые приобрели билеты на поезда дальнего следования («Экспресс») и авиабилеты («Сирена»). В настоящее время прорабатывается вопрос о внесении информации о лицах, приобретающих билеты на автомобильный транспорт.

Особенность комплекса состоит в том, что сервер загрузки и анализа информации в совокупности с коммуникационным сервером осуществляет автоматическое пополнение баз данных. После очередного пополнения «транспортных» баз фоновой информацией по определенным алгоритмам в автоматическом режиме производятся аналитические процедуры совместной обработки данных о перемещениях лиц со сведениями, содержащимися в «криминальных» базах ресурсной оперативно-розыскной информации.

В эти системы могут быть встроены программные модули – автоматизированные рабочие места, позволяющие по определенным алгоритмам в полуавтоматическом режиме выявлять, раскрывать и предотвращать преступления, совершаемые в ходе пассажирских перевозок. При этом реализуется принцип отраслевой интеграции информационных ресурсов для различных направлений оперативно-розыскной деятельности.

Наиболее перспективной представляется разработка автоматизированных алгоритмов инициативной аналитики для прогнозирования возможных преступлений и определения потенциальных преступников и их сообщников. Например, для предотвращения преступлений на транспорте, после того как пассажирский поезд

оказался на территории обслуживания конкретного управления внутренних дел, аналитик сразу может задать программе фиктивное условие о совершении в поезде определенного вида преступления. В результате для каждого пассажира будет вычислен «коэффициент криминальности». Если для кого-либо из пассажиров этот коэффициент выше определенного уровня, то можно сделать предположение о потенциально возможном совершении им заданного преступления. Это позволит провести превентивные оперативные мероприятия, направленные на недопущение такого преступления. В целом круг задач, которые могут решаться на основе технологий инициативной аналитики, в обозримом будущем будет расширяться по мере включения в работу новых IT-технологий, разнообразных информационных ресурсов и потоков фоновой информации [12, с.135].

Принципиальным моментом в развитии инициативной аналитики стала автоматизация поисковых процедур получения данных и сведений из открытых источников – интернета и электронных средств массовой информации. Предикторы, определяющие личностные качества, интересы, криминальный потенциал и направление противоправных устремлений объектов оперативного внимания, могли быть получены на основании анализа их окружения, связей, сетевых коммуникаций с сообщниками, идейными сподвижниками или партнерами по криминальному бизнесу.

Помимо инициативной аналитики в качестве инструментария мониторинга экономической безопасности в сфере противодействия криминализации различных видов экономической деятельности следует использовать методы и приемы криминологического моделирования, которые уже давно активно используются в управлении сложными социально-экономическими системами и в автоматизации бизнес-процессов [13, с. 39].

Метод криминологического моделирования, представляющий собой метод криминологического прогнозирования, в основе которого лежит построение статистических и динамических моделей, описывает с возможно более полной информативностью динамику преступности во времени, исходя из взаимодействия комплекса факторов, существенно влияющих на нее. В основе использования методов криминологического моделирования лежит построение модели возможной ситуации. При данном подходе параметры модели ставятся в соответствие исследуемым факторам изучаемого события, варьируя

параметры модели, получают сведения о значимости отдельных факторов, об их взаимном влиянии. На основе таких расчетов находят оптимальные соотношения между последствиями события и соответствующими масштабами деятельности правоохранительных органов [11, с. 90].

Создание, внедрение, поддержка и развитие автоматизированных информационно-аналитических комплексов оперативно-розыскного и криминологического назначения требуют научно-технологической, проектно-конструкторской, производственной и специальной образовательной инфраструктуры [3, с. 596–602].

Непосредственное использование автоматизированных алгоритмов в аналитике предполагает последовательное наращивание мощности систем сортировки, обработки и анализа потоков разнородных данных. По мере расширения круга решаемых задач должны вводиться в строй новые режимы работы автоматизированных систем. С углублением интеллектуальной составляющей процессов обработки и анализа данных будут открываться новые функциональные возможности программно-технических комплексов и всей информационно-аналитической структуры.

Следует отметить, что финансовые вложения, организационные и интеллектуальные усилия, связанные с развитием инициативной аналитики и криминологического моделирования в территориальных органах внутренних дел МВД России, будут окупаться повышением качества оперативно-розыскной деятельности в сфере противодействия криминализации различных видов экономической деятельности, а в итоге – более высоким уровнем национальной и экономической безопасности.

Библиографический список

1. АНБ США, секретность как коррупция и системные ошибки. URL: <http://kiwibyrd.org/2013/08/11/0702> (дата обращения 12.10.2015).
2. Кевеш, А. Л. Задачи официальной статистики в информационном обеспечении развития и безопасности страны / А. Л. Кевеш // Материалы Первой всероссийской конференции «Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы». М.: ООО «Агентство печати «Столица», 2014.
3. Кобец, П. Н. Анализ природы терроризма и его детерминирующих факторов в условиях середины второго десятилетия XXI столетия / П. Н. Кобец // Полицейская деятельность. 2016. № 6. DOI: 10.7256/2222-1964.2016.6.21353

4. Кобец, П. Н. О пробелах законодательного регулирования борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности / П. Н. Кобец // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Материалы Пятой международной научно-практической конференции. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007.

5. Кобец, П. Н. О необходимости ликвидации пробелов законодательного регулирования преступности в сфере экономической деятельности / П. Н. Кобец // Международной научный журнал «Символ науки». 2015. № 12.

6. Кобец, П. Н. Основные направления в сфере экономической деятельности, нацеленные на совершенствование обеспечения безопасности Российской Федерации. Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения / П. Н. Кобец, Д. В. Власов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2005. № 5.

7. Кобец, П. Н. Кодекс этики госслужащего. Для эффективной борьбы с коррупцией Россия может обобщить опыт зарубежных стран / П. Н. Кобец // Человек и закон. Общественно-правовой журнал. 2008. № 10.

8. Кобец, П. Н. Анализ зарубежного законодательного и практического опыта профилактики и предупреждения правонарушений / П. Н. Кобец // Тенденции и перспективы развития науки XXI века: сборник статей Международной научно-практической конференции (28 января 2016 г., г. Сызрань). В 2 ч. Ч. 2 – Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016.

9. Кобец, П. Н. Зарубежный опыт предупреждения тяжких серийных преступлений / П. Н. Кобец // Социально-экономические проблемы современной России. Сборник научных трудов / Под ред. проф. В. В. Галкина. Вып. 1. Воронеж: ЦНТИ, 2011.

10. Кобец, П. Н. Совершенствование методики информационно-аналитического обеспечения деятельности правоохранительных органов в борьбе с торговлей людьми / П. Н. Кобец // Роль и место информационных технологий в современной науке: сборник статей Международной научно-практической конференции (3 марта 2017 г., г. Казань). В 2 ч. 2. Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2017.

11. Кобец, П. Н. Использование подразделениями МВД России математических методов анализа (на примере Приволжского федерального округа Российской Федерации) / П. Н. Кобец, О. А. Попов // Научный портал МВД России. М.: ВНИИ МВД России. 2010. № 1(9).

12. Кобец, П. Н. О необходимости регулярного социально-криминологического мониторинга криминальной ситуации в Российской Федерации / П. Н. Кобец // Общество и право. Международный научно-практический журнал. 2014. № 2 (48).

13. Кобец, П. Н. Мониторинг и оценка криминальной ситуации, складывающейся в сфере организованной преступности, – важная основа противодействия рассматриваемому феномену / П. Н. Кобец // Российский следователь. 2016. № 11.

14. Кобец, П. Н. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими группировками, и необходимости противодействия киберпреступности / П. Н. Ко-

бец // Вестник развития науки и образования. 2016. № 6.

15. Новикова, И. В. Индикаторы экономической безопасности региона / И. В. Новикова, Н. И. Красников // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. URL: sun.tsu.ru/mminfo/000063105/330/image/330-132.pdf. (дата обращения 22.10.2016).

16. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 10.02.2017).

УДК 328.162:325.1

ББК 66.4(0),32

О СОЦИАЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ СОВРЕМЕННОГО МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

И. М. Вакула, А. А. Контарев

Аннотация. Авторы статьи определяют миграционную ситуацию, сложившуюся в современном мире, как миграционный кризис, сущность которого состоит в углубляющемся противоречии между объективной природой глобальной миграции и ее региональной формой. Акцентируется внимание на том, что миграция происходит в соответствующем политическом пространстве, затрагивает интересы народов, государств, и она является, помимо социального, также и политическим явлением, управление которым происходит в масштабе интересов того или иного государства, ценностей государственной политики.

Ключевые слова: миграция, миграционный кризис, права человека, государственная политика.

ABOUT SOCIAL CONTENT AND POLITICAL FORM OF MODERN MIGRATION CRISIS

I. M. Vakula, A. A. Kontarev

Abstract. The authors of the article define a migration situation in the modern world as a migration crisis the content of which lies in deepening contradiction between objective nature of global migration and its regional form. The attention is paid to the fact that migration happens in the corresponding political arena, affects the interests of different peoples, states, and besides being a political event, management of which is in the scope of a state's interests, values of state politics, it is a social event as well.

Key words: migration, migration crisis, human rights, state politics.

Миграционные кризисы в той или иной форме имели место на протяжении всей истории человечества и в значительной степени определяли процессы, происходящие в социальной и культурной сферах, политике и праве, науке и технологиях, искусстве и прочем. Человеческая история изобилует примерами кризисных процессов в этой сфере, явившихся предпосылкой появления новых культур и цивилизаций. Так, например, миграция арийских племен с террито-

рии среднего Урала, возможно, породила индскую и шумерскую культуры, европейскую цивилизацию [3]. Библия повествует о великом исходе из Египта, в результате которого появились Израиль и Иудея. Иммиграция становилась и фактором, способствующим распаду некогда могущественных держав. Речь, например, идет о нашествии с востока готов и вандалов на Рим и его последующем разрушении в 455 году. Хотя на современной карте мира невозможно найти

государств, которые в своей истории не испытали миграционного влияния, лишь некоторые из них могут считаться именно мигрантскими, в том смысле, что своим образованием они обязаны стихийным или организованным миграционным потокам. Как известно, к таким государствам относятся США, Канада и Австралия.

Что же такое миграционный кризис? К сожалению, этому одному из ключевых понятий, без применения которого невозможно описать миграционную ситуацию, сложившуюся в современном мире, не дано строгого научного определения. По нашему мнению, в самом общем смысле под миграционным кризисом следует понимать совокупность затруднений, вызванных чрезмерным притоком или оттоком населения. В соответствии с характером затруднений, вызванных либо иммиграцией, либо эмиграцией, очевидно, можно выделить ряд аспектов миграционного кризиса, таких как экономический, политический, социальный, культурный и т.д. Так, например, социальный аспект иммиграционного кризиса означает изменение социальной структуры общества, что может отрицательно влиять как на социальный порядок общества, так и на сферу занятости, провоцируя безработицу и снижение уровня жизни, оказывая чрезмерное давление на инфраструктуру общества. Культурный же аспект может означать трансформацию ценностной структуры общества, являющейся существенным фактором его интеграции. Политический аспект предполагает трудности, связанные с управлением миграционными потоками, когда приоритеты и ценности государственной политики, ее цели и задачи вступают в противоречие с новой миграционной реальностью, противоречат ей, ставя под угрозу национальные интересы. Правовой же аспект можно охарактеризовать как противоречие между миграционным правовым порядком и вновь возникающими видами миграционных отношений, новыми категориями мигрантов, не предусмотренных законодательством и, соответственно, появляющимися пробелами в миграционном законодательстве. Чрезмерный отток населения из страны эмиграции вызывает проблемы аналогичного характера.

Современную миграционную ситуацию, складывающуюся сегодня в мире, все чаще характеризуют как кризисную. При этом, как известно, такая оценка связана с увеличением интенсивности миграционных потоков в страны Европейского Союза. По нашему мнению, миграционная ситуация, складывающаяся в ЕС, не может быть названа региональной, как по своим

последствиям, так и по качественным и количественным показателям, по географическому охвату стран эмиграции и иммиграции. Поэтому можно сказать, что данная ситуация в значительной степени определяет миграционную ситуацию в мире, которая также должна быть охарактеризована как кризисная.

Необходимо отметить, что миграция, как правило, имея стихийную форму, тем не менее, подчинена некоторой совокупности закономерностей, содержание которых определяется объективными факторами, ее порождающими. Как явление объективного порядка миграция есть не что иное, как перераспределение населения и на планете в целом, и в регионах, обуславливаемое, прежде всего, диспропорциями демографических тенденций и экономического развития. Так, если бы демографические и экономические показатели современных государств были идентичными, то, очевидно, интенсивность миграции была бы близка к нулю. Однако, такая идеальная ситуация вряд-ли возможна. Потоки современной миграции формируются в результате высоких демографических показателей стран южного полушария и низких – северного; низкого уровня экономического развития Юга и высокого – Севера. Именно поэтому с середины прошлого века вполне определенно сформировался северный вектор глобальной миграции, который в дальнейшем только усиливался.

Согласно ежегодному докладу Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН, опубликованному 13 января 2016 г. [1], на июль 2015 г. численность населения планеты составила 7,3 млрд. Прогноз прироста населения в 2016 г. составил 86 миллионов. При сохранении таких темпов прироста населения, ожидается, что к 2050 г. население планеты может составить 10 миллиардов. При этом важны те демографические диспропорции, которые являются предпосылками миграции. Примечательно, что наибольшими темпами прироста населения характеризуется Африка. Так, с 2010 по 2015 г. рост населения составил 2,55 % ежегодно. Прогнозируется, что к 2050 г. население Африки увеличится на 1,3 млрд. При этом население планеты возрастет примерно на 2,1 млрд.

В данном контексте показательны демографические показатели европейских стран, которые, в отличие от африканских, имеют отрицательные значения. По тем же прогнозам, к 2050 году население Европы сократится на 15 % при незначительном увеличении темпов рождаемости с 1,6 до 1,8. Европейские страны также лиди-

руют по показателям увеличения средней продолжительности жизни и старения населения. Таким образом, сокращение и старение населения Европы, с одной стороны, и рост населения Юга, с другой стороны, в совокупности с низким уровнем экономического развития Юга и высоким уровнем развития Севера создают устойчивую тенденцию миграции в страны ЕС.

Однако, как указывалось выше, данная миграционная тенденция сложилась достаточно давно. Чем же объясняется современный миграционный кризис? Известно, что в значительной степени интенсивность современной иммиграции в ЕС объясняется другим важным фактором миграции, а именно – политической нестабильностью в регионах северной Африки и Ближнего Востока.

В течение 2015 г. в Европу прибыло 1,8 млн. мигрантов, а в течение января-февраля 2016 г. – 410(!) тыс. мигрантов. Как известно, регионы эмиграции характеризуются крайней политической нестабильностью, разрушением экономики и, соответственно, резким снижением уровня жизни населения в таких странах, как Ливия, Египет, Ирак, Афганистан, Сирия, Тунис и др., вызванных войнами и политическими конфликтами в результате внешнеполитических «ошибок», прежде всего, США и их союзников. Большое негативное влияние оказывает деятельность «исламского государства» и других террористических организаций, прямо или косвенно поддерживаемых США, в целях оказания давления на законное правительство Сирии.

По оценкам ООН, в результате миграционного кризиса современная Европа стоит на грани гуманитарной катастрофы [7]. Ведь официальные данные далеко не всегда являются объективными показателями иммиграции. Как правило, число иммигрантов превышает официальную цифру в пять, а то и более раз, учитывая нелегальную миграцию, неизбежно сопутствующую регулируемой миграции [4].

Однако столь красноречивые данные, свидетельствующие об остроте миграционного кризиса, по нашему мнению, говорят лишь о его внешнем проявлении, но не о его сущности. Сущность же современного миграционного кризиса состоит в постоянно углубляющемся противоречии между объективной природой глобальной миграции и ее региональной формой. Речь идет о том, что существуют объективные факторы в виде глобальных демографических и экономических тенденций обуславливающие направление и формы миграционных потоков. Но поскольку миграция происходит в соответ-

ствующем политическом пространстве, затрагивая интересы народов, государств, она является, помимо социального, также и политическим явлением, управление которым происходит в региональном масштабе, то есть в масштабе интересов того или иного государства, ценностей государственной политики.

Современный миграционный порядок зиждется на норме, сформулированной во Всеобщей декларации прав человека ООН (1948) и закрепленной во всех международных правовых документах, касающихся прав мигрантов:

«Статья 13.

1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну.

Статья 14.

1. Каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем» [2, с.8.].

Данные нормы являются основополагающими и для миграционного порядка ЕС, будучи закрепленными в *Конвенции о статусе апатридов 1954 г., Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, 1985 г., Европейской конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов 1977 г.*, других документах. Между тем, несмотря на то, что данные документы основаны на тех европейских ценностях толерантности, которые и стали идеологической базой образования ЕС, европейское общество оказывает сопротивление миграции, говоря о своих национальных интересах, которым противоречит столь бурный наплыв мигрантов. Примечательно, что речь идет не столько об экономических интересах, поскольку мигранты никогда не претендовали на рабочие места коренных жителей, занимая низкооплачиваемые должности, сколько об угрозе культурной трансформации европейского общества, его исламизации. То есть, идеология толерантности не срабатывает, когда дело касается основ интеграции обществ европейских стран. Не случайно в последнее десятилетие в Европе получают широкое распространение явно националистические взгляды, оказывающие влияние на политический процесс.

По сведениям politics-news [5], мусульманское население Европы неуклонно растет. При этом в 2010 г. оно уже составляло в разных странах от 2,8 % (Великобритания и Северная Ирландия) до 9,6 % (Франция). Очевидно, оценка

современных миграционных тенденций как опасных в странах ЕС продиктована нежеланием иммигрантов интегрироваться в европейское общество активным продвижением своего образа жизни и культурных ценностей, основой которых является исламская религия.

Ценности государственной миграционной политики, которые формируются в результате и на основе определения потребностей страны в дополнительном населении в той или иной сфере, прежде всего, в экономике, сколь объективно они бы не отражали сложившуюся в стране ситуацию, тем не менее, являются лишь субъективной идеологической формой протекания миграционных процессов. А значит, если они не соответствуют объективным тенденциям миграции, они неизбежно претерпят трансформацию, примирившись с объективными тенденциями. Даже если данные ценности столь значимы, что в результате этой трансформации возникнут условия для реального распада Европейского Союза! Таким образом, сущность современного миграционного кризиса состоит в противоречии между содержанием и формой миграционного процесса, протекающего в указанных регионах мира. При этом форма неизбежно должна прийти в соответствие с содержанием.

Таков объективный подход к проблеме современного миграционного кризиса. Как тут не вспомнить мрачное предостережение Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы» о том, что проснувшиеся как-то утром французы с

удивлением узнали – Собор Парижской Богородицы теперь никакой ни собор, а мечеть [6].

Библиографический список

1. 10 важных фактов о демографической ситуации в мире. URL: <http://www.bakertilly.ua/ru/news/id921> (дата обращения 16.10.2016).
2. Всеобщая декларация прав человека ООН (1948) // Сборник нормативно-правовых документов, регулирующих отношения в сфере миграции. Ростов-на-Дону, 2001.
3. Ильин, Г. Ф. Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине первого тысячелетия до н.э. / Г. Ф. Ильин, И. М. Дьяконов // История Древнего мира. Ранняя древность. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 470 с.
4. Контарев, А. А. Незаконная миграция: российский опыт институционального противодействия / А. А. Контарев, Н. А. Кутепова. Ростов-на-Дону, 2008.
5. Мусульманское население будет расти. URL: <http://russiahousenews.info/politics-news/muslim-threat-world-news> (дата обращения 18.01.2017).
6. Чудинова Е. Мечеть парижской Богородицы / Е. Чудинова. М.: ЭКСМО, 2005. 570 с.
7. Эксперты ООН ужаснулись количеству прибывших в Европу беженцев. URL: <http://riafan.ru/506274-eksperty-oon-soschitali-skolko-bezhencev-pribylo-v-evropu-v-2016-godu> (дата обращения 12.03.2017).

УДК 328.132.7(479.24)

ББК 66.033.112(2Азе)

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Ш. Н. Ягизаров

Аннотация. В статье рассматривается генезис становления и развития института президентства и его влияние на общественно-политические процессы, происходящие в Азербайджанской Республике. Раскрываются основные этапы становления института президентства в Азербайджане, обосновывается значение личности для развития национального самосознания и укрепления государственности, особое внимание уделяется формированию общественного сознания и духовным ценностям народа.

Ключевые слова: генезис, институт президентства, становление, личность, политика.

GENESIS OF THE PRESIDENCY INSTITUTION IN AZERBAIJAN

Sh. N. Yagizarov

Abstract. The genesis of establishment and development of the presidency institution as well as its influence on social-political processes happening in the Republic of Azerbaijan are described in the article. The main stages of establishment of presidency institution in Azerbaijan are revealed. The value of a personality for the development of national identity and consolidation of the statehood is justified. Special attention is paid to the formation of public conscience as well as to cultural wealth of the nation.

Key words: genesis, presidency institution, establishment, personality, politics.

Демократические преобразования, произошедшие в Азербайджанской Республике, привели к отказу от несовместимой с ними системы Советов и необходимости поиска иной модели организации государственной власти. Каждая страна сама стала определять систему власти и роль Президента в её политической жизни. Значительный отпечаток на этот процесс накладывают особенности исторического развития страны, специфика её политической культуры, традиции государственности, свои традиции и обычаи, соотношение различных политических сил в период разработки и принятия конституции.

В силу этого слепое копирование политического опыта других стран и народов никому и никогда не приносило пользы. Но бесспорно и другое: «Всякая нация может и должна учиться у другой» [3, с. 173]. Вступление на путь независимости в 1991 г. открыло новую страницу в истории Азербайджана, одновременно выдвинув острую необходимость в срочном разрешении социально-политических задач, возникших перед страной.

Для того чтобы шире понять генезис становления института президентства в Азербайджанской Республике, необходимо провести небольшой исторический экскурс в создание института президентства в республике, который стал отправной и поворотной точкой отсчета для судеб

народов, проживающих на этой территории. Вопрос об учреждении президентской власти в Азербайджанской Республике стал обсуждаться на уровне государственных органов, общественных организаций и трудовых коллективов республики после того, как пост Президента был утвержден на уровне Союза ССР в марте 1990 г.

Однако почти во всех выступлениях учитывались важные факторы, которые делали обязательным решение этого вопроса. Один из главных – критическая ситуация, которую переживала республика и которая настоятельно требовала создания эффективного, соответствующего изменившейся общественно-политической ситуации института власти, каковым является институт Президента [1, с. 2]. Учреждение поста Президента Азербайджана связано с рядом субъективных моментов, характерных только для Азербайджанской Республики. Основной из них – необходимость консолидации политических сил, отстаивающих идею суверенитета Азербайджана в сложный период борьбы за независимость.

Но, к сожалению, в первые годы независимости Азербайджану не удалось реализовать даже минимальную часть всех неотложных задач государственного строительства: отражение внешней агрессии, стабилизацию внутривнутриполитического контекста, недопущение сползания общества к полному хаосу и гражданской войне,

создание хотя бы минимально жизнеспособной экономики. В силу целого ряда объективных и субъективных внутренних и внешних причин лидерам первой Азербайджанской Республики (А. Муталибову и А. Эльчибею) не удалось добиться долгосрочной жизнеспособности государственности. В итоге идеи независимости были подавлены вплоть до развала Советского Союза в начале 90-х гг. прошлого столетия, когда азербайджанский народ получил еще один исторический шанс на построение независимой национальной государственности.

Дилетантские методы управления и полная недееспособность руководства страны, в особенности в таких сферах, как внешняя политика, обороноспособность и экономические реформы, до предела накалили внутривнутриполитическое противостояние в азербайджанском обществе и создали почву для усиления сепаратистских тенденций. В таких условиях не могло быть и речи о консолидации нации во имя достижения каких-либо долгосрочных целей, да и руководство страны было не в состоянии внятно сформулировать данные цели. В результате провальной политики были полностью деградированы государственные и общественные институты.

К 1993 году стала отчетливо вырисовываться опасность повторения неусвоенных негативных уроков периода первой Азербайджанской Демократической Республики начала XX века. Опыт истории многих народов богат яркими примерами того, как в критический временной отрезок национальной истории именно благодаря личности меняется обстановка в стране, консолидируются общество и лучшие его представители для достижения жизненно важных целей.

Ход негативных общественно-политических процессов, происходящих в республике, настойчиво диктовал, что только личность поистине исторического масштаба, способная выступить как в роли олицетворения определенного набора ключевых ценностей азербайджанской нации, так и в роли сильного и волевого источника нестандартных политических решений, может спасти Азербайджан от угрозы полного развала или расчленения. Только крупному государственному деятелю под силу спасти нацию, воплотить ее идею в жизнь. В новейшей истории азербайджанского народа такой личностью стал общенациональный лидер Гейдар Алиев – человек, поистине ставший спасителем нации и государственности, личность, своим видением, опытом и делами поднявшаяся над всей системой ценностей и политических ориентиров, существовавших доселе.

В октябре 1993 года в Азербайджане состоялись очередные президентские выборы, на которых Гейдар Алиев был избран Президентом Азербайджана. Уже одно это событие достаточно характерно продемонстрировало, какие огромные изменения произошли в республике за последние пять лет. Независимость Азербайджана обрела свои зримые черты, суверенитет страны, несмотря на оккупацию Арменией значительной территории, был признан практически всем международным сообществом. Международный юридический статус страны перестал подвергаться сомнению, на наших глазах динамично осуществлялось становление и укрепление государственности республики, где на определенном этапе действовали лишь силовые методы захвата и удержания политической власти.

Гейдар Алиев, будучи личностью исторического масштаба, трезво оценив создавшуюся в стране обстановку, смог сплотить и мобилизовать все азербайджанское общество на реализацию таких срочных и жизненно важных для самого существования Азербайджанского государства задач, как преодоление вакуума власти, ликвидация угрозы сепаратизма и вооруженных бандитских формирований, создание боеспособной армии. По нашему мнению, учреждение института президентства и принятие новой демократической Конституции Азербайджана 1995 г. стали реальными шагами в сторону основания фундамента правового государства и гражданского общества.

Руководители зарубежных государств, известные мировые аналитики однозначно признают, что Гейдар Алиев останется в политической истории второй половины XX – начала XXI вв. как выдающийся политический и государственный деятель. Его огромный политический опыт, редкая харизма, ораторские способности и высокий авторитет сильно выделяли его среди современных политических деятелей. Именно он заложил прочные основы государственности Азербайджана, придав тем самым вектору развития национальной независимости необратимый характер.

Гейдар Алиев сумел в сложный геополитический период вывести страну из состояния гражданского противостояния и беспредела, глубокого экономического и социально-политического кризиса, поднять ее на уровень стабильного развития. Ему принадлежит заслуга вывода страны из внешнеполитической изоляции. Он доказал всему миру, что Азербайджан может стать современным процветающим государством. Гейдар Алиев стал единственным га-

рантом реализации всего процесса государственного строительства. На вооружение была взята концепция эффективной государственности, преемственности и предсказуемости, которая успешно осуществлялась в 70–80-е годы прошлого столетия.

Гражданский и политический подвиг Гейдара Алиева, который ввел его в плеяду исторических личностей, состоял в его решительности, несмотря на различные угрозы и преследования, вернуться в политику и взять в свои руки судьбу Азербайджана. Десятилетие, с 1993 по 2003 г., несло в себе самые различные угрозы и опасности, слишком большим было давление на молодую республику. Политический авторитет Гейдара Алиева и принимаемые им своевременные решения нивелировали угрозы сползания Азербайджана к состоянию обезличенного государства. Азербайджан за десять лет прошел путь утверждения государственности, демократического транзита и консолидации, параллельно с масштабными экономическими реформами, гуманизацией политической системы страны и социальных отношений.

Столь обширные трансформации носили системный характер и претворялись в жизнь, несмотря на многочисленные препятствия субъективного характера. По прошествии около двух десятков лет с того исторического времени, когда государственность и национальное сознание, экономика и социальное устройство, политическая система и идентичность пережили стагнацию и регресс, можно смело констатировать, что основными долгосрочными составляющими десятилетнего президентства Гейдара Алиева в 1993–2003 гг. были:

- стабилизация общественно-политической жизни в стране, создание и совершенствование демократических традиций и институтов;
- укрепление государственного аппарата и формирование работоспособных институтов государственного управления;
- создание в обществе новых поведенческих норм и стереотипов, формирование новой гражданственности – открытой и демократической;
- формирование ключевых приоритетов экономического развития в условиях режима прекращения огня на карабахском фронте, начиная с 1994 г.;
- создание нефтяной стратегии независимого государства, основу которой заложило подписание «Контракта века», начало трансформации в основного регионального энергетического фактора;

- изменение роли Азербайджана как регионального центра посредством активного участия в проекте «Великий Шелковый путь»;
- формирование жизнеспособной модели сбалансированной внешней политики;
- создание современной и боеспособной армии.

Гейдар Алиев, как на теоретическом уровне, так и на практике воплотил в жизнь совокупность норм и ценностей, которая вылилась в жизнеспособную модель консолидированной демократии. В период президентства Гейдара Алиева был заложен прочный фундамент для современного развития страны, обеспечено восприятие Азербайджана как состоявшегося государства, созданы условия для предстоящего прорыва Азербайджана в современный мир.

В 2003 г. Азербайджан вступил в новый этап своей истории. Страна добилась заметных успехов по всему спектру вышеописанных направлений. Азербайджанское государство продемонстрировало долгосрочную жизнеспособность, а общество – готовность к участию в следующем этапе исторического процесса. Независимость современной Азербайджанской Республики превратилась в аксиому, как для простых граждан страны, так и для важнейших центров силы глобального масштаба. Именно харизма, предвидение, волевые качества, опыт, иными словами – личность Гейдара Алиева сыграли важнейшую роль в становлении и укреплении в указанный период системных для нас ценностей: «нация», «государственность», «система управления», «власть», «развитая экономика», «духовное возрождение», «лидерство», «трансформация», «многовекторность» [2].

Личность Президента Ильхама Алиева стала символом очередного этапа развития страны, начавшегося в 2003 году. Логика исторического процесса построения государственности требовала перехода на качественно иной уровень понимания вызовов современности. Вместе с тем системные ценности должны были оставаться неизменными. Ильхам Алиев оказался тем выбором азербайджанской нации, который соответствовал обоим требованиям. Став последователем своего отца, нынешний президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев четко и последовательно воплощает в жизнь основные приоритеты дальнейшего укрепления и модернизации азербайджанской государственности, заложенные Гейдаром Алиевым.

Библиографический список

1. Алескеров, М. и др. Президент Азербайджанской ССР: Беседа за «круглым столом» / М. Алескеров, М. Меликова, Ш. Алиев и др. // Коммунист. 1990. 17 мая.

2. Мехтиев, Р. На пути к демократии: размышляя о наследии / Р. Мехтиев. Баку: Şərq-Qərb, 2007. 751 с.

3. Сахаров, Н. А. Институт президентства в современном мире / Н. А. Сахаров. М.: Юридическая литература, 1994. 176 с.

УДК 304.2
ББК 87.6

ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ КАК МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

И. В. Глушко

Аннотация. В статье дается оценка перспектив развития доверия как ментальной установки, то есть ментального основания социальной деятельности, существующего в виде неосознанной предрасположенности к социальному объекту и осознанной готовности осуществлять эту деятельность в конкретных условиях и ситуациях социальных практик. Показано, что поскольку недоверие обладает дезинтеграционным потенциалом, необходимость его преодоления предполагает формирование доверия как общей ментальной установки, выступающей основой консолидации власти и общества в современной России.

Ключевые слова: доверие, недоверие, ментальная установка, власть, общество, отчуждение, социальное взаимодействие.

TRUST AND DISTRUST AS MENTAL UNITS IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF POWER AND SOCIETY IN RUSSIA

I. V. Glushko

Abstract. The article gives an assessment of the prospects for the development of trust as a mental attitude, that is, the mental foundation of social activity that exists as an unconscious predisposition to a social object and a conscious readiness to carry out this activity in specific conditions and situations of social practices. It is shown that because distrust has a disintegration potential, the need to overcome it assumes the formation of trust as a common mental attitude, which is the basis for consolidating power and society in modern Russia.

Key words: trust, distrust, mental attitude, power, society, alienation, social interaction.

Современный этап развития российского общества характеризуется, с одной стороны, наличием оставшихся проблем от советского и постсоветского прошлого, с другой – появлением новых трудностей и противоречий трансформирующегося общества, которые стали фактором повседневной жизни. Неблагоприятные тенденции в экономике и мировой политике выдвигают на первый план обеспокоенность граждан сохранением уже достигнутого уровня жизни. Содержание и тенденции неблагоприятных социально-экономических и политических факторов становятся причиной нового витка социального пессимизма, основанием которого являются настоящие разочарования, тревоги о будущем, беспокойство и неуверенность в завтрашнем дне. В основе таких негативных ожиданий лежит осознание людьми, с одной стороны, неблагоприятных внешних социально-экономических и политических факторов, в частности – зависимости страны от экспорта сырья и колебания мировых

цен на него, низкой конкурентоспособности несырьевых отраслей, особенно высокотехнологичных производств. А с другой стороны – понимание наличия неблагоприятных внутренних факторов, среди которых – углубляющееся социальное неравенство во всех его разнообразных формах, огромные масштабы коррупции, а также непоследовательность, незавершенность реформ и отсутствие каких-либо ощутимых их результатов во всех сферах жизни общества.

В таких условиях актуализируется потребность укрепления доверия как ментальной установки, то есть ментального основания социальной деятельности, существующего в виде неосознанной предрасположенности к социальному объекту и осознанной готовности осуществлять эту деятельность в конкретных условиях и ситуациях социальных практик.

Доверие и недоверие как ментальные установки работают на макросоциальном уровне. Характеризуя факторы целостности общества, Е.

М. Бобкова акцентирует внимание на когнитивном компоненте доверия, определяя доверие (или недоверие) как интегральную характеристику взаимодействия субъектов на основе собственных знаний о разнообразной и постоянно усложняющейся социальной реальности, служащую важнейшим ориентиром во взаимоотношениях между людьми и институтами [1, с. 71]. Индивид вынужден оценивать свои возможности для удовлетворения потребностей и интересов путем выработки оптимистической или пессимистической установки на доверие или недоверие к другим людям или социальным институтам. Характер социально-психологической установки определяет, соответственно, и степень добровольного участия человека в социальном взаимодействии – как по вертикали (власть – подчинение), так и по горизонтали сотрудничества в гражданском обществе. В силу этого потенциал доверия и недоверия как ментальной установки состоит в том, что она выступает в качестве неинституционального фактора поддержания и развития социального взаимодействия.

Поскольку консолидация общества невозможна без такого основания, как доверие между людьми, то объединение прежде всего происходит на уровне обыденной жизни и постоянных коммуникативных связей. В социально-психологическом контексте ослабление социальной интеграции может провоцировать критическое значение недоверия как ментальной установки. В российских условиях эта установка не выливается в массовые акции, а остается на уровне личного самоощущения, влияющего на индивидуальное поведение. Доверие и недоверие как ментальная установка во многом определяется тем социально-экономическим положением, которое занимает человек в обществе. Индивиды, занимающие нижние статусные позиции, чувствуют себя маргиналами. Чем хуже положение индивида, тем более негативно он оценивает деятельность власти и тем меньше доверяет ей.

С другой стороны, власти в России не доверяют даже те, кто занимает самые высокие позиции в социальной иерархии. Представители властной элиты переводят за границу своих детей учиться, покупают там недвижимость и т.д. Образованные и активные, не находя достойного применения своим способностям и знаниям, также стремятся покинуть Россию.

Происходит снижение доверия и доминирует базисное недоверие, которое проявляется в разных формах отчуждения. Понятие «отчуждение» означает отношение человека к создан-

ной им реальности, то есть превращение в самостоятельную, отдельную от человека субстанцию, в результате чего люди становятся чуждыми миру, в котором живут. В социальной философии и в социологии отчуждение понимается в широком смысле как общественное отношение, социокультурная связь между субъектами, как инобытие свободы, ее противоположность [7, с. 181–182].

По оценкам специалистов, отчуждение в российском обществе представляет собой комплексный социальный феномен, включающий различные формы отчуждения. Они сохранились с советских времен, где отчуждение носило тотальный характер (отчуждение от власти, собственности, результатов труда, правдивой информации об истории и современных событиях, личной безопасности, личной активности, рационального смысла жизни). В постсоветской реальности эти формы не были устранены, как ожидалось в результате реформ, а наоборот, «...были усилены новыми, западными видами отчуждения, которые явились результатом внедрения рыночных отношений и формирования общества потребления в России (отчуждение от духовности), медиатизации социального тела и формирования гиперреальности (отчуждение от реальности и социальности)» [4].

Вызовы, с которыми столкнулась Россия в XXI веке, предъявляют российскому обществу новые требования, стоящие не только перед властью и элитой, но и перед обществом в целом. Очевидно, что для эффективного решения задач развития любого общества (и современное российское не является исключением) требуется взаимное доверие между ключевыми социальными субъектами, каковыми являются, в частности, население и властные институты.

Современный этап развития российского общества характеризуется, с одной стороны, наличием оставшихся от советского и постсоветского прошлого проблем, которые предопределили трудности «приживания» гражданского общества на российской почве [6, с. 81–82]. С другой стороны, появились новые трудности и противоречия трансформирующегося общества, которые становятся составляющими повседневных социальных практик, где усиливается недоверие. Современное российское общество по мере трансформационных изменений является все более сегментированным, распадается на отдельные пространственно-временные анклавы, где происходят разнонаправленные социальные процессы, несовпадающие и по темпоральным характеристикам. Действие неблагоприятных

тенденций накладывается на негативный личный опыт и выступает в качестве фактора, подрывающего социальный оптимизм как основание доверия. Все это придает специфику доверию и недоверию как ментальным установкам, в содержании которых недоверие обладает дезинтеграционным потенциалом.

Однако в российском обществе намечается тренд на формирование независимой и активистской социальной доминанты, представленный несколькими ее ресурсами, создающими перспективу развития доверия как «основания консолидации российского общества» [5].

Возможные перспективы усиления доверия задаются такими основаниями, как сохранение мировоззренческого единства, общегражданская интеграция на основе патриотизма, социальная солидарность и общие моральные ориентиры; консолидация общества вокруг власти и других институтов в условиях внешнеполитического кризиса.

Росту доверия в современном российском обществе будет способствовать также актуализация социального запроса на справедливое и разумно устроенное общество; формирование «креативного класса» и социальной группы «самодостаточные россияне», способной стать социальной опорой для стабильного и устойчивого развития.

«Креативный класс» представляет собой новый социальный слой, «класс личностей», включающий представителей самых разных социально-профессиональных групп, сплоченных на основе массовых созидательных практик. Креативный класс выделяется по принципу хорошей работы (работы, сочетающей достаток и самореализацию), проявляет себя на уровне регулярных социальных акций, участия в различных локальных и региональных проектах. Такая демонстрация является тем самым ресурс доверия государству и выражает готовность разделить с ним ответственность за судьбы страны, но при этом нуждается в поддержке разных слоев общества, в доверии к социальным инициативам [2]. Этот новый класс может, таким образом, способствовать социальной поддержке трансформационных и модернизационных перемен, основанных на развитии доверия как установки общественного сознания и социальных практик.

Другой, более независимый от государства социальный ресурс, имеющий перспективу стать социальной доминантой российского общества, опорой для его стабильного и устойчивого раз-

вития, – это «самодостаточные россияне» – существенная по объемам и растущая социальная группа, «... критерием которой выступает способность людей (по самооценке) успешно существовать и обеспечивать себя, рассчитывая только на свои силы и не уповая на государство» [3, с. 4]. По результатам всероссийских исследований ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (октябрь 2014 – март 2015 гг.) выявлено, что «самодостаточность», тесно связанная с активностью, предприимчивостью, достижением материального и социального успеха, выступает ключевой характеристикой жизненных установок более 40 % россиян. Характерно, что многие представители этой группы (43 %) воспринимают свою жизнь через призму гражданственности и полезности для общества, а не только для себя и своей семьи. В этой связи специалисты делают вывод, что «самодостаточные» могут выступать группой, которая будет наиболее активно участвовать в деятельности формирующихся в последнее время многочисленных внеинституциональных форм общественной самоорганизации, которые создаются и действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам [3, с. 11].

С другой стороны, можно предположить, что в экономических условиях западных санкций, спада экономики, раскручивания инфляции, повышения уровня безработицы и других негативных социально-экономических факторов будет расти недоверие, поскольку доминирование в числе ценностей простейших, базовых для стабильного выживания потребностей характеризует рост пессимизма социальных настроений и установок россиян.

Библиографический список

1. Бобкова, Е. М. Доверие как фактор целостности общества / Е. М. Бобкова // Социологические исследования. 2014. № 10.
2. Волков, Ю. Г. Креативный класс: логика социального становления / Ю. Г. Волков // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3.
3. Горшков, М. К. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты / М. К. Горшков, Н. Н. Седова // Социологические исследования. 2015. № 12.
4. Комбаров, В. Ю. Отчуждение как социальный феномен современности: концептуальные подходы и эмпирические референты: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ин-т экономики и

организации пром. пр-ва СО РАН. Новосибирск, 2011. 186 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/otchuzhdenie-kak-sotsialnyi-fenomen-sovremennosti-kontseptualnye-podkhody-i-empiricheskie-re#ixzz3oC3B7k3A>. (дата обращения: 07.10.2015).

5. Кривоусков, В. В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Кривоусков В. В. / Южн. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2013. 311 с.

6. Лаврухина, И. М. Проблема устойчивости общественных организмов в свете типологии культур / И. М. Лаврухина // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. 2016. № 1.

7. Лапин, Н. И. Отчуждение / Н. И. Лапин // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 181–182.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

УДК 130.1
ББК 87.2

ГОСУДАРСТВО КАК ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА

И. М. Лаврухина

Аннотация. В статье представлено актуализированное в рамках светского мировоззрения понимание смысла понятий «трансцендентное» и «трансцендентальное». Диалектика трансцендентного и трансцендентального рассмотрена на социально-политическом и правовом материале. Принцип трансцендентности рассмотрен как способ иерархизации уровней политико-правовой реальности. В этом контексте государство представлено как трансцендентное основание имманентного социально-политического мира.

Ключевые слова: трансцендентное, трансцендентальное, имманентное, государство, власть, гражданское общество.

STATE AS TRANSCENDENT FOUNDATION OF THE SOCIO-POLITICAL WORLD

I. M. Lavrukhina

Abstract. The understanding of sense of the concepts “transcendent” and “transcendental” staticized within secular outlook is presented in article. The dialectics transcendent and transcendental is considered on socio-political and legal material. The principle of transcendence is considered as a way of hierarchization of levels of political and legal reality. In this context the state is presented as transcendent foundation of the immanent socio-political world.

Key words: transcendent, transcendental, immanent, state, power, civil society.

Политические исследования, анализирующие характеристики и содержание различных социальных институтов, могут быть осуществлены только в рамках системного подхода с учетом выявления между ними иерархических связей и взаимодействий. Иерархия как принцип структурной организации сложных многоуровневых систем предполагает упорядочение взаимосвязей соподчиненных уровней. В контексте соотношения государства и различных социальных институтов принцип иерархичности проявляется наиболее ярко и прямолинейно. Благодаря четкому определению и закреплению места и роли каждого института в политической системе в стране создается прочный и стабильный общественный порядок.

В этой связи возникает вопрос обоснования самой иерархичности, т.е. выявление принципов, по которым осуществляется иерархизация

уровней. В качестве основного методологического принципа субординации уровней может и должен рассматриваться принцип трансцендентности и соответственно диалектика предельно общих философских понятий трансцендентного и трансцендентального, на основе которых возможно выделение уровней трансцендентности (или уровней метафизической реальности) [3, с. 18–29]. Принцип трансцендентности предполагает, что любой уровень бытия (в том числе политического) не может рассматриваться как последний и самодостаточный, и возможен выход на уровень более высоких оснований бытия. Основные принципы более высокого уровня являются предпосылками реализации последующего нижележащего уровня, но сами по себе в нем не реализуются.

Классификация уровней трансцендентности может быть произведена с учетом предпо-

жения о том, что любой уровень бытия формируется вокруг системообразующего центра, который обеспечивает целостность и стабильность уровня. Кроме того, иерархическая организация бытия обеспечивается эволюционным потенциалом каждого метафизического уровня. Предыдущий (вышележащий) принцип выступает основой всего существующего в сфере бытия последующего (низлежащего) уровня, но сам в таком бытии не выражается.

Целью данной статьи, во-первых, является демонстрация того, что принципом освоения мира вообще и общественно-политической действительности в частности может выступать не только принцип детерминизма, который каждый последующий уровень в становлении бытия предполагает следствием из предыдущего как причины, но и принцип трансцендентности, который предполагает иной способ иерархизации бытия в освоении мира, в том числе социального.

Встает вопрос о целесообразности исследования проблем в таком ракурсе. Соответственно, мы преследуем и вторую цель: наработать дополнительные и во многом неожиданные интеллектуальные ресурсы в исследовании общественных структур.

Такой подход уже нашел свою реализацию в работах некоторых исследователей. Так, отметим книгу Э. Канторовича «Два тела короля», которая оказала влияние на формирование концепции власти в политической антропологии. В его теории «двух тел» предполагается, что «...король имеет в себе два тела, а именно тело природное и тело политическое. Его природное тело (рассматриваемое само по себе) есть смертное тело, подверженное всем превратностям природы и случая, вплоть до младенческого или старческого слабоумия... Но его политическое тело является телом, каковое не может быть видимо или ощущаемо в прикосновении, поскольку оно состоит из политики и правления и создано для руководства народом и поддержания общего блага; и это-то тело совершенно свободно от младенчества или старости и прочих природных недостатков и немощей, которым подвержено природное тело, и по этой причине то, что король совершает в своем политическом теле, не может быть лишено силы или оспорено на основании какого бы то ни было несовершенства его природного тела» [4, с. 74–75]. Таким образом, в Средние века король рассматривался и как индивид, и как сверхъестественное существо, проводник сакральной власти. Канторович отмечает, что такие представления о политическом устройстве государства были результатом перенесения

в политическую сферу представлений о «земной» и «небесной» Церкви. Такая аналогия, очевидная для средневековья, подтверждала мистическую, сакральную природу королевской власти. Король – это живой образ Бога, власть короля и есть власть Бога.

Представления о «двух телах короля» видоизменяются в Новое время. Казни королей в период буржуазных революций имеют серьезное символическое значение, поскольку происходит десакрализация власти. «Земное» тело публично обезглавлено, и место власти, топос проникновения сакральной силы в здешний мир, оказывается принципиально пустым. Вот здесь и возникает главная политическая проблема Нового времени, а именно, основания и характер легитимности власти. Основанием легитимации теперь выступают либо демократическое разделение властей, когда топосом божественного становится «тело народа» с «божьем голосом», либо характерная для тоталитаризма насильственная оккупация места власти [2, с. 32].

Но вернемся к трансцендентности как принципу иерархизации. Версиями проявления более трансцендентных уровней в бытие последующих можно рассматривать креационизм и эманизм, каждый из которых различно понимает соотношение уровней бытия.

Концепция творения однозначно делит бытие на два несоизмеримых мира: творящий и сотворенный. Креационизм делает уровни трансцендентности непреодолимыми и несоизмеримыми, признавая их онтологически трансцендентными. Концепция эманизма сущностно сближает проявленное с основой проявления и не отделяет непреодолимой границей более высокий трансцендентный уровень от низшего, проявленного. Анализ переносится в ракурс рассмотрения соотношения потенциального и актуального.

Нам представляется, что для наших целей более плодотворным выступает концепция эманизма. Предлагаем следующую схему иерархизации общественного бытия в виде многоплановой организации его различных уровней. Сами ступени организации отличаются друг от друга степенью самоопределения.

Высший уровень выступает целевой причиной, которая задает общую тенденцию развития последующего уровня. Схоже Вл. Соловьев рассматривает эволюцию Космоса, представляя ее как процесс «всемирного совершенствования», в котором высшее предшествует низшему и организует его, несмотря на то, что эволюци-

онно низшие уровни исторически предшествуют высшим [7, с. 272–274].

Выделение таких иерархических уровней позволяет учесть диалектику трансцендентного и трансцендентального. Содержание более высокого уровня по отношению к низшим является трансцендентным, запредельным. Однако если высший уровень включается в рамки еще более общей системы, то трансцендентное с точки зрения низшего уровня содержание превращается в трансцендентальные основания нового уровня бытия. Таким образом, каждый из уровней реальности может трансцендентно преодолеть свою самодостаточность и выйти на более высокий метафизический уровень.

Но для целей нашего исследования важно зафиксировать сам принцип возможного перехода от уровня к уровню. Выстроенная вертикаль трансцендентности позволяет содержательно интерпретировать взаимопереходы трансцендентного и трансцендентального. На начальном этапе познания выявляется первооснова разворачивающейся, становящейся реальности, то есть основной внутренней принцип данного уровня бытия или трансцендентальные основания уровня. Конечным этапом выступает осознание этой первоосновы как одной из реализовавшихся внутренних возможностей более высокой сферы. Последняя полагается как трансцендентная предыдущему уровню.

Представленные абстрактные размышления о соотношении иерархичных уровней конкретизируем на философско-политическом и правовом материале. Предлагаем начать с анализа природы и содержания законодательной системы, которая является атрибутом государственности. Этот вопрос мы уже поднимали ранее [5, с. 102–106].

Система законодательства выстраивается по горизонтали и по вертикали. По горизонтали законодательство делится на комплекс отраслей права, которые регулируют определенные области общественных отношений. Вертикаль же в значительной мере определяется условиями-основаниями, которые для самой правовой системы являются объективными, внеправовыми, внесистемными, а именно политико-правовыми, геополитическими, социально-экономическими, морально-этическими факторами. Можно сказать, что особенности взаимосвязей элементов правовой системы, задающие ее целостность, определяются более высоким трансцендентным уровнем (в нашей терминологии).

Кроме того, по вертикали система законодательства иерархизирована на основе правовой

силы самих норм (конституция, законы, другие законодательные акты, подзаконные акты). Система же равносильных норм рассматривается как целостность, поскольку представляет собой один из компонентов более широкой системы. У такой системы должна быть и вершина, которую занимает Конституция – Основной закон.

Правоведы всего двадцатого столетия обсуждают идею «закона о законах», который регулирует сам порядок законодательства. Очевидно наличие разных уровней юридических норм и предпосылок самого «закона о законах». Что это, если не попытка реализовать принцип трансцендентности как способ иерархизации? Интерпретируем в нашей терминологии (внешнее (трансцендентное) – внутреннее (трансцендентальное); потенциальное (трансцендентное) – актуальное (трансцендентальное)), которые связаны с нетождественностью системы права и системы законодательства.

Система права, в отличие от системы законодательства, является самоорганизующейся системой. Развитие системы права осуществляется, прежде всего, в горизонтальной плоскости уровня. Каждый этап общественного развития предполагает массив правовых норм, который «выкристаллизовывается» благодаря действию нескольких крупных и актуальных на данный момент системообразующих факторов, как то: системы нормотворческих органов, системы субъектов права, основных социально-экономических задач и пр. В результате разворачивается «трансцендентальное богатство» соответствующего правового уровня, содержанием которого является возникновение и оформление (движение от примитивных форм выражения к более совершенным) правовых норм, их миграция и отмирание.

Но структурная упорядоченность системы правовых норм на соответствующем уровне может быть представлена и как разворачивание основных принципов (скрытой первоосновы) более высокого уровня правовой реальности, в нашей терминологии, как «эманация вышележащего трансцендентного принципа». Завершает правообразовательный процесс закрепление норм права в нормативных актах. Правда, идеальная ситуация, когда системе права будет соответствовать система законодательства, в принципе невозможна.

Закрепление правовых норм в законодательных актах требует установления соподчинения последних, и это уже движение по вертикальной правовой оси. Оно тоже может быть описано в терминах «внутреннее – внешнее». Конституция является внутренней сущностью конституционных и федеральных законов, кото-

рые выступают внешней проявленностью основного закона.

Выстраивание такой правовой вертикали обеспечивает возможность преодоления коллизий и юридических конфликтов, почти неизбежных в иерархически выстроенной правовой системе. Способом разрешения конфликта в этом случае является проверка на конституционность нормативных актов различной юридической силы. Тем самым мы неявно признаем существование той самой метафизической правовой вертикали: конституция выступает как предельный правовой уровень, к которому приравниваются более низкие уровни, тем самым получая возможность преодолеть свою единственность, самодостаточность и противоречивость.

Особо отметим, что тут же возникают проблемы юридической герменевтики, требующие одинакового понимания самих норм конституции и их адекватной реализации в процессе правотворчества и право применения. Герменевтика должна устранить многозначность в истолковании конституционных норм. В противном случае общество столкнется с «правовой партизанщиной».

В рамках предложенного принципа соотношения трансцендентного и трансцендентального (внешнего и внутреннего, потенциального и актуального) можно проанализировать и соотношение гражданского общества и государства, специфику формирования гражданского общества.

Гражданское общество может рассматриваться как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система и как элемент общественной системы в целом. Как элемент оно определяется местом в системе, соответствующей функцией и временем ее возникновения. Задачей гражданского общества является поддержание многочисленных внегосударственных форм жизнедеятельности, создание таких структур и механизмов, которые сдерживают вмешательство государства в жизнь граждан. В таком соотношении государство выступает внешним в отношении гражданского общества фактором.

Гражданское общество может возникнуть и развиваться при благоприятных условиях, созданных самим обществом. Но при определенных условиях (ухудшение, усложнение условий существования социальной системы) государство как управляющий центр может целенаправленно формировать гражданское общество через принятие необходимых законов и процедур, их строгое соблюдение, через формирование соответствующих демократических государственных структур. В этом смысле говорить о саморазви-

тии гражданского общества не приходится. Оно выступает подуровнем более высокого уровня, а в гражданском обществе реализуются замыслы и цели государства.

Управление поведением гражданского общества со стороны государства также блокирует энтропийные тенденции, нарастающую хаотичность процессов в любой системе, т.е. и в гражданском обществе тоже.

Таким образом, процессы самореализации и самоуправления неизбежно должны «подправляться» политическим центром. «Напрашивается введение стратегии развития механизмов управления, обеспечивающей „спадающую директивность“...» [6].

Устойчивость общества во многом определяется соотношением гражданского общества и вершиной власти. Наиболее оптимальное соотношение выстроено по принципу пирамиды. Гражданское общество как основание пирамиды обеспечивает делегирование полномочий регионов наверх, к вершине власти. Риск совершить ошибку в этом случае снижается в силу малой вероятности совершить одинаковую ошибку всеми регионами одновременно. Но вместе с этим такое делегирование делает государство «запредельным» для полномочий гражданского общества.

Если же директивы спускаются от вершины власти вниз, к народу, то может сложиться ситуация, когда интересы государства начинают довлеть над интересами гражданского общества. Тогда власть внедряет чуждые основанию (т.е. народу) интересы. Вот здесь и приходится вспомнить об идеальном соотношении трансцендентного (потенциального) и трансцендентального (актуального). А именно – о необходимости государственной власти развертывать на уровне гражданского общества его (гражданского общества) имманентные, сущностные характеристики, а не реализовывать свои, государственные интересы.

И, наконец, обратим внимание на то, какие характеристики государства отмечают исследователи феномена власти, в частной русской власти. Так, А. Фурсов говорит о таких особенностях русского государства, как «автосубъектность, неограниченный, надзаконный характер, гипертоталитаризм и свобода от населения (общества)» [8].

Даже вопрос о чувствах и поступках людей может обсуждаться в плоскости искомого соотношения «трансцендентное-имманентное», а государство тогда выступает носителем абсолютной ценности. Как отмечает Г. Ш. Аитова,

вопрос об основных ценностях и императивах российского самосознания, например, идеи справедливости, «активно перетекает в феномен «носителя правды», в лице которого для российского человека выступает государство. Отсюда не человек, не общество, а государство превращается в главного организатора социального порядка в строгом соответствии с коммунальными традициями, где «государь», «правитель» выступает в качестве «носителя правды», доброго и справедливого» [1, с. 19].

В качестве заключения. Использование традиционных понятий для анализа традиционных вопросов ни у кого не вызывает сомнения, однако и интереса тоже. Мы предложили, как представляется, актуальное расширение смысла понятий «трансцендентное» и «трансцендентальное», а также возможно неожиданное, но вполне обоснованное их использование при анализе проблем государственной власти.

Библиографический список

1. Аитова, Г. Ш. Исторический взгляд на проблему справедливости: российская специфика / Г. Ш. Аитова // Вопросы философии. 2016. № 5.
 2. Быстров, В. Ю. Власть и насилие как проблема философской антропологии /

В. Ю. Быстров, Б. В. Марков, Н. В. Кузнецов // Вопросы философии. 2015. № 10.

3. Дугин, А. Абсолютная Родина. Пути Абсолюта / А. Дугин. М.: Арктогея-центр, 1999. 752 с.

4. Канторович, Э. Х. Два тела короля. Исследования по средневековой политической теологии / Э. Х. Канторович; пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серединой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара., 2014. 520 с.

5. Лаврухина, И. М. Диалектика трансцендентного и трансцендентального в контексте иерархии правовых форм / И. М. Лаврухина // Философия права. 2007. № 1.

6. Райков, А. Устойчивость государственного управления и открытость информационной сферы / А. Райков // Открытые системы. 1996. № 6. URL: <http://www.osp.ru/os/1996/06/179008/> (дата обращения 10.01.2016).

7. Соловьев, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 892 с.

8. Фурсов, А. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) / А. Фурсов. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480> (дата обращения 04.04.2017).

УДК 32.019.51

ББК 66.6,5

ЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

И. Ф. Водяникова

Аннотация. Статья посвящена важнейшей составляющей политического дискурса – политической коммуникации, в частности, языковому знаку, слову (имени). Тот факт, что основными характеристиками слова являются его значение и смысл, дает возможность для различных манипуляций сознанием реципиентов. Слову можно придавать неопределенный смысл; слово имеет смысл, но может не иметь значения. Поскольку слово имеет много смыслов (свойств, признаков обозначаемого предмета), в сообщении может использоваться родовый признак, а не видовой, и наоборот. В сообщении могут употребляться слова без указания смыслов, что широко используется для искажения образов социальных явлений.

Ключевые слова: политический дискурс, парадигма, язык, знак, значение, смысл.

LANGUAGE OF POLITICAL DISCOURSE

I. F. Vodyanikova

Abstract. The article is devoted to the most important component of the political discourse - the linguistic sign, the word (name). The fact that the main characteristic of the word is its meaning, makes it possible for various manipulations by the consciousness of the recipients. A word can be given an indefinite meaning, a word can make sense, but it doesn't have signification. Since a word has many meanings (properties), the message can use a generic attribute, not a species one, and vice versa. The message can use words without indicating meanings, which is widely used to distort images of social phenomena.

Key words: political discourse, paradigm, language, sign, meaning, meaning.

Важное, если не центральное место, в политической сфере занимает политическая коммуникация, речевая деятельность, направленная

на пропаганду тех или иных взглядов, позиций, а главное на побуждение граждан к политическим действиям. Главная функция политической ком-

муникации – борьба за политическую власть, где язык политического дискурса является средством не только передачи информации, но и оказания эмоционального воздействия на сознание человека, расстановки акцентов в политической картине мира.

В основании современной политической лингвистики, предметом которой является политическая коммуникация, лежит дискурсивный подход. Понятие «дискурс» активно разрабатывается в лингвистических и социолингвистических исследованиях. Дискурс (от франц. discours – речь) – текст, взятый в событийном аспекте. «Дискурс – это речь «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с жизнью не восстанавливаются непосредственно [4, с. 136.]. Представление о дискурсе возникло в ходе исследований конкретных языковых практик, в этом плане характерной является работа швейцарского ученого Патрика Серио «Язык власти: критический анализ» [5]. Автор рассматривает советский дискурс 70-х гг. XX в., описывает лексику, присущую этому дискурсу, показывает принципы структурирования предложений, выявляет то, что можно назвать «советским политическим языком». П. Серио подчеркивает, что речь идет не об особом языке, а об особом способе использования средств русского языка. В частности, особенностью советского политического дискурса является неумеренное использование безличных предложений, приводящее к исчезновению субъекта. В нем лишь протекают процессы «роста производительности труда», «автоматизации», «механизации» и т.д. Дискурс всегда развивается в рамках определенного сообщества, при этом он в значительной степени формирует это сообщество. Дискурс определяет познавательные интересы членов сообщества, методы познания, образцы решения типичных задач и т.д. С дискурсом связана картина мира, разделяемая членами сообщества, дискурс заставляет видеть мир определенным образом. Роль дискурса можно сравнить с ролью, которую выполняет парадигма Т. Куна. Парадигма – господствующая научная теория, задающая модели исследования, предписания, правила и стандарты. Научное сообщество, разделяющее парадигму, воспринимает мир сквозь призму этой парадигмы так, что оказывается, что «парадигма управляет не областью исследования, а группой ученых-исследователей» [3, с. 234], т.е. научным сообществом. Ученые, не разделяющие парадигму, «обречены на изоляцию» [3, с. 152]. Такой пара-

дигмой в обществе является доминирующая государственная идеология, утверждающая себя в политическом дискурсе, формирующая, конструирующая, направляющая в определенное русло общественное сознание. В подтверждение взгляда П. Серио стоит вспомнить образ пролетарской науки, сформировавшийся в нашей стране в начале XX века. Был создан Институт красной профессуры, Коммунистическая академия, где создавались общества биологов-марксистов, врачей-марксистов, физиков-марксистов и т.п. Насколько устойчивым был этот образ новой науки, говорит продержавшаяся в течение века риторика противопоставления советской и буржуазной науки.

Представления человека о социальном мире определяются всей совокупностью факторов: экономических, политических, духовных, в числе которых существенную роль играет язык, поставляющий информацию о мире и формирующий образ мира, в частности, язык средств массовой информации. В отличие от бытия общества, бытие индивида не является самоговорящим, т.е. индивид не имеет собственного языка. Осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых извне знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах массовой коммуникации. Это создает возможность внесения в его сознание искаженных или даже фантастических представлений и идей, таких которые не имеют никакой почвы в его реальном жизненном опыте.

Спекуляция возможностями искажения смысла языковых выражений получила название «информационной войны», точнее «семантической войны», которая заключается в сознательном использовании языковых инструментов. Для успешного ведения «семантической войны» разрабатываются техники словесного манипулирования. Из всего комплекса семантических характеристик повествовательных предложений проанализируем слова, относимые к категории имен. Имя – это слово или сочетание слов, обозначающих какой-нибудь предмет. Различают единичные имена, общие и мнимые (пустые). Под единичным именем понимается имя, которое именуется только один предмет (Кремль, Нью-Йорк). Общее имя указывает на неопределенный предмет из класса предметов, выделенный по какому-то свойству, отношению: «государство», «война», «человек». Пустые или мнимые имена не относятся к реальным предметам: «ангел», «руссалка», «нейтральность СМИ».

Мы живем в мире знаков. По определению Э. Кассирера, человек – это *animal symbolicum*, существо символическое. По сравнению с другими животными человек живет не только в природном мире, но и символическом, язык, миф, религия – части этого универсума. Человек настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника – символа, знака [2]. Знаком называют любой материальный предмет, который служит в процессе общения и мышления людей представителем другого предмета (свойств, процессов, действительности). Знаковых систем много, но среди них есть главная. Это наш обычный, повседневный язык, который является универсальной знаковой системой. Он универсален по отношению ко всем остальным знаковым системам, т.к. любой знак любой системы может быть «пересказан» средствами языка. Язык универсален еще и потому, что охватывает весь мир: и тот, который вокруг нас, и тот, который внутри нас, – язык способен обозначать все. Слово – языковой знак. Основными характеристиками знаков являются предметное значение и смысл. Используемые в статье определения значения и смысла знака основываются на классической концепции Г. Фреге [6]. Предметным значением является тот предмет, представителем которого знак является. Это основная характеристика знака. Предметным значением языковых знаков, например, имен, являются предметы в широком смысле этого слова, все, что может быть объектом мысли. Значения слов называют иначе денотатами или десигнатами, а сами имена – десигнаторами.

Смысл знака – это такая характеристика обозначаемого им предмета, которая позволяет однозначно мысленно выделить этот предмет из множества других. Проследим процедуру выражения смысла имени в языке на примере единичных имен. Имя «Москва» – единичное и обозначает известный нам всем город. Смыслами имени «Москва» будут следующие: «столица Российской Федерации», «город, в котором Красная площадь», «город, в котором мэром является С. Собянин». Но имени «Москва» можно приписать смысл «российский город, в котором есть метро», «город, с миллионным населением». Эти смыслы не выделяют Москву однозначно из ряда других городов и являются неопределенными.

• Так, возможность придавать неопределенный смысл имени является семантическим основанием для приемов, искажающих явления и факты действительности.

• Использование приемов, которые базируются на той семантической закономерности, что пустые, мнимые имена, имеют смысл, но не имеют значения.

Семантический анализ слов (имен) позволяет раскрыть механизмы фальсификаций в СМИ. Например, действия американских войск в Ираке президент Буш назвал «плановой операцией». Смысл имени «плановая операция» остается одним и тем же, независимо от того, по назначению или нет, используется имя (ложная денотация). Другой пример: Пентагоном запрещено слово «бомбардировка», вместо него употребляются «защитная реакция», «ковровая дорожка».

Сегодня у всех на слуху слово «реновация» (с лат. *renovation* – обновление, ремонт). Под словом «реновация» изначально предполагался снос пятиэтажек не без нарушения большинства прав собственников. Данные сообщения используют следующие свойства слова: слово (имя) имеет смысл, но может не иметь значения; слово имеет много смыслов, и на этом основании в сообщении могут быть использованы имена, в смысле которых выражается родовый признак, но не видовой или наоборот – видовой, но не родовый.

Влияние языка на формирование содержания субъективного образа, в частности образа социальных явлений, изучает прагматика. Язык используется людьми, прежде всего, для того чтобы сообщать друг другу мысли, вызвать у получателя информации определенное поведение, действия.

Поведение человека тесно связано с оценкой социальных явлений, именно в оценках выражается отношение людей к событиям (когда мы рассуждаем о различных событиях, соглашаемся или нет, – это есть оценка этих событий). Эти аспекты языка входят в область изучения прагматики. Известно, что содержание субъективного образа социальных событий опосредовано личным социальным опытом и языком социальных институтов. Поскольку каждое слово (имя) имеет значение и смысл, то если в сообщении употребляется только имя предмета без его смысла, в сознании слушающего это имя вызовет адекватный образ лишь при условии наличия знаний о предмете. Так, сложное имя «Великая Отечественная война» вызовет совершенно разный образ, в зависимости от личного опыта; знаний о войне сверх опыта (у фронтовика – это образ, который сформировался из личного опыта, а если фронтовик читал о войне, изучал исследовательскую литературу, то его представление о войне расширится). Человек, родившийся после войны может многое знать о войне, но у

большинства американцев, бразильцев, чилийцев это слово не вызовет никакого образа. Способ выражения мысли, когда в сообщении употребляются имена без указания смыслов, широко используются для искажения образов социальных явлений. Поскольку смысл представляет собой звено, связывающее имя с предметами действительности, то слушатель, не знающий смысла, не может представить тех событий, о которых говорится в сообщении.

Этот способ лежит в основе приемов, с помощью которых создаются различные варианты стереотипизированного сознания. Стереотип – это стандартизированный образ или представление о социальном явлении, обычно эмоционально окрашенный и обладающий высокой устойчивостью («лица кавказской национальности», «олигархи», сегодня для молодого поколения «коммунист», а недавно «предприниматель»). Словесный стереотип, включенный в сообщение, целенаправленно предназначен для того, чтобы вызвать определенное отношение к явлению: негативное, благожелательное, безразличное. Основными условиями закрепления стереотипов являются: исключение из сообщения смыслов слова, выполняющего функцию стереотипа; наличие в сообщении требуемой оценки: положительной или отрицательной тех явлений, к которым относятся стереотипы.

В современном обществе место СМИ трудно переоценить. Взаимодействие человека со СМИ происходит ежедневно, они освещают все сферы жизни, формируют информационную картину мира, существенно влияя на общественное сознание и сознание отдельного человека. Язык – главное средство манипуляции сознанием, проводник позиции властных структур. А. А. Данилова выделяет языковое воздействие двух типов: открытое и скрытое. Классическая риторика, ее способы аргументации, описанные со времен античности, относятся к открытому способу воздействия на собеседника: ритор не должен вводить в заблуждение аудиторию относительно замысла своей речи. Сегодня же актуальны скрытые формы воздействия на общественное сознание [1, 184]. Наиболее эффективным

видом скрытого манипулирования общественным сознанием в политическом дискурсе является языковое манипулирование, намеренно вводящее в заблуждение относительно замысла или содержания речи.

Выводы. Возможность придавать неопределенный смысл имени является семантическим основанием для приемов, искажающих явления и факты действительности.

В политическом дискурсе используются приемы, которые базируются на той семантической закономерности, что пустые, мнимые имена имеют смысл, но не имеют значения.

Слово имеет много смыслов, и на этом основании в сообщении могут быть использованы имена, в смысле которых выражается родовый признак, но не видовой или наоборот – видовой, но не родовый.

Способ выражения мысли, когда в сообщении употребляются имена без указания смыслов, широко используются для искажения образов социальных явлений, стереотипизированного сознания.

Библиографический список

1. Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. М.: Добросвет, КДУ, 2009. 234 с.
2. Кассирер, Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
3. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
5. Серио, П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ / Ю. С. Степанов, П. Серио, Д. И. Руденко и др. Науч. ред. тома Д. И. Руденко. Х.: Око, 1993. [Т.] I. С. 83–100.
6. Фреге, Г. Логика и логическая семантика / Г. Фреге. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

УДК 930.26[470+571]

ББК 63.48[2]

Orcid id/0000-0001-8285-4461

К ВОПРОСУ ОБ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНДИВИДОВ, ЗАХОРОНЕННЫХ В ПОГРЕБЕНИЯХ С ДВУМЯ МЕЧАМИ, РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Е. В. Перерва

Аннотация. Работа посвящена исследованию костных останков из статусных погребений раннесарматского времени с территории Нижнего Поволжья, которое осуществлялась с помощью методики палеопатологического анализа. Всего было изучено восемь индивидов. В результате проведенной работы установлено, что в захоронениях раннесарматского времени с двумя мечами, колчаном и котлом чаще всего погребались взрослые мужчины. Несомненно, они принадлежали к воинской элите и, кроме этого, были профессиональными всадниками. Большую часть жизни эти воины проводили на открытом воздухе и вели активный образ жизни. В то же время принадлежность к сарматской элите не сказалась на улучшении их рациона питания, который, вероятнее всего, был таким же скудным и однообразным, как и у большей части кочевников IV–I вв. до н.э.

В исследуемой выборке распространены те же патологии специфического и неспецифического характера, что на костных останках сарматов суммарной серии этого времени. Это свидетельствует о единой системе питания и образе жизни сарматов раннего периода, а также об одинаковом характере хозяйственной и военной деятельности.

Ключевые слова: раннесарматская культура, статусные погребения, палеопатология, кочевники, элита.

TO THE QUESTION OF PALEOPATHOLOGICAL PECULIARITIES OF INDIVIDUALS BURIED IN BURNS WITH TWO SWORDS, THE EARLY SARMAT TIME FROM KURGANIC BURIAL GROUNDS OF THE LOWER V VOLGZHYA

E. V. Pererva

Abstract. The work is devoted to the study of bone remains from status burials of the Early Sarmatian time from the territory of the Lower Volga region, which was carried out using the method of paleopathological analysis. In total eight individuals were studied. As a result of the work carried out, it was established that in the burial places of the Early Sarmatian time with two swords, a quiver and a cauldron, adult men were most often buried. Undoubtedly, they belonged to the military elite, and besides that they were professional riders. Most of the life these soldiers spent in the open air and led an active lifestyle. At the same time, belonging to the Sarmatian elite did not affect the improvement of their diet, which, most likely, was as meager and monotonous as most of the nomads of the IV-I centuries. BC.

In the sample studied, the same pathologies of a specific and non-specific nature are common, that on the bone remains of the Sarmatians of the total series of this time. This testifies to the unified food system and way of life of the Sarmatians of the early period, as well as about the same nature of economic and military activity.

Key words: early sarmatian culture, status burials, paleopathology, nomads, elite.

Проблема социальной стратификации сарматского кочевого общества является в настоящий момент одной из центральных в современной отечественной археологии. Сегодня существует пласт работ, который посвящен реконструкции и интерпретации социальных взаимоотношений в сарматской среде [7, 9, 11, 24]. Тем не менее до сих пор остается дискуссионным вопрос о взаимосвязи захоронений со специфическим набором погребального инвентаря, с определенной социальной группой древнего ко-

чевого общества. Для решения этой проблемы ученые используют различные подходы и методики: анализ письменных источников, изучение археологического и антропологического материала.

В результате комплексного исследования раннесарматских захоронений с территории Южного Урала и Нижнего Поволжья В. М. Клепиковым был выделен ряд погребений IV–I вв. до н.э. со специфическим набором вооружения и предметов быта, включающим длинный меч, ко-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-11-34009 (ОГОН) «Элиты сарматского общества Волго-Донского региона (проблемы выделения и социальной интерпретации)».

роткий меч или кинжал, колчан со стрелами и бронзовый котел.

Исследователь, ссылаясь на разработки таких ученых, как А. М. Хазанов [23] и А. В. Лукашев [12], сделал предположение, что рассматриваемая им выборка раннесарматских погребений, вероятнее всего, принадлежит к высоко статусной прослойке раннесарматского населения, возможно, вождям кланов, состоящих из нескольких семейно-родовых групп [10].

В предлагаемой работе была предпринята попытка палеопатологического обследования костных останков раннесарматского времени из захоронений, раскопанных на территории Нижнего Поволжья и отнесенных В. М. Клепиковым к высоко статусным воинским комплексам.

Материал и методика исследования.

Материалом для исследования послужили костные останки 8 индивидов из раннесарматских погребений с двумя мечами [10; см. табл. 1]. В шести случаях для исследования были доступны черепные капсулы, и у трех человек дополнительно изучались кости посткраниального скелета.

Определение пола проводилось на основе комплексного анализа некоторых морфологических признаков черепа, длинных костей и таза. Возраст детского костяка из погребения 10 кургана 2 могильника Венгеловка определяется по степени развития и прорезания зубов [39, с. 54]. Оценка возраста половозрелых индивидов осуществлялась по степени изменения лобкового симфиза, деструкции зубной поверхности и зубного ряда, степени дегенеративно-дистрофических изменений суставных поверхностей, главным образом, плечевой и бедренной костей [27], степени облитерации швов на черепе [35].

Следующим уровнем исследования являлся анализ маркеров стресса, выявленных на костных останках. Хорошо известно, что стресс может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на человеческий организм. Зная спектр основных причин, вызывающих стресс, заболевания и появления отдельных патологических состояний, можно реконструировать условия среды, а значит особенности и условия жизни человека в самые древние исторические эпохи.

При проведении палеопатологического анализа использовалась методика палеопатологического обследования и фиксации маркеров стресса, разработанная А. П. Бужиловой [4, 5].

Макроскопическое описание материалов исследования.

Бахтияровка. Курган 33 погребение 5. Исследовалась черепная коробка мужчины 35–45 лет. На лобной кости в области надбровных дуг зафиксированы признаки васкулярной реакции по типу апельсиновой корки первого балла по А. П. Бужиловой [5]. Со стороны эндокрана по обеим сторонам от лобного синуса наблюдаются костные образования размером до 6-7 мм. Данные отклонения, вероятнее всего, являются результатом развития внутреннего лобного гиперостоза по И. Гершковичу [32]. На черепе зафиксировано увеличение рельефности и наличия многочисленных питательных отверстий в области прикрепления мышц: *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus capitis posterior major*, а также краевые разрастания на суставных поверхностях мышечных затылочного отверстия и на сочленовных поверхностях первого шейного позвонка.

Места прикрепления жевательных мышц на нижней челюсти и черепе развиты интенсивно. Нижнечелюстной сустав со следами дегенеративных изменений в виде краевых разрастаний.

На сохранившихся зубах выявлены минерализованные отложения 1-го балла по Д. Бросвеллу [27]. На клыках нижней челюсти, а также молярах верхней челюсти зафиксированы горизонтальные линии эмалевой недостаточности. На верхней челюсти с правой стороны в области альвеолярного возвышения первого резца наблюдается выходное отверстие от воспалительного процесса. Аналогичный дефект имеется в области альвеолярного возвышения второго премоляра на верхней челюсти с правой стороны. Коронка зуба частично разрушена кариесом. Корни зубов оголены на четверть, что маркирует развитие пародонтоза.

Венгеловка. Курган 2 погребение 10 костяк 1. Для исследования были доступны правая ключица, правая плечевая, локтевая и лучевая кости, кости таза, большие берцовые кости, принадлежащие мужчине 30–35 лет.

Изучение сохранившихся костей посткраниального скелета показало, что в области правого локтевого и лучезапястного сустава наблюдаются дегенеративные изменения в виде краевых разрастаний и деформаций суставных поверхностей. Ушковидные фасетки на костях таза со следами изношенности в виде остеофитоза и потерь.

Мышечный рельеф на костях верхних и нижних конечностей развит хорошо – до 3-го балла по программе М. Б. Медниковой [13].

Погребение 10 костяк 1. В сохранности фрагментированная черепная коробка ребенка 6-7 лет. Из особенностей, выявленных при ее исследовании,

довании, отметим наличие поротического гиперостоза в орбитах, на теменных и затылочной кости в лямбдовидной области черепа.

На зубах верхней и нижней челюсти наблюдаются отложения светло-желтого зубного камня.

Майеровский III. Курган 4 погребение 3а.

Для изучения была доступна черепная коробка мужчины 45-55 лет. Обследование черепной капсулы показало наличие на ней следов непреднамеренной искусственной деформации теменно-затылочного варианта по типу «бешик», что в целом не характерно для сарматского населения IV–I вв. до н.э. В задней части черепа на сагиттальном шве в 2 мм от антропологической точки «Lambdae» зафиксирована остеома округлой формы размером 10×10 мм.

На лобной кости в области надбровных дуг выявлены признаки реакции организма на воздействие холодового стресса.

Нижнечелюстной сустав со следами изношенности в виде краевых разрастаний и деформаций. На затылочной кости и на основании черепа обнаружено увеличение рельефности и наличие многочисленных питательных отверстий в области прикрепления мышц: *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus capitis posterior major*, а также краевые разрастания на суставных поверхностях мыщелков затылочного отверстия и на сочленовных поверхностях первого шейного позвонка.

На внутренней поверхности костей свода черепа со стороны эндокрана выявлены хорошо проявляющиеся пальцевидные вдавления, которые являются маркером развития синдрома внутричерепной гипертензии.

Зубы в альвеолах не сохранились.

Белокаменка II, 1988. Курган 7 погребение

3. Изучалась черепная коробка, первый и второй шейные позвонки мужчины 20–30 лет.

При исследовании мозговой капсулы на внешней ее поверхности выявлены следы васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки». На черепе зафиксировано увеличение рельефности и наличие многочисленных питательных отверстий в области прикрепления мышц: *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus capitis posterior major*. Также были обнаружены краевые разрастания на суставных поверхностях мыщелков затылочного отверстия и на сочленовных поверхностях первого шейного позвонка.

На внутренней поверхности костей свода черепа наблюдаются признаки развития внутричерепной гипертензии в виде сильно проявляющегося сосудистого рисунка и пальцевидных

вдавлений. На зубах присутствуют минерализованные отложения. Стертость коронок незначительная, дентин не оголен. На суставных площадках нижней челюсти имеются краевые разрастания.

Патологических отклонений на шейных позвонках не обнаружено.

Белокаменка II, 1988. Курган 4 погребение 4. Исследовались длинные кости верхних и нижних конечностей, кости таза, которые принадлежали молодому мужчине 16–20 лет. Патологических отклонений на длинных костях верхних и нижних конечностей не обнаружено. Мышечный рельеф на них развит средне, по системе М. Б. Медниковой [13] не выше 2-го балла. На тазовых костях в области сочленения с крестцом (крестцово-подвздошный сустав) и в области тазобедренного сустава обнаружены следы незначительной изношенности в виде краевых разрастаний.

Маляевка V. Курган 3 погребение 3. Для исследования была доступна черепная капсула и нижняя челюсть мужчины 35–45 лет.

Обследование черепа показало наличие признаков васкулярной реакции как следствия воздействия низких температур. В затылочной части мозговой коробки имеется увеличение рельефности и наличия многочисленных питательных отверстий в области прикрепления мышц: *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus capitis posterior major*. Также следует отметить изношенность на суставных поверхностях мыщелков затылочного отверстия.

У мужчины зафиксирована травма нижней челюсти. Перелом произошел в нижней части правой ветви. Линия разлома проходила от основания кости до квадранта, принадлежащего третьему левому моляру. В результате полученной травмы ветвь нижней челюсти сместилась во внешнюю сторону, вследствие чего место прикрепления мышцы сильно сместилось вверх, а угол кости сросся с основанием челюсти. На месте прикрепления жевательной мышцы зафиксировано окостенение мягких тканей (миозит). Травма челюсти была получена, вероятно, задолго до смерти. Третий моляр так и не вышел. Травма имеет благоприятный исход, однако по форме и структуре ее последствий хорошо заметно, что сарматы еще не обладали навыками зубочелюстной хирургии. Перелом челюсти – достаточно редкая травма. Большинство исследователей, описывавших переломы нижней челюсти, указывали на значительную силу удара, различные осложнения и тяжелые последствия в процессе заживления полученных ран. У мужчины также обнаружена травма носа. Носовые кости несколько во-

гнуты в полость и смещены в правую сторону. Нижний край левой носовой кости состоит из мелких мозаично сросшихся косточек, образовавшихся, вероятно, в результате травмы.

При изучении состояния зубной системы удалось установить наличие на коронках минерализованных отложений светлого цвета. На молярах верхней и нижней челюсти в области шейки зуба выявлены интерпроксимальные желобки. Маркеры использования зубочистки для гигиены ротовой полости.

Новый Рогачик. Курган 7 погребение 3.

Для исследования доступны черепная капсула и нижняя челюсть, а также длинные кости верхних и нижних конечностей. Костные останки принадлежали мужчине 20–25 лет.

При изучении мозговой коробки в области надбровных дуг выявлены следы васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки». На внутренней поверхности костей свода черепа обнаружены признаки высокого внутричерепного давления в виде сосудистого рисунка и пальцевидных компрессий. Несмотря на молодой возраст индивида, большая часть сагиттального шва в задней части и затылочного шва заросли – преждевременный краниостеноз. На черепе зафиксировано увеличение рельефности и наличие многочисленных питательных отверстий в области прикрепления мышц: *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus capitis posterior major*.

На зубах отложения светло-желтого зубного камня. На верхних клыках обнаружены параллельные горизонтальные линии эмалевого недостаточности. На верхней челюсти с правой стороны фиксируется гиподонтия третьего моляра. Стертость зубов слабая, дентин не оголен. На нижней челюсти с правой стороны в области сочленения второго премоляра и первого моляра, с левой стороны на втором премоляре, а также между вторым и третьем молярах наблюдаются интерпроксимальные желобки в области шеек зубов.

На втором и третьем молярах нижней челюсти с правой стороны имеются сколы эмали.

Обследование костей посткраниального скелета показало сильное развитие мест прикрепления основных мышц. В особенности на костях предплечья и больших берцовых костях. Дегенеративные изменения, которые могли возникнуть в результате систематического механического стресса, выявлены в области обоих лучезапястных суставов виде незначительных краевых разрастаний, что является маркером начальной стадии артроза.

Каких-либо аномалий на костях посткраниального скелета не обнаружено.

Результаты исследования.

При изучении выборки ранних сарматов из погребений с двумя мечами на основе анализа палеопатологических признаков оказалось, что обследованная группа практически ничем не отличается от общей серии ранних сарматов VI–I в. до н.э., которая была исследована ранее [17]. В связи с этим остановимся на наиболее важных и существенных особенностях.

На черепе из погребения 3а кургана 4 могильника Майеровский выявлена непреднамеренная искусственная деформация теменно-затылочного типа. Случай наблюдения подобного рода модификаций мозговой капсулы не единственный, на материалах данного времени аналогичные модификации были выявлены в сериях раннесарматского периода на черепе у мужчины 50–65 лет из погребения 2 кургана 1 могильника Первомайский I и у молодой женщины 17–18 лет из погребения 5 кургана 1 могильника Ковалевка [17].

Практически все исследователи сходятся во мнении, что причиной возникновения подобного рода модификации черепа является специфический способ ухода за младенцем в течение первых лет его жизни и его длительное нахождение в определенной люльке. Описанная И. Дингуэллом и Е. В. Жировым затылочная деформация возникает в результате длительного лежания ребенка на спине [30, 8]. Морфологические отличия этого типа – уплощение и частая асимметрия затылочной области при отсутствии изменений в строении лба, а также общее укорочение и компенсаторное расширение мозговой коробки [8, с. 81–82]. В отечественной науке самый ранний случай непреднамеренной искусственной деформации зафиксирован на черепе № 2 подростка из слоев энеолитического поселения Великент III. М. Б. Медникова, исследовавшая череп, предположила, что уплощение свода черепа возникло в результате пребывания в твердой и тесной колыбели [14, с. 171].

Еще один вид деформаций, который был выявлен на материалах из воинских погребений раннесарматского времени – это «интерпроксимальные желобки». Всего имеется два наблюдения желобков на молярах. Все случаи выявлены у мужчин старше 25 лет. Дефекты зубов располагаются на премолярах или молярах (чаще на вторых молярах) с проксимальной и дистальной стороны, в области шейки зуба, на нижней челюсти. Данная деформация зубов является наиболее

распространенной среди древних популяций различных эпох. Ранние случаи интерпроксимальных желобков выявлены на материалах, относящихся ко времени существования Хомо Эректуса из Бьенина в Китае [38], неандертальцев из Ля-Квина [29]. С. С. Тур, М. П. Рыкун выявили интерпроксимальные борозды у 17 индивидов андроновской культуры Алтая. Исследователи высказали мнение, что андроновцы использовали тонкие цилиндрические предметы (деревянные палочки, небольшие рыбьи кости или жесткие стебли травы) для очистки межзубных пространств и боковых поверхностей зубов. Можно предположить, что подобная процедура имела лечебно-профилактическое значение при пародонтозе и отложении камня в межзубных пространствах у людей древнего Алтая [22]. На раннесарматских материалах подобного рода дефекты были описаны на материалах костяках из могильника Ольховка II [16]. Вероятнее всего, интерпроксимальные желобки у ранних сарматов Нижнего Поволжья также могли являться следствием использования зубочисток.

Анализ состояния зубной системы показал, что наиболее часто встречаемым патологическим состоянием является отложение зубного камня. У сарматов из воинских погребений был зафиксирован кариес, абсцесс, прижизненная утрата зубов, пародонтоз и случаи сколов эмали на коронках. Характер проявления патологий зубов говорит о том, что причинами их возникновения могут быть: отсутствие гигиены ротовой полости; распространение гноеродных микробов в результате разложения остатков пищи; несбалансированное питание и генетическая предрасположенность. В диете сарматов, как и у большинства кочевников раннего железного века, доминировали мясные и молочные продукты, богатые белком. Данное предположение подтверждается сочинениями античных авторов, а также палеозоологическим и палеопочвоведческим анализом археологических погребальных комплексов. О доминировании белковой диеты в рационе сарматов говорит и специфический комплекс проявления патологий зубочелюстной системы, который характерен для сарматов последующих двух этапов [17, 18, 19].

Из патологических состояний на зубах следует отметить и эмалевую гипоплазию (недостаточность), которая выявлена у двух индивидов из могильников Бахтияровка и Новый Рогачик. Наличие линий эмалевой недостаточности на зубах указывает на то, что индивиды успешно преодолели серьезный физиологический стресс, который возник у них в детском возрасте. К ло-

кальному истончению эмали на зубах обычно приводят: плохое питание, инфекционные заболевания, паразитарные инвазии, переход от грудного вскармливания к обычной пище [31, р. 25, 27; 38, р. 405; 28, р. 589; 40, р. 234; Reid D.J., 37, р. 135; 34, t. 47]. Признаки недостаточности эмалевого покрова на зубах возникают в период от 1,5 до 5,5 лет. Ряд исследователей объясняют это различиями в традициях грудного вскармливания детей в древних обществах – в одних популяциях детей отнимают от груди в возрасте 12–18 месяцев, в других позже [38, р. 399; 5, с. 144; 26, t. 47].

Признаки внутричерепной гипертензии.

Из 6 исследованных черепов на 3 были выявлены маркеры высокого внутричерепного давления – 50 %. Повышение внутричерепного давления приводит к истончению костей свода черепа, которое выражается в углублении пальцевидных вдавлений (*impressionses digitatae*), окаймляющих их мозговые гребни. По мнению Д. Г. Рохлина, повышенное внутричерепное давление может возникать как следствие воспалительных и опухолевых заболеваний головы. Внутричерепное давление связано с постоянными сильнейшими головными болями и может вызывать потерю зрения [21, с. 135].

В современной медицинской науке пальцевидные вдавления обычно рассматриваются как один из признаков проявления гипертензионного синдрома и повышенного внутричерепного давления [25, с. 89; 15]. Причиной их развития служат процессы, протекающие с увеличением содержимого полости черепа. К ним относятся: краниосиноустозы, инфекции, опухоли, абсцессы, гематомы, паразитарные кисты, гидроцефалия и другие объемные образования [33, р. 370; 26, р. 55; 36, р. 223].

Маркеры холодового стресса выявлены у 5 индивидов. Проявляются они у ранних сарматов в виде специфических изменений надкостницы, отмечающихся в области надбровных дуг. Данные признаки принято отождествлять с реакцией организма на систематическое воздействие низких температур, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в прохладную и ветреную погоду или в холодную погоду с повышенной влажностью [5, С. 104–105; 3, С. 52–53].

Высокий процент проявления данного признака у мужчин сарматских культур является специфической особенностью кочевников Южнорусских степей.

Дегенеративно-дистрофические изменения. На всех черепных капсулах взрослых муж-

чин из воинских погребений, которые были изучены в рамках данной работы, было зафиксировано увеличение рельефности и наличия многочисленных питательных отверстий в области прикрепления мышц: m. occipitalis, m. rectus capitis posterior minor, m. rectus capitis posterior major в затылочной части черепа. Также у большей части индивидов наблюдалась изношенность на суставных поверхностях мышечков затылочного отверстия. Вкупе с распространением заболеваний суставов верхних и нижних конечностей это характеризует сарматов как профессиональных всадников. Именно специфические изменения на черепной коробке в области прикрепления мышц шеи считается одним из маркеров стресса, связанного с верховой ездой [6]. По письменным источникам известно, что всадничество являлось неотъемлемой частью быта сарматских кочевников. Д. И. Ражев отмечает сходный комплекс остеологических признаков на материале населения лесостепи западной Сибири в раннем железном веке, ранних кочевников и кочевников средневековья [20, с. 202].

Выводы:

В раннесарматских статусных, воинских захоронениях погребались в основном мужчины. В некоторых случаях, когда имеются коллективные захоронения, в могилах присутствуют и дети.

Вероятнее всего, большая часть мужчин из подобного рода погребений были не только воинами, но и профессиональными всадниками, на что указывают маркеры механического стресса, связанного с верховой ездой, зафиксированные на их костных останках.

Большую часть своего времени индивиды, погребенные в могилах с двумя мечами, скорее всего, проводили на открытом воздухе и вели активный образ жизни, на что указывают маркеры воздействия на организм холодового стресса, признаки раннего развития дегенеративно-дистрофических изменений на суставах верхних и нижних конечностей, а также интенсивное развитие мест прикрепления мышц на костях посткраниального скелета.

Принадлежность к сарматской элите тем не менее не сказалась на характере проявления патологий зубной системы в исследуемой группе, указывая на то, что рацион питания у представителей сарматского общества вне зависимости от социального положения был одинаковым.

Для исследуемой группы, также как и для основной части представителей раннесарматского общества, исследованного ранее, свойственны такие же заболевания специфического и неспецифического характера, что свидетельствует о схожем образе жизни в детском и взрослом возрасте, системе питания, роде занятий.

Таблица 1

Материал исследования

Могильник	Курган/ погребение	Регион	Возраст	Пол	Сохранность
Бахтияровка	Курган 33 погребение 5	Заволжье	35-45	♂	Череп
Белокаменка	Курган 4 погребение 4	Заволжье	16-20	♂	Посткраниальный скелет
Белокаменка	Курган 7 погребение 3	Заволжье	20-30	♂	Череп
Венгелока	Курган 2 погребение 10 костяк 1	Заволжье	30-35	♂	Посткраниальный скелет
Венгеловка	Курган 2 погребение 10 костяк 2	Заволжье	6-7 лет	Реб.	Череп
Маляевка V	Курган 3 погребение 3	Заволжье	30-35	♂	Череп
Майеровский III	Курган 4 погребение 3 а	Заволжье	45-55	♂	Череп
Новый Рогачик	Курган 7 погребение 3	Междуречье Волги и Дона	25-35	♂	Череп/посткраниальный скелет

Таблица 2

Частота встречаемости некоторых патологий в раннесарматской выборке

	Патологии, аномалии, травмы		
	Кол-во исследованных индивидов	N	%
Кариес	6	1	17%
Абсцесс	6	1	17%
Зубной камень	6	6	100%
Эмалевая гипоплазия	6	2	33%
Потеря зуба	6	1	17%
Пародонтоз	6	1	17%
Слом коронки	6	1	17%
Патологическая стертость на зубах	6	2	33%
Интерпроксимальные желобки на зубах	6	2	33%
Краудинг (нарушение зубного ряда)	6	1	17%
Краниостеноз швов черепа	6	1	17%
Гиподонтия (отсутствие) третьего моляра	6	1	17%
Деформация черепной коробки	6	1	17%
Остеомы на черепе	6	1	17%
Пальцевидные вдавления	6	3	50%
Васкулярная реакция (VIP)	6	5	83%
Sibra orbitalia	6	1	17%
Поротический гиперостоз костей свода черепа	6	1	17%
Пороз	6	1	17%
Лобный гиперостоз	6	1	17%
Травма носа	6	1	17%
Травма нижней челюсти	6	1	17%
Артроз костей посткраниальный скелета	3	2	67%
Артрит костей посткраниальный скелета	3	1	33%

Библиографический список

1. Алексеев, В. П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. М.: Наука, 1964. 128 с.
2. Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев. М.: Наука, 1966. 251 с.
3. Алексеева, Т. И. Влахи. Антрополого-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали) / Т. И. Алексеева, Д. В., Богатенков, Г. В. Лебединская. М.: 2003.
4. Бужилова, А. П. Древнее население (палеопатологические исследования) / А. П. Бужилова. М.: 1995.
5. Бужилова, А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях / А. П. Бужилова // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: 1998.

6. Бужилова, А. П. Homo sapiens: История болезни / А. П. Бужилова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
7. Вдовченков, Е. В. Историография социальных исследований сарматов / Е. В. Вдовченков // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 5.
8. Жиров, Е. В. Об искусственной деформации головы / Е. В. Жиров // КСИИМК. М. Л.: 1940. Вып. 8. С. 80–87.
9. Клепиков, В. М. К вопросу о возможностях социальной интерпретации раннесарматского общества Нижнего Поволжья / В. М. Клепиков // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2015. № 5 (35).
10. Клепиков, В. М. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) / В. М. Клепиков // Материалы IX международной научной конференции

«Проблемы сарматской археологии и истории» 2017. с. 104–109.

11. Крадин, Н. Н. Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.

12. Лукашов, А. В. К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье / А. В. Лукашов // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 66–82.

13. Медникова М. Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / М. Б. Медникова. М.: 1998. С. 151–165.

14. Медникова, М. Б. Искусственная деформация головы в неолитическом Великенте: К вопросу о появлении традиции на Кавказе / М. Б. Медникова, М. В. Добровольская, А. П. Бужилова, Т. Ю. Шведчикова, Н. Я. Березина // Актуальные направления антропологии. М.: ИА РАН, 2008. С. 170–174.

15. Мизитова, А. М. О гипердиагностике гипертензивного синдрома / А. М. Мизитова, Н. А. Бакаева, В. М. Таращенко, Е. П. Шевцович, Т. Г. Мареева. URL: <http://www.medicus.ru/cardiology/specialist/o-giperdiagnostike-gipertenzivnogo-sindroma-21320.phtml> (дата обращения 01.11.2017)

16. Перерва, Е. В. Предварительный палеопатологический анализ антропологических материалов, полученных в результате охранных археологических работ в зоне строительства магистрального газопровода Починки-изобильное / Е. В. Перерва // Материалы по археологии Волго-Донских степей: сб. ст. Волгоград: 2006. Вып. 3. С. 293–337.

17. Перерва, Е. В. К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV–I вв. до н. э. с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона / Е. В. Перерва // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2015. № 5 (35).

18. Перерва, Е. В. Маркеры стресса у сарматов I–II вв. н.э. Нижнего Поволжья (Палеопатологический аспект) / Е. В. Перерва // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112).

19. Перерва, Е. В. Маркеры стресса у сарматов II–IV вв. н. э. из подкурганых захоронений Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) / Е. В. Перерва // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. №8 (112).

20. Ражев, Д. И. Комплекс остеологических признаков всадников // Природно-географические факторы и историко-культурные про-

цессы / Д. И. Ражев. Сб. науч. трудов / Сер. «Южный Урал». – Челябинск: Рифей, 1996. С. 251–259.

21. Рохлин, Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения) / Д. Г. Рохлин. М.; Л.: Наука, 1960. 302 с.

22. Тур, С. С. Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования / С. С. Тур, М. П. Рыкун // Изв. Алтайск. гос. ун-та. сер.: История. 2008. № 4/2.

23. Хазанов, А. М. Очерки военного дела сарматов / А. М. Хазанов. М.: Наука, 1971. 172 с.

24. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

25. Худавердян, А. Ю. Атлас палеопатологических находок на территории Армении / А. Ю. Худавердян. Ереван: 2005. 288 С.

26. Biewer U. Medizinische und zahnmedizinische Untersuchungen der spätrömischen Bestattungen aus den Grabungen am Abteiplatz St. Matthias und der Schöndorfer Straße zu Trier // Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Zahnheilkunde. 2007. 127 p.

27. Brothwell D. R. Digging up Bones. Third Edition, British Museum (Natural History), Oxford University Press, 1981. P. 71.

28. Cohen M. N., Armelagos G. L. Paleopathology at the origins of agriculture Orlando: Academic Press, 1984. P. 585–601.

29. Consiglio C. Non Masticatory Dental Lesion in the Study of Biology and Behavior of Ancient Populations: The contribution of the Stereomicroscopy and Scanning Electron Microscopy // Academic Dissertation. 2008. P. 443.

30. Dingwall E. J. Artificial cranial deformation: A contribution to the study of the ethnic mutilations. L.: John Bale, Sons & Danielsson, 1931.

31. Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. L., Clark G. Indications of Stress from Bone and Teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. Eds. Cohen M. N. and Armelagos G. L. Orlando, 1984. P. 13–49.

32. Hershkovitz I., Greenwald Ch., Rothschild B. M., Latier B., Dutour O., Jellema L. M., Wish-Baratz S. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective // American Journal of Anthropology. 1999. №. 109. P. 303–325.

33. Jankauskas R. History of human tuberculosis in Lithuania: possibilities and limitations of paleosteological evidences // Bull. Et Mem. De la Societe d Anthropologie de Paris, n.s., t. 10, 1998, 3–4, P. 357–374.

34. Maclellan E. Linear Enamel Hypoplasia: What Can it Say About the Condition of Childhood?

// Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology Volume 13, Issue 1, Article 7, 6-21-2011 P. 41-52.

35. Meindl R. S., Lovejoy C.O. Ectocranial Suture Closure: A revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // American Journal of Physical Anthropology, 1985. Vol. 68. P. 57–66.

36. Pospíšilová B., Procházková O. Paleopathological Findings of Dry Skulls with Plagiocephaly // ACTA MEDICA (Hradec Králové) 2006. No. 49(4). P. 219–226

37. Reid D. J., Dean M. C. Brief Communication: The Timing of Linear Hypoplasias on Hu-

man Anterior Teeth // American Journal of Physical Anthropology. 2000. Vol. 113. P. 135–139.

38. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. United Kingdom, Cambridge University Press, 1998.

39. Ubelaker D. H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Aldine Pub. Co., 1978. 116 p.

40. Wright L. E. Intertooth Patterns of Hypoplasia Expression: Implications for Childhood Health in the Classic Maya Collapse // American Journal of Physical Anthropology. 1997. Vol. 102. P. 233–247.

СЛОВО – МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

THE WORD FROM YOUNG SCIENTISTS

УДК 316.422
ББК 60.523

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М. М. Фарухов

Аннотация. В статье анализируется проблема трансформации системы ценностей в современном глобализирующемся мире. Трансформация системы ценностей рассматривается в контексте процесса развития информационного пространства, где информация становится основным инструментом, направленным на изменение ценностных ориентиров. Также в статье рассматриваются угрозы национальной безопасности, возникающие в связи трансформацией системы ценностей в современном обществе.

Ключевые слова: система ценностей, национальная безопасность, информационное пространство, глобализация.

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF VALUES AND THREATS TO NATIONAL SECURITY

M.M. Farukhov

Abstract. The problem of transformation of the system of values in the modern globalizing world is analyzed in the article. The transformation of the system of values is examined in the context of the process development of the information environment where information is becoming a primary tool directed to the changes of value orientation. The threats to national security are also discussed in the article. They appear in connection with transformation of the system of values in the modern society.

Key words: system of values, national security, information environment, globalization.

Трансформация системы ценностей представляет собой один из видов социокультурных изменений, механизм которой разворачивается при взаимодействии двух противоположных тенденций – традиционной и инновационной в процессе возникновения противоречий между традиционными ценностями и ценностными новациями [2].

Трансформация системы ценностей людей ведет к изменениям облика экономической, политической и социальной жизни. Трансформирование политических и экономических целей, религиозных норм и семейных ценностей, в свою очередь, влияет на систему национальной безопасности в целом и систему обеспечения национальной безопасности в частности. Влияние такого рода происходит посредством трансляции

взаимодействия двух противоположных тенденций в структуре социокультурных изменений на процесс формирования угроз и интересов в системе национальной безопасности. В этом ракурсе каждый из этих трендов механизма социокультурных изменений может выступать как угроза национальным интересам, так и национальными интересами.

Резкое ускорение процесса трансформации, произошедшие в силу доминирования инновационных трендов, которые рассматриваются в контексте данного исследования прежде всего как ценности современной и «постмодернистской культуры» относительно традиционных социокультурных изменений, привело к разрушению и переосмыслению сложившейся системы ценностей. Такое доминирование создало усло-

вия для вторжения «постмодернистской культуры» и формирования установки восприятия мира в качестве хаоса – «постмодернистская чувствительность», что приводит к возникновению различных угроз национальной безопасности от продуктов постмодернизма.

Стремление общества к выходу из психологического напряжения и стресса, связанное с разрушением сложившихся ценностных систем, и необходимость упорядочить ценностные ориентиры в обществе приводит к возвращению к традиционным ценностным системам в лице религии и национальных традиций. Происходит актуализация традиционного тренда в механизме трансформации системы ценностей, что влечет за собой формирование угроз национальной безопасности путем перерождения и радикализации традиционных ценностных систем в обществе в лице религиозного фундаментализма и роста национализма.

Таким образом, и инновационный тренд, и традиционный тренд в механизме трансформации системы ценностей становятся причиной возникновения различных угроз национальной безопасности от продуктов постмодернизма. В эпоху постмодернизма абсолютизация инновационного тренда и традиционного тренда могут представлять большую опасность для национальной безопасности, поскольку первый может оказывать губительное воздействие на национальную культуру, а второй злоупотреблять радикальными идеологемами.

Инновационный тренд ускоряет процесс развития информации и информационных технологий. Это связано, в первую очередь, с тем, что новая эпоха выводит на первый план информацию и информационные отношения, которые, в свою очередь, существуют в определенном пространстве и заполняют его. Информация преодолевает географические границы и не столько «захватывает» территории в привычном смысле этого слова, сколько влияет на наше сознание и образ жизни. Следовательно, появляется возможность с помощью информационных технологий устанавливать контроль над определенными регионами, точнее над людьми, которые их населяют [1].

Именно на этом моменте стоит акцентировать внимание. Сегодня в информированном мире, в котором человечество получает и передает информацию независимо от национальных границ, обмен информации не эквивалентен, т.е. существует диспропорция в объеме информации между различными регионами и различными языковыми конгломератами. В связи с этим информация превратилась в один из инструментов, который направлен на трансформацию системы

ценностей, и наиболее подверженной влиянию этого инструмента оказалась молодежь. Так, именно в этот период развития личности и формируется система ценностей каждого человека. А учитывая тот момент, что мировоззрение человека формирует информационная среда, в которой он существует, этот инструмент становится крайне эффективным. Таким образом, информационная среда, формирует систему ценностей человека.

Именно глобализация информационного пространства порождает вызовы базовым ценностям не только определенной нации, но и всего человечества. Так, происходит подмена ценностей путем подачи ложной информации, неправды, части истины; человек целенаправленно отводится от истинных ценностей, искусственно создаются сомнения в тех или иных ценностных установках. Вследствие чего возникает фрустрация – психическое состояние, зарождающаяся в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей [3], в нашем контексте это потребность в определенных ценностных установках, которые необходимы человеку для того, чтобы найти себя в этом мире. При этом наблюдается создание искусственно необходимой информационной среды при условии ослабления определенной системы ценностей, которая способна сопротивляться чуждым и отрицательным элементам создаваемой информационной среды.

В формировании информационной среды на данном этапе глобализации информационного пространства особую роль играет такой феномен, как социальные сети, которые значительно ускорили распространение информации. Присутствие огромного количества информации в социальных сетях способствует тому, что на молодежь (именно эта часть общества активно пользуется ими) обрушивается огромное количество информации, которая часто противоречива, что приводит к запутыванию и опустошению, вытеснению базовой системы ценностей, формировавшихся веками в данном обществе. Все это также ведет к фрустрации, которая впоследствии выливается или в массовые беспорядки, или одиночные массовые убийства, суициды. Также этот процесс приводит к так называемой социальной шизофрении, когда возникает плюрализм не в обществе, а в голове одного взятого индивида. Как я отмечал выше, вследствие того, что активно пользуется информационными потоками молодежь, поэтому существует реальная опасность дальнейшему развитию общества.

По нашему мнению, на трансформацию системы ценностей в качестве основных угроз национальной безопасности сегодня влияют три фактора.

Первый – это массовая культура, поп музыка, пропаганда стяжательства и большего потребления, когда на первые план встают материальные потребности, что приводит к повышению уровня социально зависти. Второй – это религиозный фанатизм, а также распространение псевдорелигиозных течений. Третий – национализм в его отрицательном проявлении, приводящий к шовинистическим настроениям. Вышеперечисленные факторы сразу заполняют ту нишу пустоты системы ценностей у молодежи, что позволяет приводить ее в движение, когда это выгодно политическим авантюристам.

Достойным ответом на данные вызовы может служить улучшение качества дошкольного и среднего образования, а также создание условий, при которых каждая личность может

реализовать свои возможности. Именно общество с высоким уровнем образования вкупе со справедливой системой реализации своих возможностей сможет противостоять вызовам глобализации информационного пространства.

Библиографический список

1. Быков, А. Ю. Геополитическая природа информационного пространства // Демократия и журналистика: сб. ст. науч.-практ. семинара «Век информации», 26 нояб. 2003 г. СПб., 2003. Т. 2. С. 28–29.

2. Гозгешева, С. М. Трансформация и сохранение традиционных ценностей (на примере Северного Кавказа) // Университетские чтения-2011: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Ч. XIV. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. С. 12–17.

3. Фрустрация (от лат. frustratio – обман, тщетное ожидание). URL: <http://psi.webzone.ru/st/119500.htm> (дата обращения 12.02.2017).

УДК 351.749
ББК 67.401.133.12

МУНИЦИПАЛЬНАЯ МИЛИЦИЯ КАК ФОРМА ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Е. В. Зудова

Аннотация. В статье рассматриваются формы реализации органами местного самоуправления полномочий по обеспечению законности и правопорядка на территории муниципальных образований. Определяются вопросы, входящие в компетенцию органов местного самоуправления по охране общественного порядка, в том числе касающиеся противодействия экстремистской деятельности. Обсуждается возможность реализации законопроекта о муниципальной милиции как реально действующей социальной технологии в Российской Федерации.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, экстремизм, муниципальная милиция, добровольная народная дружина, охрана общественного порядка.

MUNICIPAL MILITIA ASA FORM OF ENFORCEMENT OF PUBLIC ORDER IN MUNICIPAL INSTITUTIONS

E. V. Zudova

Abstract. In the article the forms of exercise of powers by local government bodies are shown. They ensure law and order on the territory of municipal institutions. The issues covering the competence on enforcement of public order as well as on counteraction of extremist activity are defined. The possibility of realization a draft on municipal militia as a real functional social technology in the Russian Federation is discussed.

Key words: local government bodies, extremist activity, municipal militia, voluntary people's patrol, enforcement of public order.

В системе уровней публичной власти ближе всего к населению и его проблемам находятся органы местного самоуправления. Согласно теории социального обслуживания в основе функционала муниципалитетов стоит благосостояние местных жителей посредством организации обслуживания населения, в том числе оказания

услуг по охране и защите прав и законных интересов граждан на территории муниципального образования. Остро встает вопрос о возможности реализации одной из важнейших функций органов местного самоуправления, учитывая специфику российской действительности. Многие исследователи утверждают, что социально-

экономический кризис влияет на рост уровня преступности, приводят примеры увеличение уровня насилия, в том числе семейного, особенно в районах, страдающих от безработицы и низкого уровня доходов [7, с. 175]. Проблема безработицы молодежи на селе, заключающаяся в дефиците рабочих мест, низкой заработной плате, тяжелых условиях труда, становится предпосылкой для распространения девиантного поведения, в первую очередь, преступности [4, с. 33].

В функциональные обязанности органов местного самоуправления муниципального района и городского округа входит не только обеспечение охраны общественного порядка на территории муниципального образования, но и участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма [3]. Первостепенной задачей органов местного самоуправления в вопросах предупреждения экстремизма является ориентирование на нейтрал-

зацию криминогенных факторов с помощью мер социально-экономического характера [1].

Как показывают данные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел о состоянии преступности в России за последние три года, число зарегистрированных преступлений террористического характера в 2016 г. выросло почти вдвое (на 97,4 %) по сравнению с 2014 г., а экстремистской направленности на 40,2 % за тот же период. В то же время число преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении вышеуказанных социальных слоев, заметно уменьшилось за три года, несмотря на небольшой скачок в 2015 году. Эти тенденции указывают на факт, что все чаще в преступлениях террористического характера, а особенно экстремистской направленности, участвуют российские граждане, состоящие в общественных и религиозных организациях, которые призывают к агрессии и насилию.

	Январь – декабрь 2014	Январь – декабрь 2015	Январь – декабрь 2016
Количество зарегистрированных преступлений террористического характера	1128	1538	2227
Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности	1034	1329	1450
Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации	45538	48210	43933
В том числе гражданами государств-участников СНГ	39438	42070	38501
Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	17309	17289	15660

Высокий удельный вес преступлений экстремистского характера является следствием значительного роста распространения экстремистских материалов в средствах массовой информации и интернете, где пропагандируются идеи национализма, нацизма, расового превосходства, в первую очередь, среди молодежи. В федеральном законодательстве отсутствует определение экстремизма, но существует правовая регламентация ответственности за противоправные деяния, такие как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ).

Деятельность по предупреждению экстремизма в органах местного самоуправления реализуется посредством взаимодействия с право-

охранительными органами, общественными и религиозными организациями, физическими лицами. Например, на территории Волгоградской области в каждом муниципалитете существуют антитеррористические комиссии, основными задачами которых являются профилактика терроризма, минимизация и ликвидация последствий его проявлений. Основным механизмом деятельности комиссии выступает организация взаимодействия подразделений территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

В России существует практика создания таких форм реализации законности и правопорядка на территории муниципальных образований, как подразделения муниципальной милиции, добровольные народные дружины и казацкие дружины. Наиболее популярной является идея создания муниципальной милиции как органа местного самоуправления или подразделения местной администрации. Работающая исключи-

тельно в пределах городских округов или муниципальных районов муниципальная милиция способна помогать «полиции и иным правоохранительным органам» в обеспечении безопасности граждан, в том числе в урегулировании экстремистских конфликтов еще на этапе зарождения. Основным направлением деятельности муниципальной милиции, как правило, выступают превентивные меры: проверка документов, осмотр и опрос жителей муниципалитета, ограничение передвижений человека или транспортного средства, полицейская опека и так далее.

Проекты о создании муниципальной милиции сталкиваются с основной проблемой, касающейся местных органов власти в целом, – это финансирование, которое с учетом специфики деятельности должно закладываться в муниципальный бюджет. Следует отметить, что в 1999 г. проводился эксперимент по созданию муниципальной милиции в десяти регионах под руководством главы Министерства внутренних дел Владимира Рушайло, который признали неудачным, прежде всего из-за проблем с финансированием, и буквально на следующий год отменили Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина. В законе о МСУ предусмотрено создание муниципальной милиции, но оно было отложено до «принятия закона о муниципальной милиции». Такие проекты обсуждались в Государственной Думе по инициативе коммунистов в 2011 г. и представителей Справедливой России – Сергея Миронова, Татьяны Москальковой и Михаила Емельянова – в 2014 г., но были отклонены.

В 2016 г. в СМИ активно публиковались информация о направлении проекта закона о муниципальной милиции, подготовленного МВД России, в регионы для ознакомления и высказывания замечаний [5]. Эксперты Комитета гражданских инициатив провели анализ проекта созданий муниципальной милиции, на основе которого был сделан вывод о целесообразности создания такого органа местной власти. К причинам недостаточно эффективной работы полиции, в первую очередь, отнесли отсутствие гражданского контроля и связи с обществом и местными властями.

Национальная служба новостей в октябре 2016 г. на своем портале опубликовала статью «Муниципальная милиция поможет решить проблему сокращения штата сотрудников Росгвардии», в которой говорилось о готовности к обсуждению создания муниципальной милиции Министерством внутренних дел [6]. Из интервью с председателем Московского профсоюза поли-

ции Михаилом Пашкиным стало понятно, что для МВД это вынужденная мера в связи с сокращением штата сотрудников из-за ограничения их деятельности по территориальному принципу (сотрудники не имеют права составлять административный протокол на граждан, если те совершают правонарушения не на территории охраняемых объектов). Милиционеры, состоящие на муниципальной службе, смогли бы восполнить численный недостаток полиции на местах. Инициаторы обсуждения считают, что деятельность муниципальной милиции должна заключаться в охране правового порядка на уровне административных правонарушений, таких как курение в общественных местах, незаконный выгул собак и прочие мелкими правонарушения.

Народные и казачьи дружины тоже являются формами реализации органами местного самоуправления полномочий по обеспечению законности и правопорядка на территории муниципальных образований. В Волгограде с 1997 г. действует местная общественная организация «Народная дружина Волгограда», а в 2011 г. в ее составе был образован Молодежный казачий отряд, состоящий из членов окружного казачьего общества «Волгоградский округ» ВКО «Всеволокское войско Донское». Дружины и отряды формируются из студентов, бывших военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, которые могут участвовать в охране общественного порядка в свободное от основной деятельности время.

За двадцатилетнюю историю волгоградская народная дружина много раз преобразовывалась. Одним из последних нововведений стало создание постояннодействующего коллегиального совещательного органа – Координационного совета по вопросам взаимодействия и координации деятельности народных дружин на территории городского округа город-герой Волгоград в 2016 году. Согласно постановлению администрации Волгограда от 31 марта 2016 г. N 441, Координационный совет обеспечивает организацию взаимодействия и координацию деятельности с органами государственной власти, полицией и иными правоохранительными органами, а также с органами местного самоуправления.

Работа таких органов охраны правопорядка, как правило, заключается в патрулировании улиц, организации безопасности в местах массового скопления людей и на транспорте. Народные дружинники усиливают полицейский патруль и помогают выявлять подозрительные предметы, сообщают в правоохранительные органы о подозрительных личностях, что способ-

ствуется консолидации сил в противостоянии террористической угрозе. В то же время они сильно ограничены в своих действиях и имеют только вспомогательный функционал, в отличие от полномочий и прав муниципальной милиции, указанных в законопроекте МВД России (например, задержание граждан, проникновение в жилище, составление протоколов и т.д.).

В России существует институт помощников участкового уполномоченного полиции, которые вносят неоценимый вклад в урегулирование общественного порядка на территориях, где на одного участкового приходится до 3500 тыс. населения, зачастую разбросанного по достаточно отдаленным друг от друга поселениям. Такие сотрудники имеют тот же функционал, что и участковые, только к ним не предъявляются требования высшего образования, они получают сержантское звание, а не офицерское, и их заработная плата ниже. К сожалению, в 1990-е гг. такая практика была более популярна, и муниципалитеты признавали её положительный результат, учитывая возможность оплаты труда помощников участковых от находящихся на территории муниципалитета предприятий. В настоящее время помощник участкового – редкое явление в связи с общим сокращением штата МВД, подобный инцидент в последний раз был отмечен в Новосибирской области в 2015 году [8].

Безусловно, муниципальная милиция может стать реальной силой предотвращения правонарушений, но путь к её становлению как реально действующей социальной технологии будет долгим и сложным. Необходимо сформировать правовые, финансовые, организационные, кадровые, материально-технические и иные условия для успешной деятельности муниципальной милиции до принятия закона. Одним из принципов деятельности муниципальной милиции в законопроекте выступает общественное доверие и поддержка граждан, что является основным препятствием создания подобного органа охраны правопорядка в условиях современной российской действительности. По мнению И. В. Иванько, говорить о формировании дееспособной муниципальной милиции в нашей стране определено рано, учитывая низкую степень развитости гражданского общества и отсутствие правовых и материальных предпосылок [2]. С учетом популярности вопроса о финансовой зависимости местных органов власти финансовое обеспечение муниципальной милиции, которое становится расходным обязательством муниципального образования, выступает еще одним препятствием в реализации подобного проекта.

Видимо, авторы законопроекта исказили понятие муниципальной милиции, направленной на поддержание общественного порядка исключительно в пределах муниципального образования, когда определили возможным привлечение сил и средств этого органа к охране общественного порядка за пределами муниципального образования, тем самым усилив централизацию власти. Правительство Российской Федерации не поддержало законопроект «О муниципальной милиции» в связи с необоснованным расширением компетенций органов местного самоуправления и выходом за пределы охраны общественного порядка, а также противоречий законодательства Российской Федерации и положений законопроекта по вопросам прохождения муниципальной службы и финансового обеспечения муниципальной милиции. Тем не менее обсуждение создания муниципальной милиции продолжает наращивать обороты как в политической практике, так и в научной сфере общественной жизни, учитывая значимость местных органов власти в реализации охраны общественного порядка посредством организационно-управленческих и практических мер, предпринимаемых властными структурами и гражданскими институтами общества на определенных территориях.

Библиографический список

1. Деккерт, Д. В. Роль органов местного самоуправления в предупреждении экстремизма в контексте охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности / Д. В. Деккерт, В. А. Мамедов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31.
2. Иванько, И. В. Формы реализации функции охраны общественного порядка органами местного самоуправления / И. В. Иванько // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 27 (244).
3. Касютин, Д. Л. Особенности участия органов местного самоуправления в мероприятиях, по противодействию терроризму и экстремистской деятельности в Российской Федерации / Д. Л. Касютин // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №2.
4. Морозова, С. И. Проблемы безработицы и занятости сельской молодежи как фактор устойчивого развития территории / С. И. Морозова, Е. С. Подъяблонская // Экономика, управление, финансы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Зебра, 2015. С. 31–34.

5. Московенко, В. Муниципальная милиция: за и против / В. Московенко // Госвопрос. 30 сентября 2016. URL: <http://gosvopros.ru/territory/khozyaystvo/militia/> (дата обращения: 25.02.2017).

6. Муниципальная милиция поможет решить проблему сокращения штата сотрудников Росгвардии // Национальная служба новостей. 15 октября 2016. URL: <http://nsn.fm/society/munitsipalnaya-militsiya-pomozhet-reshit-problemu-sokrashcheniya-shtata-sotrudnikov-rosgvardii.php> (дата обращения: 20.02.2017).

7. Подоприхин, А. П. Преступность в России в период финансово-экономического кризиса / А. П. Подоприхин // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1.

8. Помощников участковых вместо участковых набирает полиция Искитима // Канал новостей Новосибирск. 25.08.2015. URL: http://novosibirskvesti.ru/news/avto/23761_pomoshnikov-uchastkovih-vmesto-uchastkovih-nabirae.html (дата обращения: 30.03.2017).

УДК 328.32

ББК 66.3(2Рос)68

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ – ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. В. Черницына

Аннотация. В статье рассматривается парламентская оппозиция – политический институт, без которого невозможно становление и развитие стабильной политической системы в современном демократическом государстве. Автором проанализированы основные тенденции и характерные особенности парламентской оппозиции современной России.

Ключевые слова: парламентская оппозиция, парламентаризм, Государственная Дума РФ, политическая конкуренция, политические партии и фракции, власть и демократия в современной России.

THE PARLIAMENTARY OPPOSITION – THE PHENOMENON OF THE POLITICAL PRACTICE OF MODERN RUSSIA

O. V. Chernitsyna

Abstract. The article discusses the parliamentary opposition – political institution, which is essential for the formation and development of a stable political system in a modern democratic state. The author analyzes the main trends and characteristic features of the parliamentary opposition in modern Russia.

Key words: The parliamentary opposition, parliamentarism, The State Duma of the Russian Federation, political competition, political parties and factions, power and democracy in modern Russia.

Востребованность комплексного исследования парламентской оппозиции – особой формы политической оппозиции в демократическом обществе – актуализирована политической практикой и ростом гражданской активности, развитием политической системы и объективацией политической конкуренции в современной России.

Парламентской оппозицией в российской практике в самом широком смысле принято называть организацию по партийному критерию – фракцию, которая всеми доступными средствами ведет антиправительственную деятельность, добиваясь его отставки и своего прихода к власти [9, с. 112]. Вместе с тем подобное понимание пар-

ламентской оппозиции достаточно ограничено, поскольку парламентская оппозиция использует в своем арсенале не все доступные, а прежде всего конституционные способы борьбы: партия «Справедливая Россия» – «прямые и честные выборы высшей власти» [13], Либерально-демократическая партия России – «конкурентную борьбу на выборах» [12], Коммунистическая партия Российской Федерации – «формы внепарламентской и парламентской борьбы» [11].

Выявляются в современных российских реалиях и различные внешне-критичные дефинитивные предикаты парламентской оппозиции: «совокупность отстраненных от власти партий», «альтернативная власть», «назначаемая оппози-

ция», «ручная» оппозиция, «пятая колонна», «имитационная оппозиция», «псевдооппозиция», где парламентская оппозиция предстает как установленная правящим классом с целью создания видимости политического плюрализма для поддержания имиджа демократического государства в глазах мирового сообщества, а также для недопущения появления реальной оппозиции или дискредитации деятельности существующей оппозиции [5, с. 47].

Осмелимся утверждать, что подход к определению сущности рассматриваемого феномена как «назначаемой» или «установленной» является достаточно поверхностным. Парламентская оппозиция является избранной на основе политической конкуренции посредством всеобщих выборов политической силой, следовательно, легитимна и легальна [14].

Несмотря на отсутствие законодательного определения понятия «парламентская оппозиция» в современной России, сам термин используется в нормативно-правовых актах федеральных и региональных органов государственной власти, политических заявлениях, Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации, материалах опросов и мониторингов общественного мнения, медийных порталах, блогах, сети Интернет.

Тема оппозиции и оппозиционности звучит в риторике Президента Российской Федерации. В. В. Путин на Большой пресс-конференции 18 декабря 2014 г., отвечая на вопрос о политической оппозиции, разграничил оппозиционера и представителя так называемой «пятой колонны», определяя оппозиционера как порой очень жесткого, но, в конечном итоге, до конца борющегося за интересы своей Родины; в то время как представитель «пятой колонны» – инструмент исполнения интересов и достижения политических целей, продиктованных недружественными государствами [3]. Вместе с тем глава государства видит необходимость усиления парламентской оппозиции с наделением дополнительными полномочиями, в том числе правом выдвижения кандидатуры на пост председателя, заместителя и аудиторов Счетной палаты [10]. Заметим, что подобный подход к определению оппозиции выделяет ценностный аспект сущности феномена и значим с позиции государственной идеологии, в то время как политическая наука акцентирована на исследовании оппозиции как объекта политической реальности.

По мнению публициста и общественного деятеля С. Г. Кара-Мурзы, наличие даже сильной оппозиционной фракции в Государственной Ду-

ме РФ «проблемы политической оппозиции не решает», но может быть очень полезно именно для самоорганизации сил сопротивления «внизу», и задача оппозиции состоит в том, чтобы, освоив знания, богатый опыт Российской империи и СССР, предложить обществу альтернативные проекты будущей модернизации России с новым государственным порядком. Однако от самой оппозиции требуется трезво представлять «карту противоречий» и структуру стоящих за ними социальных сил. Лишь в этом случае, по мнению аналитика, возможна реалистичная и рациональная постановка целей, учет ограничений, расчет сил и выбор оптимальной альтернативы. Только такие ценностные установки способны придать оппозиции силу и обеспечить массовую поддержку [6, с. 304].

Соглашаясь с мыслью исследователя о необходимости «починки сознания» оппозиции, необходимо конкретизировать, что именно власть обладает универсальными источниками развития, «проистекающими из насилия, богатства и знания» [15], постоянно реструктурируется, приобретает новые формы, а значит и оппозиция для успешного противостояния должна быть свободной, гибкой, обладать таким ресурсом, как информация и знание. Логично утверждать, что парламентская оппозиция играет здесь определяющую роль, ведь Государственная Дума РФ предоставляет большие информационные возможности, которые оппозиция больше нигде получить не сможет, что и определяет ее потенциал, который необходимо активно использовать.

Б. И. Макаренко – российский политолог, председатель правления Центра политических технологий – определяет парламентскую оппозицию через оппозиционность Кремлю, выражающуюся в голосовании против кремлевских инициатив и кандидатур или персонализированной критике власти, в том числе по важнейшим вопросам, выдвижении предложений по радикальному пересмотру политической системы, экономической и социальной политики. Проводя дифференциацию парламентской оппозиции по идейно-политическому позиционированию к федеральной власти, Б. И. Макаренко выделяет «жестко оппозиционную Кремлю» партию – КПРФ и партии, занимающие позицию частичной поддержки и частичной критики власти, с обезличенным характером оппозиционной риторики, без «перехода на личности» и с сохранением лояльности власти практически по всем ключевым вопросам – Справедливая Россия, ЛДПР [7].

Согласно положениям партийной программы КПрФ выступает «за мирный переход к социализму», а значит вряд ли КПрФ можно однозначно причислить к «жесткой» оппозиции. Кроме того, в ситуации скорейшего реагирования на крымские события февраля-марта 2014 г. и необходимости правовой интеграции Крыма и Севастополя КПрФ, как и все другие фракции Государственной Думы РФ VI созыва, в том числе оппозиционного спектра, проявили, по словам главы государства В. В. Путина, «такую сплочённость, которой могут по праву гордиться избиратели» [4].

Отметим и прямо противоположное мнению Б. И. Макаренко высказывание критика Кремля С. А. Белковского, который при анализе лидеров, состава участников, источников финансирования современной оппозиции партиями парламентской оппозиции – КПрФ, ЛДПР и «Справедливой России» отводит уже не борьбу за власть, а борьбу за право играть роль, назначенную нынешней властью [2, с. 117].

Аналогичное мнение высказывают и сами представители политической оппозиции, оценивая состояние отечественного оппозиционного движения, его эффективность, и нередко отводят государству и власти роль «первой скрипки». Так, лидер «Справедливой России» С. М. Миронов в недавнем интервью довольно откровенно высказался об отношении к действующей власти: «Наша партия во многом поддерживает Владимира Путина, во внешней политике на 100 %, во внутренней – с правительством не согласны, но многое поддерживаем» [8].

Следует согласиться с С. А. Авакьяном в части, что «приходится констатировать отсутствие ясности в понятийном аппарате данного явления...», и не согласиться, что «отсутствие ясности в том, что считать оппозицией, сказалось на конституционно-правовом регулировании, – в России нет закона, закрепляющего, кто вправе претендовать на статус политической оппозиции в обществе и государстве, парламентской оппозиции в Государственной Думе и других представительных органах власти» [1, с. 14]. Конечно, определение конституционно-правового статуса политической оппозиции, создание специальных правовых норм позволят решить некоторые проблемы оппозиции, в частности, выполнить международные обязательства, которые взяла на себя Россия как демократическое государство. Вместе с тем отсутствие институционального оформления не исключает существование оппозиции как феномена российской реальности и политической практики, а также не от-

меняет право политических партий быть избранными и иметь свою политическую программу, противоречащую официальному курсу и правящей партии.

Заметим, что при определении роли и места парламентской оппозиции в политическом процессе современной России возникают трудности, носящие объективный характер, что связано как с недостаточной аналитикой понятийного содержания парламентской оппозиции, так и с противоречивыми подходами к исследованию сущности феномена. Вместе с тем выявление взаимосвязей с такими основными политологическими категориями, как «власть», «гражданское общество», «общественное мнение», СМИ, «политическая конкуренция», «политические отношения», «политический режим», «политические партии», позволяет выделить характерные особенности и сформулировать авторское определение парламентской оппозиции.

Парламентская оппозиция – особенная видовая форма политической оппозиции, в представительном органе власти реализуемая посредством всеобщих выборов и обладающая законными конституционными возможностями влияния на политические отношения с целью изменения существующей системы власти и общества.

Библиографический список

1. Авакьян, С. А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1.
2. Белковский, С. А. Черная метка оппозиции. Серия «Протоколы кремлевских мудрецов» / С. А. Белковский. М: Алгоритм, 2013. 272 с.
3. Большая пресс-конференция Владимира Путина. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47250>. (дата обращения 12.02.2017).
4. Владимир Путин выступил на пленарном заседании Государственной Думы. Глава государства подвёл итоги работы депутатов за пятилетнюю сессию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52198>. (дата обращения 14.12.2016).
5. Воробьев, А. А. Эффективность политической оппозиции в России: экспертные оценки / А. А. Воробьев // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13.
6. Кара-Мурза, С. Оппозиция, или как противостоять Путину / С. Кара-Мурза. М.: Алгоритм, 2012. 304 с.

7. Макаренко, Б. И. Партийная система России в 2008 году / Б. И. Макаренко / Ежегодный доклад ИнОП «Оценка состояния и перспектив политической системы России» 2009. URL: <http://www.inop.ru/page529/page484/>. (дата обращения 22.01.2017).

8. Миронов, С. М. Голосовать за Путина – не буду / С. М. Миронов // Независимая газета. 2017. № 037 (6934).

9. Политология. Краткий словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 448 с.

10. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/17118_ (дата обращения 22.01.2017).

11. Программа КППФ. URL: <https://kprf.ru/party/program>. (дата обращения 17.02.2017).

12. Программа ЛДПР. URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/. (дата обращения 17.02.2017).

13. Программа партии Справедливая Россия. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_76349.html. (дата обращения 17.02.2017).

14. Российская Федерация. Законы. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 05.04.2016) Российская Федерация. Законы. – Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения 15.12.2016).

15. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. Перевод на русский язык: В. В. Белокосков, К. Ю. Бурмистров, Л. М. Бурмистрова, Е. К. Комарова, А. И. Мирер, Е. Г. Руднева, Н. А. Строилова URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4857> (дата обращения 10.03.2017).

УДК 328 (470.45)

ББК 67.400.622 (ПРОС-4ВОК)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АППАРАТА РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ

А. С. Васюков

Аннотация. В статье приводятся несколько определений понятия «парламент», рассматривается формирование и правовое обеспечение Волгоградской областной Думы.

Ключевые слова: парламент, аппарат, правовое обеспечение, формирование парламента, федерализм, депутатский корпус.

THE FEATURES OF FORMATION AND LEGAL SUPPORT OF THE ACTIVITY OF THE REGIONAL PARLIAMENT OF THE VOLGOGRAD REGIONAL DUMA

A. S. Vasyukov

Abstract. the article contains several definitions of the concept of "parliament", the formation and legal support of the Volgograd regional Duma is considered.

Key words: parliament, apparatus, legal support, formation of parliament, federalism, deputy corps.

Понятие «парламент» прижилось в России сравнительно недавно. В период перестройки страна пережила много экономических и политических потрясений. Однако, несмотря на почти двадцатилетнюю историю новой России, «парламентаризм» и «парламент» не имеют четкого определения в научной среде. Связано это, на наш взгляд, с разными подходами к этим понятиям. М. А. Моргунова, говоря о парламентаризме, отмечает, что его сущностью всегда интересовались как политологи,

так и юристы, и социологи, и журналисты, но во всех научных статьях мнения относительно данного вопроса разнятся [5, с. 27]. Так, М. В. Баглай придерживается той точки зрения, что парламент – это основа государственных органов [1, с. 301]. Цитируя Р. М. Романова, Л. Д. Буринова отмечает, что под парламентаризмом нужно понимать особую систему управления обществом, в которой четко распределены законодательные и представительные функции власти [2 с. 107].

Как можно видеть, в научной среде представлено множество мнений относительно понятия парламента, но главным остается то, что парламент – это организация власти, которая опирается на культурные и исторические традиции государства. Однако правильным, на наш взгляд, будет мнение о том, что истинный парламентаризм представляет собой отдельную ветвь государственной власти, в основе которой – взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью.

Поскольку Россия является федеративным государством, то необходимо упомянуть о понятии термина «федерализм». В прямом смысле слова, это разделение власти между регионами и центром. Регионам предоставляется возможность решения вопросов в пределах их ведения. Кроме того, федерация состоит из равноправных субъектов; равноправие означает наличие одинаковых возможностей в осуществлении прав и обязанностей. В Российской Федерации парламентаризм построен на принципе федерализма с разделением уровней власти «по вертикали» (т.е. четкое разграничение ведения и полномочий органов государственной власти). Учитывая федеративное устройство государства, парламент существует не только на федеральном уровне, но и на региональном.

На сегодняшний день парламенты являются главными представительными и законодательными органами в системе управления властей. В структуре парламента выделяют следующие подразделения: палаты парламента, аппарат парламента, руководство парламента, комитеты и комиссии парламента и депутатские объединения. Руководитель регионального парламента является председателем. В некоторых субъектах руководитель имеет одного или нескольких заместителей, которые подотчетны руководителю и избираются на весь срок полномочий парламента. Количество заместителей определяется парламентом. В их полномочия входит координация деятельности комитетов и комиссий, разрешаются вопросы внутреннего распорядка деятельности парламента. В определенных случаях, по поручению председателя парламента, заседания проводит один из его заместителей. Однако можно досрочно прекратить деятельность не только заместителей председателя парламента, но и его председателя. Это возможно в случае их отзыва депутатами.

Количество комиссий и комитетов формируется региональным парламентом самостоятельно. Постоянные комитеты и комиссии определяются по функционально-отраслевому и от-

раслевому принципам. Постоянные комитеты и комиссии могут формировать свои подкомиссии. К временным комитетам и комиссиям относят ревизионные, следственные, редакционные и другие.

Депутатский корпус представляет собой внутрипарламентские формирования депутатов, которые создаются на основе общности политических взглядов. Как правило, они придерживаются единой позиции в принятии согласованных решений по вопросам работы парламента. Депутатские объединения избираются на весь срок полномочий регионального парламента. Их именуют фракциями и депутатскими группами. Фракции создаются по политическому признаку, а группы по территориальному или профессиональному признаку.

По состоянию V созыва (2014–2019 гг.) Волгоградской областной Думы, депутатский корпус включает в себя 14 депутатов, работающих на постоянной основе и 24, совмещающих депутатскую деятельность с основным местом работы. Кроме того, в структуре Волгоградской областной Думы сформировано 10 комитетов и 2 комиссии. Председатель Волгоградской областной Думы имеет трех заместителей.

Согласно положению об аппарате Волгоградской областной Думы от 23.10.2014 №3/124 «аппарат Волгоградской областной Думы является постоянно действующим органом Волгоградской областной Думы, осуществляющим организационное, юридическое, информационное, аналитическое, кадровое, документационное, материально-техническое, социально-бытовое и хозяйственное обеспечение Думы»[4].

Аппарат регионального парламента является вспомогательным рабочим органом и выполняет функции по организационному, правовому, материально-техническому и другому обеспечению. В отличие от председателя парламента, его заместителей, депутатов и других ключевых фигур парламента аппарат является постоянно действующим органом и не зависит от срока полномочий названных элементов законодательного органа субъекта.

Важной составляющей работы аппарата областной Думы является делегирование функций между структурными подразделениями. Это определяется положениями о структурных подразделениях, различными должностными регламентами государственных гражданских служащих аппарата и должностными инструкциями сотрудников аппарата. Такие нормативные документы утверждаются председателем Думы.

Контролирует работу аппарата руководителя, который назначается председателем Думы. В соответствии с «Положением об аппарате Волгоградской областной Думы» в функциональные обязанности руководителя аппарата входят:

- организация деятельности аппарата и ответственность за выполнение возложенных на аппарат задач;

- координация и контроль над деятельностью структурных подразделений, входящих в состав аппарата;

- представляет аппарат при взаимодействии с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, гражданами, политическими партиями, иными общественными объединениями и организациями, средствами массовой информации и т.д.

Как нами уже было отмечено, аппарат Думы является постоянно действующим органом и переходит к следующему составу депутатов. В соответствии с гл. 6 ст. 24 п. 1 «Регламента Волгоградской областной Думы» аппарат состоит из государственных гражданских служащих и иных сотрудников (работников), обеспечивающих правовую, организационную и материально-техническую деятельность Думы, оказывающих консультативную и иную помощь депутатам и органам Думы [5].

Данный Регламент определяет и назначение на должность руководителя аппарата. Так, ст. 25 п. 1 устанавливает, что руководитель аппарата Думы назначается на должность и освобождается от должности председателем Думы в соответствии с законодательством о государственной гражданской службе и трудовым законодательством. Кроме того, прием на работу сотрудников аппарата осуществляется председателем Думы.

Помимо региональных законов и положений, правовое обеспечение регионального парламента в полной мере определяется Федеральным законом от 06.10.1999 №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Закон определяет: «Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации является постоянно действующим высшим и единственным органом законодательной власти субъекта Российской Федерации» (ст. 4 п. 1). Согласно этому закону региональный парламент:

- принимает конституцию субъекта Российской Федерации и поправки к ней, если иное не установлено конституцией субъекта Российской Федерации, принимает устав субъекта Российской Федерации и поправки к нему;

- осуществляет законодательное регулирование по предметам ведения субъекта Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в пределах полномочий субъекта Российской Федерации;

- заслушивает ежегодные отчеты высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) о результатах деятельности высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, в том числе по вопросам, поставленным законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации;

- осуществляет иные полномочия, установленные Конституцией Российской Федерации настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта Российской Федерации.

Согласно закону субъекта Российской Федерации (Уставу Волгоградской области):

- утверждаются бюджет субъекта Российской Федерации и отчет о его исполнении, представленные высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации);

- утверждаются программы социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, представленные высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации);

- устанавливаются налоги и сборы, установление которых отнесено федеральным законом к ведению субъекта Российской Федерации, а также порядок их взимания;

- утверждаются бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов субъекта Российской Федерации и отчеты об их исполнении и т.д.

Подводя итог, отметим, что к особенностям формирования аппарата парламента Волгоградской областной Думы относятся следующие признаки.

1. Предельная штатная численность аппарата утверждается постановлением Думы по представлению председателя Думы в пределах средств, предусмотренных сметой расходов на содержание Думы. Штатная численность структурных подразделений аппарата устанавливается председателем Думы.

2. Правовое положение сотрудников аппарата, замещающих должности государственной гражданской службы Волгоградской области, и процесс прохождения ими службы регламентируются федеральным законодательством и законодательством Волгоградской области о государственной гражданской службе.

3. Профессиональная служебная деятельность государственного гражданского служащего аппарата осуществляется в соответствии с должностным регламентом, разрабатываемым непосредственным руководителем служащего по согласованию с вышестоящими руководителями и отделом кадров, государственной службы и охраны труда и утверждаемым председателем Думы.

4. Трудовая деятельность сотрудников аппарата, замещающих должности, не отнесенные к должностям государственной гражданской службы Волгоградской области, регулируется законодательством Российской Федерации о труде.

Структурные подразделения аппарата возглавляют руководители, которые назначаются на должность и освобождаются от нее председателем Думы в соответствии с законодательством о государственной гражданской службе (Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ). Правовое обеспечение сотрудников аппарата регулируется федеральным законодательством (Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ) и законодательством Волгоградской области о

государственной гражданской службе (Закон Волгоградской области «О государственной гражданской службе Волгоградской области» № 1045-ОД). Деятельность государственного гражданского служащего аппарата Волгоградской областной Думы осуществляется в соответствии с должностным регламентом, который разрабатывается руководителем по согласованию с вышестоящим руководством и начальником отдела кадров. В свою очередь, трудовая деятельность сотрудников аппарата регулируется законодательством Российской Федерации о труде (Федеральный закон «Трудовой кодекс Российской Федерации» № 197-ФЗ).

Библиографический список

1. Баглай, М. В. Малая энциклопедия конституционного права / М. В. Баглай. М.: БЕК, 1998. 516 с.
2. Буринова, Л. Д. Российский парламентаризм: общие понятия и ценностная характеристика / Л. Д. Буринова // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 1 (17).
3. Волгоградская область. Администрация. Приложение к постановлению Волгоградской областной Думы от 18 ноября 2015 г. № 23/1453 Регламент Волгоградской областной Думы. Общие положения. URL: <http://volgoduma.ru/reglament.html> (дата обращения 12.11.2016).
4. Волгоградская область. Администрация. Об аппарате Волгоградской областной Думы Постановление от 23 октября 2014 г. № 3/124 / Волгоградская область. Законы. Доступ из СПС Право Ру.
5. Моргунова, М. А. Скандинавский парламентаризм: теория и практика / М. А. Моргунова. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 350 с.

УДК 331.105.22
ББК 60.822

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Е. Р. Стаценко, И. Г. Томарева

Аннотация. В данной статье рассматриваются аспекты, которые раскрывают сущность эффективности управленческого решения. В проведенном исследовании указывается ряд закономерностей, которые необходимо учитывать в процессе принятия решения. Выделяются различные пути разрешения организационных вопросов в зависимости от специфики деятельности современного бизнеса. Анализируются типы управленческих решений, отражающие характер проблемы. Обозначаются методы, применяемые для достижения удовлетворительного результата. Рассматриваются организационные уровни, каждому из которых соответствует определенный вид решений. Уделяется внимание условиям, в которых менеджер осуществляет процесс принятия решений. Также в статье представлен алгоритм действий, который выражен в виде систематического процесса. Данная проблематика указывает на необходимость использования комплексного подхода для принятия эффективного управленческого решения.

Ключевые слова: процесс принятия решений, линейное мышление, системное мышление, запрограммированные решения, незапрограммированные решения, стратегические решения, административные решения, оперативные решения.

MANAGERIAL DECISION-MAKING

E. R. Statsenko, I. G. Tomareva

Abstract. This article represents the issues that reveal the efficiency of managerial decision-making. The research identifies the number of highly important rules which you need to follow in decision-making process. The article deals with different ways which are necessary to solve organizational problems paying attention to the specifics of modern business. It analyzes the types of administrative decisions that reflect the nature of the problem. The article considers the methods of how to achieve the necessary result. What is more, the article provides the reader with some material on the organizational levels and an appropriate type of administrative decision. Also it focuses on the conditions, when the manager makes his decision. The article gives the reader useful system on the managerial algorithm of actions. The aim of the article is to show the importance of an integrated approach for the effective managerial decision-making.

Key words: decision-making process, logical thinking, systematic thinking, programmed decisions, unprogrammed decisions, strategic decisions, administrative decisions, operational decisions.

Процесс принятия решений – это последовательность действий, которая выбрана руководством для решения управленческих задач, систематический процесс, требующий определения проблемы, создания альтернативных решений, анализа последствий, выбора решения, реализации, оценки и, соответственно, обратной связи. Для начала необходимо выяснить, как руководитель думает о решениях, какие предпочитает типы решений, стили принятия решений, организационные уровни, которым соответствуют разные виды решений, а также условия, которые так или иначе влияют на управленческие решения [4, с. 87].

Современный бизнес становится все более сложным. Мы понимаем, что эффективное принятие решений зависит от комплексного рассмотрения бизнеса. Наиболее простым подходом для решения бизнес-задач является линейное мышление.

Линейное мышление предполагает, что каждая задача имеет одно решение, и оно влияет только на проблемную область, а не на организацию в целом. Данное решение должно пройти оценку, насколько оно эффективно для той или иной проблемы. Большинство ресторанов фаст-фуда, в которых наблюдается проблема найма и удержания персонала, служит примером линейного мышления. Как показывает опыт, данные организации нанимали подростков для решения данной проблемы, это на тот момент являлось эффективным решением. В дальнейшем, когда демографическая ситуация изменилась, данная категории населения стала менее доступна, и, очевидно, упрощенное решение потеряло свое значение. На примере мы видим, что при использовании такого подхода, как линейное мышление, не был рассмотрен спектр решений, а также их влияние на деятельность всей организации.

Существует некая привлекательность в применении линейного мышления, но она не доказывает эффективный способ борьбы с организационными проблемами. Различные трудности способствовали разработке нового подхода, который называется системным мышлением.

Системное мышление – это более современный и комплексный подход к решению вопросов, который подразумевает, что проблемы носят комплексный характер и связаны с ситуацией. Решение будет характерно не только для проблемной области, оно осуществит воздействие на остальную часть организации. Следует оценить, насколько его применение эффективно решает задачи (ожидаемые результаты), а также влияет на организацию (непреднамеренные результаты). Данный подход предполагает, что проблемы, решения не постоянны, если изменяется ситуация, соответственно, меняются проблемы, что требует, в свою очередь, постоянно новых решений. Организация состоит из взаимосвязанных систем и процессов, и любое изменение в одном из аспектов непосредственно влияет на другие. Таким образом, после реализации какого-либо решения необходимо оценить влияние этого решения, а также обеспечить обратную связь в организации.

Несмотря на то, какой подход в бизнесе принимает руководитель, существует два основных вида проблем, с которыми можно столкнуться при осуществлении своей деятельности. Характер проблемы будет влиять на методы, применяемые для достижения удовлетворительного решения. Рассмотрим типы управленческих решений [2, с. 284].

1. Запрограммированные решения – это решения тех проблем, которые хорошо понимаемы, структурированы, повторяемы и которые поддаются систематическим процедурам и правилам.

2. Незапрограммированные решения – такие решения, которые не до конца изучены, недостаточно структурированы, как правило, уникальны и которые не поддаются рутинным, систематическим процедурам.

Менеджеры, особенно на более высоких уровнях организации, принимают много незапрограммированных решений в процессе определения целей организации и реализации их в повседневной деятельности. Незапрограммированные решения важны для бизнеса и для руководящих должностей. Эффективность менеджера и будущее организации часто будут судить по качеству принятия решений. Организации создают учебные программы в области процесса

принятия решений, чтобы помочь обучить менеджеров. Многие управленцы выбирают передовые образовательные степени в бизнесе, и большая часть этого образования учит анализу проблем и принятию решений. Одним из наиболее популярных способов развития аналитических способностей и навыков по принятию управленческого решения является бизнес-кейсы. Бизнес-кейсы – это письменная история бизнес-проблемы и порядок, в котором управление ее решило. Хороший бизнес-кейс не направлен на то, чтобы обучить уникальному решению, хотя оно может быть полезным, этот метод необходим для рассмотрения, как это решение работает в конкретной ситуации. Наибольшая польза от бизнес-кейса – узнать, как было принято решение и как решение выбрано. Методология принятия решения может быть применена к другим проблемам.

Так как существуют различные виды бизнес-решений, соответственно, различают множество уровней их принятия [4, с. 92].

Стратегическими решениями являются те, которые определяют цели и направления организации. Следует отметить, что процесс принятия данного вида решений – во многом задача именно топ-менеджера, так как он комплексно рассматривает все элементы своей организации и интегрирует их в единое целое. Решения, принятые на этом уровне, определяют, как данный бизнес будет адаптирован к внешней среде. Они должны быть конкретными для понимания и применения на всех уровнях и подразделениях организации.

Административные решения принимаются на более низком уровне, чем ранее обсуждавшиеся. Как правило, они являются продуктом менеджеров среднего звена. Эти решения касаются разработки тактики для достижения стратегических целей, определенных вышестоящим органом. Если стратегические решения высшего руководства неспецифичны, поскольку они применяются ко всем подразделениям внутри организации, то административные решения выражают корпоративные цели в определенной ведомственной манере. Поэтому административные решения более конкретны, чем стратегические решения, и ориентированы на действия.

Оперативные решения принимаются на самом низком уровне внутри компании и касаются курса повседневной деятельности. Эти решения определяют, каким образом будет реализовываться деятельность, предназначенная для выполнения тактических решений, принятых средним руководством. Они касаются наиболее

эффективного и действенного способа достижения целей, заявленных на административном уровне. Примерами оперативных решений являются установление графика производства, определение соответствующего уровня инвентаризации.

Принятие решений также зависит от условий, в которых оно реализуется. Таким образом, важно рассмотреть, как ситуация или обстоятельство оказывает давление на процесс принятия управленческого решения.

В условиях определенности все переменные решения и результаты каждого из них известны заранее. Менеджер может подойти к принятию решений с уверенностью, так как не будет никаких непредвиденных результатов. В этом смысле решения, принимаемые в условиях определенности, являются программными решениями. Поскольку все результаты известны до принятия решения, многие руководители предпочитают принимать решения именно в данных условиях. Это возможно только в самых простых ситуациях. Вряд ли есть знание всех возможных результатов, поэтому управление, как правило, обычно сталкивается с определенной долей риска [1, с. 148].

Риск определяется как условие, в котором результаты какого-либо решения или курса действий неизвестны, но, вероятно, будут попадать под известный диапазон. Различные менеджеры используют многие методы принятия решений в условиях риска. Рассмотрим наиболее распространенный – это риск с точки зрения вероятности, а именно: есть вероятность конкретного результата – это вариация между 0 и 1, и если вероятность конкретного результата равна 1, то она полностью известна, если вероятность равна 0, то это совершенно неизвестно [1, с. 209].

Когда менеджер не может предсказать результат управленческого решения или если результат можно предугадать, но вероятность того, что он действительно произойдет, не может быть предсказана, возникает условие неопределенности. Данное условие может быть вызвано следующими факторами: либо слишком много переменных в ситуации, либо немного переменных в ситуации, но недостаточно знаний о переменных, либо слишком много переменных и недостаточно знаний о них. В этих условиях присвоение вероятности становится невозможным.

Следует отметить, что учет вышесказанных аспектов будет успешен тогда, когда руководитель проведет объективное исследование стоящей перед ним проблемы и, прежде чем принять управленческое решение, выполнит

определенные действия. Итак, рассмотрим алгоритм принятия решений [4, с. 99].

Первым шагом в процессе принятия управленческих решений является процесс анализа ситуации. Данный пункт необходим для того, чтобы определить, действительно ли проблема существует. Сложившаяся ситуация характеризуется на основе анализа имеющихся данных. Это не всегда очевидно, поскольку есть менеджеры, заинтересованные в сохранении статус-кво и сопротивляющиеся изменениям. Эти руководители могут не оценить объективно текущую ситуацию, соответственно, на их восприятие нельзя полагаться для определения той или иной проблемы. Одним из способов, с помощью которого можно выполнить точный анализ ситуации, является привлечение внешнего консультанта. Сторонние эксперты теоретически не заинтересованы в сохранении статус-кво, таким образом, имеют возможность дать точную оценку проблемы в организации [3, с. 399].

Руководители считают, что при выполнении ситуационного анализа необходимо сосредоточить внимание на внешние и внутренние факторы, оказывающие влияние на бизнес, и на их взаимодействие. Внутренний анализ, называемый организационным аудитом, состоит из сильных и слабых сторон организации. Ситуационный анализ также требует понимание внешней реальности, возможностей и угроз, которые есть на горизонте. Другими словами, в совокупности внешний и внутренний анализ именуется как SWOT-анализ (сильные и слабые стороны, возможности и угрозы). Оба они необходимы для ситуационного анализа, так как, если существует внешняя возможность, должна быть организационная способность воспользоваться этой возможностью. Если есть внешняя возможность, но бизнес внутренне слаб, то организация должна развить необходимые силы, например, пригласить специалистов, которые обладают специальными навыками и способностями, либо она не сможет воспользоваться возможностью.

Если конечным результатом ситуационного анализа является постановка целей организации, то менеджеру необходимо знать, была ли достигнута цель. Только имея стандарты эффективности, организация способна оценить свой успех. Некоторые руководители сопротивляются установлению стандартов потому, что они создают подотчетность. Данный этап алгоритма имеет важное значение в деятельности современного менеджера.

Следующим шагом является выработка альтернатив. Всегда существует как минимум

два варианта действий: руководство может что-то сделать или ничего не делать. Первая альтернатива может, на самом деле, оказаться лучшим решением той или иной проблемы, если другой курс действий не способен достигнуть желаемый результат, либо создаст в этом процессе значительные новые проблемы. Один из методов, который часто используется с небольшой группой сотрудников для генерации большого количества альтернатив в течение короткого периода времени, является мозговой штурм. В данном методе каждый участник группы сталкивается с проблемой организации, а затем называет возможные решения. Изначально не высказываются критические высказывания, поскольку это может повлиять на дальнейший процесс поиска возможных решений. После того, как каждый участник предложил ту или иную альтернативу, каждое потенциальное решение детально анализируется группой.

Оценка последствий является следующим пунктом процесса принятия решений. Выбор предлагаемых действий осуществляется на основе сравнительного анализа их последствий. При выполнении этой оценки последствий руководство должно задать три вопроса:

1. Достигает ли эта альтернатива организационной цели?
2. Есть ли нежелательные последствия или побочные эффекты?
3. Может ли организация предоставить такую альтернативу?

Отрицательный ответ на любой из этих вопросов является убедительным свидетельством того, что такая альтернатива неприемлема.

Пилотное тестирование и полная реализация завершает алгоритм действий. Итак, после выбора действий, каждое из них необходимо протестировать. Руководители не должны приступать к полной реализации выбранных альтер-

натив, не проверив в небольших масштабах. Так как теоретические знания на бумаге могут не отразить свое действие в полной мере, как это предполагается в реальной деятельности организации. Таким образом, эксперимент дает возможность изменить план действий на основе информации, полученной в результате мелкомасштабного теста. Эта информация по изменениям называется обратной связью. После проверки и модификации выбранный курс действий будет полностью реализован. Если план работает не в полной мере, как предполагалось, он может быть изменен на основе обратной связи.

Подводя итог, следует сказать, что принятие решения является одним из главных элементов в управленческой деятельности. В современной организации существует проблема принятия рационального решения, заключающаяся в неполном выполнении соответствующих требований. Устранить данный вопрос возможно только при правильном выбранном подходе, соблюдая все правила и условия. Это позволит принять эффективное управленческое решение, которое в дальнейшем обеспечит успешное функционирование деятельности организации.

Библиографический список

1. Балдин, К. В. Управленческие решения: теория и технология принятия: учеб. для вузов / К. В. Балдин. М.: Проект, 2004. 304 с.
2. Веснин, В. Р. Менеджмент: учеб. / В. Р. Веснин. М.: Проспект, 2006. 502 с.
3. Мескон, М. Х. Основы менеджмента: пер. с англ. 3-е изд. / М. Х. Мескон. М.: Вильямс, 2008. 672 с.
4. Montana Patrick J. Management / Patrick J. Montana and Bruce H. Charnov. – Third Edition // Barron`s Educational Series, Inc. Prior editions. 2000. 541 p.

УДК 321
ББК 66.03

ОСОБЕННОЕ В СИСТЕМАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ

Ю. Б. Прибытков, Н. А. Юшина

Аннотация. В статье представлено компаративистское исследование систем местного самоуправления России и Китая. На основе анализа российской и зарубежной научной, статистической и нормативно-правовой литературы авторы рассматривают комитеты городских и сельских поселений как новые веяния в демократическом строительстве политической системы КНР и её положительные качества для РФ. Конечным итогом исследования являются выявленные особенности в двух системах местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, Россия, Китай, комитет сельских жителей, комитет городских жителей.

SPECIAL IN THE LOCAL SELF-GOVERNMENT SYSTEMS OF RUSSIA AND CHINA

Y. B. Pribytkov, N. A. Yushina

Abstract. The paper presents a comparative study of local government systems in Russia and China. Based on the analysis of Russian and foreign scientific, statistical and normative-legal literature, the authors consider the committees of city and village committees as new trends in the democratic construction of the PRC political system and its positive qualities for the Russian Federation. The final result of the study is the revealed features in the two local government systems.

Key words: local self-government, Russia, China, village people committee, city residents committee.

Сегодня одной из самых серьезных государственных и общественных проблем России остается слабая вовлеченность ее граждан в управленческие процессы на самом главном уровне – местном. Само население практически не заинтересовано в непосредственном участии в самоуправлении. Люди все еще живут стереотипами советского времени, которые проявляются в поддержке центральной власти, и воспринимают муниципальные органы, скорее, как исполнительный инструмент региональных властей.

Местное самоуправление реформируется вот уже три десятилетия в России и Китае. Однако МСУ в России не имеет явных успехов, а в Китае видны заметные результаты стратегического планирования и применения передовых технологий развития местных сообществ. В России в большинстве случаев местное самоуправление не выступает в качестве проводника экономических интересов граждан, не создано механизма стимулирования их экономической и социальной активности, а данную ему экономическую самостоятельность высшая российская бюрократия использует в решении тактических политических задач и интересов.

Необходим переход от формальной демократии к ее органическому состоянию посредством развития местного самоуправления. Уча-

стие местного сообщества в социальной, экономической и экологической сферах приводит его к активному участию и в политической сфере. Одной из ключевых вопросов развития гражданского общества является дефицит активности и неготовность местного сообщества участвовать в местном самоуправлении [7, с. 87].

В исследовании на основе сравнительного анализа систем местного самоуправления России и Китая выявляются возможные формы и технологии для развития местного самоуправления и политической культуры участия в России.

Китайский опыт развития МСУ в России является малоизученным явлением политической и социальной жизни Китая. Л. М. Лыскова в своей диссертации рассматривала опыт Китая и РФ в периоды 80-х и 90-х гг. на основе институционально-функционального метода [6]. Благодаря историческому подходу, Ю. А. Будегечиева исследовала деревенское самоуправление в КНР, уделяя внимание традиционным корням неформальным взаимоотношениям и самоорганизации на поселенческом уровне [2]. О. В. Сивинцева и С. Р. Титова изучают вопросы формирования и развития института местного самоуправления в ходе авторитарной модернизации в России и Китае. Местное самоуправление в России и Китае не является институтом публичного участия, как

в большинстве западных государств. В Китае местное самоуправление реализуется только на низовом уровне, где гражданская активность в сравнении с Россией проявляется в большей степени [8, с.87–92].

В США за последние 30 лет вырос интерес к политической и экономической системам Китая, что связывается с ростом его влияния на мировую ситуацию. Можно выделить таких ученых, как Я. Бергер, изучающего влияние демографического фактора на реформы в Китае [1] и Джон Торнтон, который выделяет кумовство, покупку голосов, избрание некомпетентных или коррумпированных представителей жителей в процессе деятельности низового уровня китайского МСУ [3]. Исследование низового уровня самоуправления в Китае авторского коллектива под названием «Grassroots Political Reform in Contemporary China» отмечает тенденцию нарастающего конфликта между экономической и партийной элитой на местах [9].

Обращаясь к опыту развития МСУ в РФ, мы можем увидеть, что в ст. 12 Конституции РФ де-юре органы МСУ не являются государственными и не входят в систему централизации власти. На основе данной конституционной нормы в федеральном законе №131-ФЗ от 2003 г. указано, что МСУ – это система проявления народом своей власти, что важно для понимания возможного стратегического развития российского общества. Фактически же осуществляются попытки подчинить различные прямыми и косвенными методами МСУ субъектам РФ. За последнее время были предприняты следующие шаги: ввод института сити-менеджера, который становится главой администраций МСУ через выборы комиссией, состоящей, как правило, на половину из членов, назначенных главой субъекта РФ; подчинение финансового обеспечения деятельности МСУ через выстраивание лояльных межбюджетных отношений субъекта РФ и МСУ; главы МСУ в подавляющем большинстве являются членами партии власти; субординационное поведение, клиентельские отношения и коррупционные связи глав администраций МСУ с вышестоящими органами власти тоже имеют место.

Прописанная в ст. 10 федерального закона №131-ФЗ российская модель МСУ характеризуется двумя уровнями, высший уровень которой составляют муниципальный район и городской округ, а низший уровень – городское и сельское поселение, внутригородские территории городов федерального значения, внутригородских районов на территории городского округа.

Большая доля муниципалитетов в существующих установленных непрозрачных правилах ведения хозяйственно-административной и политической деятельности не могут обеспечить себя за счет собственных доходов. Таким образом происходит увеличение зависимости от межбюджетных трансфертов и лояльности муниципалитетов к вышестоящим субъектам. Как отмечает В. В. Левина, в 2014 г. бюджеты более 75 % от общего количества сельских поселений характеризовались величиной межбюджетных трансфертов в объеме собственных бюджетов более 30 %, а более чем в 35 % поселений данный уровень превысил 70 %, то есть к каждому четвертому сельскому поселению в настоящее время применяются существенные ограничения в реализации бюджетной политики [5].

Органы МСУ России действуют согласно предоставляемым им полномочиям, прямо разрешенным законом. Согласно закону № 136-ФЗ, который внес серьезные изменения в регулировании компетенций органов МСУ посредством введения механизма одностороннего со стороны субъекта РФ перераспределения полномочий органов МСУ. Основным субъектом по контролю и надзору за деятельностью МСУ является прокуратура. Также субъекты РФ обязаны контролировать выполнение МСУ переданных им полномочий. Также происходит контроль по линии партийной субординации.

Переходя к рассмотрению китайского опыта, необходимо отметить, что во втором десятилетии XXI в. наша страна активно взаимодействует и сотрудничает с Китайской Народной Республикой, что придает большую значимость данному исследованию.

Решающую роль в успешной реализации местного самоуправления в КНР сыграла Коммунистическая партия Китая, которая взяла демократизацию общества через развитие низового уровня самоуправления. Согласно конституции КНР и законам о сельских и городских комитетах китайская модель МСУ представляет только один уровень МСУ на уровне комитета сельских или городских жителей [4]. Согласно закону о сельских комитетах комитет сельских жителей является массовой организацией самоуправления на местном уровне. Сельский комитет отделен от партии и государства, управляя общественными делами и общественными мероприятиями, улаживая споры между сельчанами, помогает поддерживать общественный порядок, передает мнения и требования сельчан, их предложения в народное правительство [1].

Вышестоящие волостная и уездная администрации не имеют полномочий назначать на должность и выдвигать претендентов на посты в комитеты, только рядовые жители деревни предлагают тех, кого бы они хотели видеть в качестве управленцев общедеревенскими делами. Выдвижение происходит на всеобщих собраниях жителей деревни, которые являются механизмом регулирования всей сельской жизни на низовом

уровне. Контроль за деятельностью комитетов городских и сельских жителей ведет министерство по гражданским делам. Данный комитет также проводит обучение, повышение управленческой грамотности руководителей комитетов на специальных курсах [10].

Выделим особенное в системах МСУ России и КНР и представим их в таблице 1.

Таблица 1

Особенное в системах МСУ России и КНР

№	МСУ РФ	МСУ КНР
1	Местное самоуправление и органы муниципальной власти прямо не входят в структуру государственной власти	Высокая централизация государственного управления и подчиненность низового уровня политическому направлению партии
2	Двухуровневая система самоуправления	Одноуровневая система местных органов управления
3	Подчинение вышестоящему через несбалансированность межбюджетных отношений	Финансовая самостоятельность комитетов жителей
4	Отсутствие определенного набора компетенций	Четкое определение компетенции
5	Выборность части должностных лиц МСУ	Выборность всех должностных лиц в комитеты сельских и городских жителей
6	Осуществление косвенного контроля через деятельность прокуратуры и следственного комитета	Осуществление прямого контроля за деятельностью комитетов жителями и органами власти
7	Точечный характер введения технологий прямой демократии и тенденция к уходу от данных технологий	Массовый характер введения технологии прямой демократии на низовом уровне

Таким образом, мы видим множественные различия, которые показывают разность систем МСУ в России и Китае. Фактическое подчинение политике партии в Китае и тенденция к бюрократизации и централизации власти в России приводят к толкованию местного самоуправления как способа решения насущных проблем населения своими силами, за свой счет. Невозможность своими силами удовлетворить местные интересы приводит к возникновению угрозы национальной безопасности России, поскольку ухудшение социально-экономического положения в муниципалитетах ведет к формированию негативного общественного мнения и делигитимации власти.

Библиографический список

1. Бергер, Я. Перспективы политической реформы в современном Китае / Я. Бергер // Отечественные записки. 2008. № 3 (42). URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/perspektivy-politicheskoy-reformy-v-sovremennom-kitae> (дата обращения 03.02.2017).

2. Будегечиева Ю. А. Деревенское самоуправление в современном Китае: автореф. ... к-та ист. наук: 07.00.03 / Будегечиева Ю. А. Иркутск, 2011. 30 с.

3. Джон Торнтон. Перспективы демократического развития Китая / Торнтон Джон // Портал «Родон». URL: <http://www.rodon.org/polit-080530104920> (дата обращения 03.02.2017).

4. Закон КНР о сельских комитетах // Бизнес в Китае. Информационно-аналитический портал. URL: <http://asia-business.ru/law/law3/rural/> (дата обращения 09.02.2017).

5. Левина В. В., Яговкина В. А. Управление муниципальными финансами. Учеб. пособие / В. В. Левина, В. А. Яговкина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 135 с.

6. Лысякова Л. М. Развитие институтов самоуправления на местном уровне в КНО в 1980–90-е гг.: Сравнительный анализ китайского и российского опыта: дис. ... к-та полит. наук: 23.00.02 / Лысякова Л. М. М., 2000. 163 с.

7. Прибытков, Ю. Б. Развитие муниципального пространства и политической культуры участия в России / Ю. Б. Прибытков // Наука Красноярья. 2016. № 6 (39).

8. Сивинцева, О. В. Местное самоуправление как институт публичного участия: траектории развития в России и Китае / О. В. Сивинцева, С. Р. Титова // Власть. 2016. № 12.

9. Grassroots Political Reform in Contemporary China / ed. By E. J. Perry, M. Goldman. Cambridge, London : Harvard Univ. Press, 2007. 404 p.

10.2015 年民政工作报告 [Отчет о работе
Министерства по гражданским делам КНР за
2015 г.] // Сайт Министерства по гражданским

делам КНР. URL: [http://images3
.mca.gov.cn/www/file/201605/1462763666281.pdf](http://images3.mca.gov.cn/www/file/201605/1462763666281.pdf)
(дата обращения 13.01.2017).

УДК 331.104.22
ББК 60.55-422

КОНФЛИКТ В ОРГАНИЗАЦИИ И СПОСОБЫ ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

И.А. Ишакова

Научный руководитель – *И. Г. Томарева*, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Волгоградского института управления РАНХиГС

Аннотация. История показывает, что конфликты между группами и отдельными индивидами наблюдались всегда и, вероятно, будут еще возникать на протяжении всего существования человеческого общества. Поэтому так важно понимать значение конфликта и уметь эффективно им управлять. Данная статья объясняет влияние конфликтных ситуаций на продуктивность функционирования организации. Проведенное теоретическое исследование отражает процесс урегулирования конфликта в организации, учитывая различные ситуации, важность поднимаемых проблем и личные качества сторон. Особое внимание уделяется наиболее используемым и действенным стратегиям поведения в конфликте. Кроме того, дается развернутое определение конфликта, рассматриваются типы и уровни разногласий. Эта статья должна помочь руководителям и командам усовершенствовать их функциональность и активизировать эффективность в достижении их конечных целей по становлению высокопроизводительной группой.

Ключевые слова: конфликт; спор; конфронтация; урегулирование конфликта; менеджмент; возникновение конфликта; конфликтная ситуация; стратегии поведения в конфликте; методы разрешения конфликта.

ORGANIZATIONAL CONFLICTS AND THE WAYS OF ITS RESOLVING

A. I. Ishakova

Abstract. According to our history, conflicts between groups and individuals always had happened and, probably they will take place as long as humanity will exist. That's why it is very important to understand the meaning of conflict and be able to manage it effectively. This article discusses the influence of conflict situations on the productiveness functioning in organization. The proposed theoretical study reflects the process of resolving conflict in organization considering various situations, the importance of arising problems and personal qualities. Special attention is paid to the strategies for managing conflicts. It also describes the methods and recommendations for managers how to make a team where conflict resolution occurs naturally. This article will help teams improve their functionality and dynamic effectiveness in an effort to reach their ultimate goals in reaching to be a high performing team.

Key words: conflict; dispute; confrontation; conflict resolution; management; occurrence of conflict; conflict situation; strategies for managing conflicts; methods of conflict resolution.

С того времени, как люди начали собирать и хранить в письменном виде информацию о происходящих событиях, стало возможным наблюдать множественное количество споров между разными группами людей. Причиной возникновения конфликтов согласно древним письменам стало соперничество за добычу пищи. Однако не важно, что послужило первопричиной возникновения конфликтов между группами, очевидно, что они возникали всегда и будут еще возникать на протяжении всего существования человеческого общества. Современный руководитель может гарантировать успешное урегулирование бизнес-

конфликтов путем применения принципов устройства военного конфликта [5, с. 366].

Очевидно, что конфликт может возникать между двумя и более сторонами, будь то отдельные лица, группы, отделы, подразделения, компании, политические партии или даже целые нации. Двусторонние конфликты могут быть разделены на несколько форматов: между отдельными лицами, между личностью и группой, между группами и между целыми организациями.

Конфликт внутри организации определяется как крайняя форма обострения противоре-

чия между двумя или более сторонами или между несколькими точками зрения по поводу того, как наилучшим образом достичь организационных целей [2, с. 31]. Это определение имеет два основополагающих аспекта.

Конфликт – это объективное или субъективное противостояние нужд, ценностей и интересов. Понятие конфликта может помочь в объяснении многих аспектов социальной жизни, таких как социальные разногласия, конфликт интересов, борьба между отдельными индивидами, группами или организациями. В политической сфере конфликт может выражаться в виде войны, революции или других противостояний, которые могут предполагать использование силы, в том числе в виде вооруженного конфликта [1, с. 19]. Без должного управления и поиска пути разрешения конфликта в организационной среде конфликт может привести к появлению напряжения или давления в коллективе. Когда происходит межличностный конфликт, его последствия затрагивают, как правило, не только участников спора, они также распространяются на большинство их коллег и на их взаимоотношения.

Конфликт как предмет изучения и профессиональной работы в сфере урегулирования конфликтных ситуаций обычно определяется как ситуация, когда двое или больше участников спора, имеющих несовместимые планы, добиваются подрыва возможности достижения целей друг друга.

Столкновение интересов, целей или ценностей часто служат причиной появления конфликта. Конфликты, в свою очередь, также объясняют существование этих столкновений. С точки зрения психологии, конфликт возникает тогда, когда происходит уменьшение влияния одного мотивационного стимула и предполагается увеличение влияния другого, таким образом, требуя введения новых установок. Термин «конфликт» может быть применим с того момента, когда разногласие только появилось. Даже когда мы говорим, что здесь имеет место потенциальный конфликт, мы предполагаем, к примеру, что это конфликт интересов, даже если само столкновение может еще и не произошло.

Таким образом, мы можем сформулировать следующее определение конфликта в организации: конфликт – это разногласие в организации между двумя или более сторонами или несколькими точками зрения по поводу того, как наилучшим образом достичь корпоративных целей.

Американские авторы Д. Прюитт и Дж. Рубин разработали двумерную схему, помо-

гающую объяснить процесс решения конфликта, включающую в себя: заинтересованность в достижении собственных результатов и озабоченность результатами других участников спора. Эта схема позволяет прийти к следующим гипотезам.

1. Высокая озабоченность как своими собственными, так и результатами других участников вынуждает к поиску взаимовыгодных решений.

2. Высокая заинтересованность в достижении собственных целей приводит к попыткам «выиграть» конфликт.

3. Забота о результатах других участников приводит только к тому, что индивид позволяет им «выиграть» конфликт.

4. Отсутствие интереса в достижении целей всех участвующих сторон позволяет избежать конфликта [4, с. 605].

С того момента, когда конфликты становятся неотъемлемой частью жизни организации, руководство должно управлять ими и применять результативные управленческие стратегии их разрешения. Осваивая разнообразные техники, лидер может увеличить свою управленческую эффективность. Наиболее используемые и действенные методы разрешения конфликта – это уклонение, смягчение, влияние или применение силы, компромисс и конфронтация.

Уклонение – стратегия менеджмента для решения организационных конфликтов, которая представляет собой игнорирование или создание полного разделения воюющих сторон, или частичную сепарацию, позволяющую ограничить их взаимодействие. Эту стратегию применяют менеджеры, когда хотят избежать долговременного процесса разрешения проблемы или причина спора не была достаточно важной. Среди сильных сторон техники можно выделить то, что она позволяет менеджеру избежать пустой траты времени на проблемы, которые, по его мнению, могут решиться «сами собой». Однако стоит учитывать, что проблемы, лежащие в основе конфликта, не решаются, а соответственно, могут возникнуть снова и стать более опасными для организации.

Сглаживание – техника управления конфликтом, которая ставит перед собой цель достижения гармонии между участниками спора. Рассмотрение проблемы поверхностно, отрицая ее важность для организации или полностью не признавая того, что проблема существует, – это примеры сглаживания. Несмотря на создающийся внешний мир между работниками, не решаются проблемы, лежащие в основе конфликта, и

зачастую создается только иллюзия урегулирования спора.

Доминирование или силовое вмешательство – еще одна техника управления конфликтом, заключающаяся в нахождении решения проблемы со стороны высшего руководства (выше, чем уровень, на котором произошел конфликт). К данной стратегии обращаются для быстрого решения возникшей конфронтации. Однако данный метод, как и многие другие, не может решить «коренные» проблемы конфликта, а также могут развиваться плохие взаимоотношения между боссом и персоналом.

Компромисс – стратегия управления конфликтом, в ходе которой ищется решение проблемы, способное удовлетворить хоть минимум требований каждого субъекта спора. Однозначным плюсом данной техники является то, что каждая сторона конфликта что-то получает – «выигрывает» частично. Но все же этот метод не обеспечивает полного удовлетворения каждой стороны и не в состоянии решить проблемы, побудившие конфликт.

Конфронтация (столкновение интересов) – стратегия управления конфликтом, отличительными чертами которой являются прямое, открытое обсуждение причин и источников конфликта и достижение разрешения, наилучшим образом удовлетворяющего интересы группы. Однако это может означать, что один или все участники спора будут вынуждены пойти на уступки. Эта стратегия больше всех остальных ориентирована на подлинное и эффективное решение проблемы. Менеджер прибегает к данной стратегии, когда желает выяснить «корень» или причины конфликта [5, с. 381].

Если рассматривать конфликт со стороны концепции «победителей и проигравших», то в ходе разрешения спора между участниками могут сложиться следующие отношения:

1. победитель-победитель, где оба участника спора добиваются своих целей;
2. победитель-проигравший, где только одна сторона получает то, что она хочет;
3. проигравший-проигравший, когда оба участника не достигают желаемого результата.

Как члены коллектива мы все понимаем неизбежность межличностных конфликтов. Такой конфликт должен быть урегулирован и разрешен, прежде чем он перерастет в словесные оскорбления и нанесет непоправимый вред команде. Когда межличностный конфликт уже произошел, все стороны столкновения должны быть выявлены без «указывания пальцем» и об-

винений. Решение такого вида конфликта может быть сложным и крайне неудобным процессом.

Первый шаг для разрешения межличностного конфликта – это признание существования этого конфликта. Осознание противостояния позволит членам команды выстроить подходящий фундамент, для того чтобы конфликт работал на благо команды и организации. Глобальные цели могут дать членам команды мотивацию для разрешения конфликта.

Разрешение конфликта между группами лидер должен начать с объединения враждующих сторон вместе и подтверждения наличия конфликта. Лидер коллектива должен быть уверен, что все члены коллектива отчетливо понимают групповые цели. Однако не только каждый отдельный член группы должен группы понимать, какие задачи стоят именно перед ним, но и они все должны быть готовы работать вместе для их достижения.

Если конфликт возникает между командой и лидером группы, первым шагом является определение причин конфликта. Если конфликт имеет отношение к целям организации, то это означает, что сотрудникам не до конца ясны эти цели. Конфликт также может относиться к рабочему процессу организации. В обоих случаях члены команды могут вынести проблему на групповое обсуждение, попросить прояснить цели организации, чтобы все сотрудники их поняли. Если ранее рабочий процесс никогда не обсуждался командой, то теперь подходящее время для того, чтобы сделать это. Если руководитель отказывается обсуждать возникающие проблемы на групповой встрече, то членам коллектива следует по отдельности подойти к руководителю за объяснениями. Сотрудники также должны быть готовы разъяснить проблему и почему сложившаяся ситуация не работает.

Во время столкновения с конфликтом для членов команды вполне естественно занять оборонительную позицию. Но не стоит забывать, что защитная реакция значительно затрудняет процесс разрешения конфликта. Среда, в которой члены команды настроены на мирное разрешение конфликта, развивает у ее участников способность прислушиваться друг к другу. Этот навык включает в себя возможность внимательно слушать оппонента, не перебивая (так же не стоит отвлекаться на другие разговоры, рисовать или смотреть в пустоту). Урегулирование группового конфликта включает следующие фундаментальные элементы:

1. Прежде чем высказать какое-либо мнение, говорящий должен попытаться понять и осознать, что сказали другие. Это может быть сделано при помощи нескольких уточняющих вопросов.

2. Стремитесь уточнить, что противоположные стороны имеют общего. Это поможет закрепить сходство точек зрения участников конфликта.

3. Так или иначе, соглашение будет достигнуто, члены команды должны поблагодарить друг друга за выражение своих точек зрения и чувств. Выражение благодарности другим является признанием собственного риска вырваться из группового мышления и должно быть рассмотрено как выражение доверия и приверженности команде [3, с. 63].

Лидер группы должен выполнять обязанности по решению конфликтов внутри своего коллектива. Ниже приведены несколько способов и рекомендаций, которые помогут руководителям в создании команды, способной урегулировать конфликты естественным путем. Первая вещь, которую может сделать лидер в своей команде для решения конфликтных ситуаций, – это учреждение групповых правил с самого начала. Такие групповые правила могут инструктировать членов команды для самостоятельного разрешения конфликтов, прежде чем обратиться к лидеру за помощью. Также они должны устранять малейшие проявления политиканства в коллективе (появляющиеся разногласия или проблемы не следует решать по отдельности, они должны быть обсуждены с группой). Если основные групповые правила уже были установлены ранее, обсудите, все ли с ними согласны и готовы следовать им. Рассмотрите методы и процессы, которые будут использованы для выполнения командных задач. Еще раз следует отметить, что очень важно заставить всех членов команды работать вместе для достижения общей цели.

Руководителю коллектива следует улучшать внутреннюю среду в своих командах, делая ее более позитивной и безопасной. Такая атмосфера будет способствовать коммуникации, и будет помогать членам команды решать возникающие конфликты. Лидер также должен обеспечивать разнообразные виды активной деятельности вне офиса, которые способствуют развитию в коллективе доверия и сплоченности, что помогает избежать негативной конфронтации до ее начала.

Руководители должны точно отслеживать уровень производительности в своих группах. Осложнения в этой сфере, оставаясь нерешен-

ными, являются причиной снижения мотивации и морального состояния коллектива. Проблемы с производительностью некоторых членов команды должны быть немедленно решены, для того чтобы избежать конфликтов в группе. Это не означает, что нужно незамедлительно избавиться от низко производительных сотрудников. Когда работник проявляет старания, руководитель должен помочь ему, организовывая дополнительное обучение для повышения квалификации и развития необходимых навыков.

В этом процессе жизненно важно для лидера группы помнить, что ответственность должна быть разделена между членами группы. Без подотчетности в команде не может происходить фокусирование на цели, и команда не сможет производить желаемых результатов. Недостаток ответственности может вызывать огромные рабочие и межличностные конфликты. Поручительство также способствует достижению успехов и помогает членам команды реализовать свой потенциал.

Подводя итог, хочется ее раз подчеркнуть, что конфликт при эффективном управлении может в геометрической прогрессии увеличивать производительность любой команды. Менеджмент, подходящий для определенного типа конфликта в организации, способствует становлению успеха команды.

Библиографический список

1. Гришина, Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. / Н. В. Гришина. СПб.: Питер, 2001. 464 с.
2. Доронина, Н. И. Международный конфликт. О буржуазных теориях конфликта. Критический анализ методологии исследований / Н. И. Доронина. М.: Международные отношения, 1981. С. 31–34.
3. Томарева, И. Г. Английский язык для конфликтологов (язык профессионального обучения): учебное пособие. ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы» / И. Г. Томарева. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. 72 с.
4. Levine John M, Hogg Michael A. Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations/ John M Levine, Michael A. Hogg // Sage Publications, Ink., 2010. 605 p.
5. Montana, Patrick J. Management / Patrick J. Montana and Bruce H. Charnov. – Third Edition. // Barron's Educational Series, Inc. Prior editions. 2000. 541 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЛЛАХВЕРДИЕВ** – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Международных отношений», Азербайджанский университет туризма и менеджмента, Азербайджан, г. Баку
Кенан Гусейн оглы
контактная информация: kenan.allakhverdiev@gmail.com
- ВАКУЛА** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России», г. Ростов-на-Дону
Иван Михайлович
контактная информация: imvakula@mail.ru
- ВАСЮКОВ** – магистрант кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Антон Сергеевич
контактная информация: anton34-1984@mail.ru
- ВОДЯНИКОВА** – кандидат философских наук, доцент, доцент, Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, г. Ростов-на-Дону
Ирина Федоровна
контактная информация: vodjanikova@yandex.ru
- ГАШПИЕРИК** – д-р филос. наук, филос. ф-т, кафедра истории Словакии университет им. Я.-А. Коменского, г. Братислава, Словакия
Любомир
контактная информация: gaspierik.lubomir@gmail.com
- ГЛУШКО** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Азово-Черноморский инженерный институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет», г. Зерноград Ростовской области
Ирина Васильевна
контактная информация: glu-ir@mail.ru
- ЗУДОВА** – аспирант, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Екатерина Васильевна
контактная информация: zudovaev@mail.ru
- ИШАКОВА** – студент, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Анастасия Игоревна
контактная информация: a_ishakova03@mail.ru
- КИТАЕВ** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Сергей Викторович
контактная информация: kitaevs@mail.ru
- КОБЕЦ** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (ФГКУ «ВНИИ МВД России»), г. Москва
Петр Николаевич
контактная информация: pkobets37@rambler.ru
- КОЛЕСНИКОВ** – доктор политических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Вячеслав Александрович
контактная информация: kolesnikov-vags@mail.ru
- КОНТАРЕВ** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России», г. Ростов-на-Дону
Анатолий Александрович
контактная информация: imvakula@mail.ru
- ЛАВРУХИНА** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Азово-Черноморский инженерный институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет», г. Зерноград Ростовской области
Ирина Михайловна
контактная информация: lavruhina_i@inbox.ru

- МАМЕДОВ** – кандидат исторических наук, доцент, доцент, академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, г. Баку
Чингиз Исак
контактная информация: chingiz.isakoqlu@gmail.com
- МАСЛОВА** – доктор социол. наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии, ГБОУ «Ставропольский государственный педагогический институт», Ставрополь
Татьяна Федоровна
контактная информация: tatianamslova@rambler.ru
- МИТРОХИНА** – доктор политических наук, профессор, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова, Саратов
Татьяна Николаевна
контактная информация: Mtn002@rambler.ru
- МОРОЗОВ** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Илья Леонидович
контактная информация: politkon@mail.ru
- ПЕРЕРВА** – кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Евгений Владимирович
контактная информация: perervafox@mail.ru
- ПРИБЫТКОВ** – магистрант, председатель Регионального общественного движения Реализации общественных и гуманитарных инициатив Волгоградской области, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Юрий Борисович
контактная информация: pribytkow@mail.ru
- СТАЦЕНКО** – студент, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Екатерина Романовна
контактная информация: 2stacen1997@mail.ru
- ТЕР-АКОПЬЯН** – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону
Владимир Александрович
контактная информация: german_04@mail.ru
- ТОМАРЕВА** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Ирина Геннадиевна
контактная информация: tomareva@bk.ru
- ФАРУХОВ** – магистр, преподаватель кафедры «Политологии и политического управления», заместитель декана, факультет политического управления, Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, г. Баку
Мамедали Мовсум оглы
контактная информация: m.farrukhov@mail.ru
- ЧЕРНИЦЫНА** – аспирант кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Ольга Владимировна
контактная информация: chernicynaov@mail.ru
- ЮШИНА** – магистрант, Волгоградский института управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
Надежда Андреевна
контактная информация: nadi.dolgova@mail.ru
- ЯГИЗАРОВ** – кандидат исторических наук, доцент, Заместитель декана факультета Политического управления, академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Баку
Шапи Николаевич
контактная информация: Yagizarov52@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует статьи, рецензии, научные сообщения; выходит 4 раза в год (ежеквартально), материалы для публикации в очередном номере принимаются до 25 числа второго месяца каждого квартала. Публикация осуществляется **бесплатно**, номер журнала можно получить в научном отделе ВФ РАНХиГС (Волгоград, ул. Гагарина 8, ауд. 303), иногородним авторам будет выслан по указанному Вами адресу.

Материалы представляются на электронном носителе в виде двух файлов.

В первом файле на русском и английском языках данные об авторе: Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, должность, контактную информацию (место работы/учебы, полный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail). Информация о результатах проверки на плагиат, а также о том, что рукопись не была опубликована ранее и не будет направлена в другое издание.

Во втором файле материал для публикации. Требования к **рукописям**:

1. Объем не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman размером 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, нумерация страницы по центру внизу.

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК (на русском языке); заглавие, инициалы и фамилия, аннотация (50–100 слов), ключевые слова (5–8) на русском и английском языках.

3. Текст статьи (рецензии, сообщения) и список литературы на русском языке. Список литературы располагается после текста статьи, предваряется словом **Библиографический список**, оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [5, с. 12].

4. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного, вспомогательного текста допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки (чёрно-белые, цветные) внедрены в текст, журнал публикуется в черно-белом варианте.

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (подлинник или сканированный вариант). **Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат». Компьютерный перевод на английский язык не принимается!**

Статьи печатаются на русском или английском языках. Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования. Адрес для пересылки статей и последующей переписки: vestnik-vags@yandex.ru

Более подробная информация о требованиях, рекомендациях для подготовки научных публикаций в журнал расположена по адресу:

http://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2671

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС**
Серия: политология и социология. 2017. № 2.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редакторы *Н. В. Никитина, М. И. Мульганова*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Свидетельство ПИ №ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 26.11.2017. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 8,61. Физ. п. л. 10.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10